

Севастопольский городской гуманитарный университет
Севастопольское общество исследования славянских языков
Севастопольская ассоциация экспериментальной лингвистики

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
в г. СЕВАСТОПОЛЕ**

Севастополь

2007

ОО САЭЛ

Предисловие

Русский язык принадлежит к числу широко распространенных языков мира, обеспечивающих коммуникативные потребности представителей самых разных национальностей. По данным международных организаций, в восьмидесятые годы XX века русский язык изучали почти в 100 странах мира и владели им в той или иной степени около полумиллиарда человек. Русский язык остается в числе шести официальных языков ООН. Благодаря русскому языку многие миллионы людей во всем мире приобщаются к культурным ценностям русского народа.

Становление и функционирование любого, в том числе и русского, языка в межнациональном общении, вхождение его в ряд мировых языков – процесс очень сложный и многоплановый, включающий в себя взаимодействие целого комплекса лингвистических и социальных факторов.

Русский язык – один из наиболее развитых языков. Он обладает богатым словарным фондом и терминологией по всем областям науки и техники, выразительной краткостью и ясностью лексических и грамматических средств, развитой системой функциональных стилей, способностью отразить все многообразие окружающего мира.

Язык – явление социальное. Любое изменение, происходящее в обществе, естественно, отражается и на языковых процессах, поэтому русский язык активно пополняется за счет новых слов и значений.

Самым подвижным пластом языка является лексика. Именно лексика наиболее восприимчива ко всему новому. Это очевидно: появляются новые реалии – появляются новые слова, их обозначающие, исчезают реалии – исчезают и слова. Возникновение или исчезновение слов отражает изменения нашей жизни, нашего образа мыслей.

По поручению Севастопольского горсовета Севастопольский городской гуманитарный университет в 2007 году осуществил мониторинг функционирования русского языка в г. Севастополе с привлечением ученых и сотрудников общественных организаций, занимающихся соответствующей проблематикой.

Мониторинг проводился в несколько этапов и включал в себя три взаимосвязанных направления исследований:

- 1) социально-психологическое;
- 2) лингвистическо-теоретическое;
- 3) лингвистическо-практическое.

I этап (май–сентябрь 2007 г.) – проведены:

- предварительное исследование социально-психологических аспектов функционирования русского языка в г. Севастополе с целью определения состава репрезентативной выборки, основных направлений, методов исследования. Разработаны анкеты, адекватные особенностям изучаемых явлений;

В заключение хотелось бы выразить благодарность всем, кто принял участие в организации и проведении мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе, в частности, депутатам Севастопольского городского совета и лично председателю постоянной комиссии по социально-гуманитарным вопросам Т.П.Сорокиной и депутату горсовета, члену постоянной комиссии по социально-гуманитарным вопросам Л.Е.Литвиновой.

Ю.Ситко

И.Л.Пономаренко
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАТИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ
МОНИТОРИНГА ЯЗЫКОВОЙ
СИТУАЦИИ В Г. СЕВАСТОПОЛЕ

Первый научно-методический этап мониторинга состоял в подготовке анкетного опроса. В задачи этого этапа входили:

1. Разработка опросного листа анкеты.
2. Экспертная оценка соответствия вопросов анкеты на предмет соответствия искомой информации.
3. Пилотажное исследование.
4. Обучение интервьюеров в соответствии со спецификой опроса.
5. Научно-методическое обоснование анкеты социально-психологического исследования функционирования русского языка в г. Севастополе.

Социально-психологическая составляющая мониторинга языковой ситуации в г. Севастополе преследует цель изучения представленности русского языка в различных сферах жизни севастопольцев, включая деловое, частное общение, язык СМИ и образования. Психологический компонент мониторинга обеспечивается проективным характером большинства вопросов анкеты, а также психосемантическим анализом субъекта речевой деятельности.

Анкета состоит из 19 вопросов (заданий), сгруппированных в 5 блоков по методическому принципу, и блока демографических данных.

Каждая исследуемая шкала (быт, образование, СМИ, право) равномерно представлена в блоках А, Б, В, Г анкеты. Группировка вопросов по методическому принципу преследует две цели. Во-первых, облегчает работу по заполнению анкеты, что упрощает труд интервьюера и способствует более точному заполнению анкеты респондентами. Во-вторых, представленные в анкете шкалы не рефлексированы респондентами, что снижает вероятность автоматических (по аналогии с предыдущими) ответов.

Блок демографических данных располагается внизу второй страницы анкеты (см. приложение А). Мы преследовали цель не актуализировать у респондентов ту или иную манеру ответов, обусловленную их гендерной, возрастной, образовательной и этнической принадлежностью.

Группа А

Первая группа представляет собой серию закрытых вопросов (вопросы № 1, 2, 3 и 4). Большинство психологических вопросников построено именно по этому принципу, поскольку такая структура интервью наиболее проста для респондентов. Однако ответы на закрытые вопросы («Да» или «Нет») позволяют судить только о степени выраженности измеряемого свойства и не дают качественной информации (или она минимальна). Поэтому на этапе разработки мы заложили в анкету возможность для респондентов делать по желанию уточняющие замечания (о причине ограничений телетрансляций – вопрос № 2, о характере языкового дисбаланса – вопрос № 4).

Группа Б

Вторая группа представляет собой серию открытых вопросов (вопросы № 5, 6, 7, 8). Открытые вопросы увеличивают информативность опроса и разброс мнений, но затрудняют обработку результатов, поэтому при обработке результатов в таблицу первичных данных будут заложены статистически частые ответы, при этом количество баллов будет начисляться в зависимости от очередности выбора. Так, например, если в вопросе № 8 первым будет назван украинский язык, то в его графе будет проставлено 3 балла; два балла будет проставлено в графе «русский», если этот язык будет назван вторым и т.д. Вопросы серии Б, так же как и вопросы предыдущей группы, имеют интроспективный характер и отражают мнения респондентов о функционировании языка, а не объективные лингвистические показатели. Таким образом, предметом научного анализа становится категория *отношения к функционированию языка*.

Категория «отношение» представляет собой систему избирательных, валентных связей личности с различными сторонами объективной действительности: с явлениями природы и миром вещей; с другими личностями, социальными группами и феноменами; и, в том числе, отношением является система связей личности как субъекта познания с самой собой как субъектом деятельности. Система отношений определяется всей историей развития человека, но выражает также и личный опыт, определяя поступки и переживания индивида. Таким образом, категория отношения к функционированию языка как предмет научного анализа позволяет судить о личном опыте и связанных с ним переживаниях респондентов, а также прогнозировать поступки в области образования, самообразования, самореализации и т.п.

Группа В

Задания этой серии (№ 9, 10, 11 и 12) предполагают самостоятельное ранжирование ответов респондентами. Таким образом, при обработке результатов в таблицу первичных данных будут заложены статистически частые ответы, при этом количество баллов будет начисляться в соответствии с теми оценками, долями и процентами, которые определили респонденты. Здесь опять же мы не получим достоверной информации о, например, реальном уровне владения английским языком, однако сопоставив субъективную оценку (вопрос № 9) с ролью этого языка в самореализации (вопрос № 8 предыдущей серии), мы будем иметь представление о функционировании языка в сфере образования (образовательные потребности респондентов).

Ранжирование телевизионных каналов также направлено не только на социологический массив данных о популярных каналах. Общий рейтинг телеканалов, а также рейтинги телеканалов по каждому социологическому страту в отдельности будут соотнесены с заключениями филологов-экспертов о качестве языка (языков) телеканалов. Предпочтение того или иного канала может быть обусловлено как характеристиками языка трансляции, так и содержательными факторами. Канал, выбранный по соображениям интереса и полезности, а не языка трансляции, оказывает влияние на языковую культуру телезрителей, что опять же позволяет нам строить прогнозы относительно изменений в функционировании языка.

Группа Г

Пункты 13, 14, 15, 16 и 17 оформлены в виде незаконченных предложений. Проективный характер заданий позволяет «обойти» психологические защиты и внутреннюю цензуру, обеспечивая более свободное выражение собственных языковых предпочтений вместо репродукции социально приемлемых ответов. Максимально снизить социальную желательность удалось в вопросе № 15, в котором языковое предпочтение приписывается другому безличному субъекту. Проекция языковых предпочтений подразумевается также в незаконченном предложении № 17, который имеет вид вопроса о литературных предпочтениях респондента или даже задания на эрудицию. В меньшей степени удалось снизить социальную желательность в вопросе о функционировании языка в сфере регламентированных отношений респондентов (вопрос № 16), так как отсутствие стандартизации ответов неоправданно усложнило бы обработку.

Завершенное предложение оценивается, во-первых, с точки зрения формальных языковых характеристик, во-вторых, с точки зрения со-

держания. Формальные характеристики включают время ответа, количество слов, точность продолжения, его выразительность и соответствие языковым нормам. Содержание может быть проанализировано с точки зрения эмоциональности, символичности, метафоричности и т.п. Эти психолингвистические характеристики могут быть выделены в вопросе № 17 при анализе анкеты и в опоре на отчеты интервьюеров. Таким образом, введение в анкету проективного метода позволяет усилить психологический компонент исследования языковой ситуации посредством анализа формальных и содержательных характеристик завершенных респондентами предложений.

Группа Д

Эта серия содержит наименьшее количество заданий (№ 18 и № 19), однако инструктирование респондентов и собственно выполнение представляют собой трудоемкий процесс, поскольку задания представлены в форме семантического дифференциала «Шкала комфорта». Семантический дифференциал является методом измерения значения и позволяет построить индивидуальное семантическое пространство респондента относительно дифференцируемого понятия. Процедура представляет собой шкалирование заданного понятия по семи уровням интенсивности антонимических позиций, в качестве которых выступают прилагательные.

Методика «Шкала комфорта» представляет семантических дифференциал, состоящий из 21 пары признаков. Эксперты в области психофизиологии предоставили перечень состояний, во время которых диагностируется высокий индекс напряжения. С помощью словаря синонимов и антонимов русского языка были сформированы бинарные признаки, характеризующие одно или несколько состояний из перечня. Пилотажное исследование показало, что модифицированный дифференциал «Шкала комфорта» имеет три шкалы, релевантные выделенным Ч. Осгудом шкалам силы, активности и оценки. Использование «Шкалы комфорта» при построении семантического пространства носителя языка позволяет судить о комфортности языкового самовыражения севастопольцев и психологической дистанции по отношению к другому субъекту как носителю языка.

Обработка результатов дифференцирования дает исследователю несколько планов психологического анализа языковой ситуации. Во-первых, при анализе ответов билингвов мы получим представление о динамике самоотношения (внутреннего комфорта) при переходе с одного языка на другой. Во-вторых, при анализе ответов респондентов, не достаточно свободно владеющих тем или иным языком, мы

получим представление об отношении респондента к субъекту речевой деятельности, что несколько выходит за рамки предмета мониторинга, однако представляет научный интерес, а также позволяет делать прогнозы динамики языковой ситуации.

В целом же, результаты каждого дифференцирования группируются в три независимых фактора семантической коннотации: волевые качества, эмоциональная экспрессивность, аутентичность. По этим трем факторам мы можем сравнить отношение различных страт населения Севастополя к языкам, используемым в повседневной жизни.

Демографические данные

Некоторые вопросы анкеты (о родном языке, о языке семейного общения, об этнической самоидентификации) оформлены как демографические необязательные сведения о себе. Этот прием обусловлен необходимостью снизить внутреннюю цензуру респондентов и повысить вероятность аутентичных ответов.

Анкета разработана в двух вариантах (см. приложения). Второй вариант создан для группы экспертов, которую составили ученые (кандидаты и доктора филологических и исторических наук), работники библиотек и театров, школьные учителя русского и украинского языков, администраторы, редактора печатных изданий.

После научно-методической экспертизы и пилотажного исследования координатором проекта были утверждены два варианта анкеты (см. приложения). Первый вариант предназначен для анонимного репрезентативного опроса жителей г. Севастополя. Второй вариант предназначен для экспертного опроса лиц, компетентных в вопросах функционирования русского языка в г. Севастополе.

Обучение интервьюеров преследовало цель подготовки к анкетированию и изготовлению отчета интервьюера и решало следующие задачи:

1. Анализ и способы предупреждения психологических проблем, связанных с интервьюированием.
2. Ознакомление интервьюеров с маршрутным листом и выборкой исследования.
3. Методические рекомендации по заполнению анкеты: обучение приемам работы с семантическим дифференциалом и незаконченными предложениями.

Распределение учебного времени:

№	Тема	Кол-во часов
1.	Психологические проблемы работы интервьюера	2
2.	Маршрутный лист и выборка исследования	1
3.	Методы семантического дифференциала и «Незаконченные предложения»	1
4.	Анализ возможных вопросов респондентов при самостоятельном заполнении анкеты интервьюерами	2
	Итого	6

Психологические аспекты работы интервьюера

Одним из основных факторов успешности проведения интервью является его продуманная стратегия. Так же, как и в любых переговорах, при проведении интервью нам необходимо помнить о поставленных целях. В рамках мониторинга языковой ситуации нас интересует **отношение** севастопольцев к функционированию языка в различных сферах их жизнедеятельности. Также нам необходимо выявить не только общие, характерные для всех севастопольцев, тенденции, но и сравнить отношение к языковой ситуации различных страт населения. Для достижения поставленных целей нам необходимо решить следующие задачи.

Первая задача – установление контакта с человеком таким образом, чтобы его реакции были максимально адекватны, он максимально раскрылся, и мы могли, с одной стороны, получить от него полную, необходимую нам информацию, а, с другой стороны, мотивировать его на дальнейшее взаимодействие (например, он может в порыве энтузиазма предложить в качестве респондентов своих коллег, друзей, родственников).

В этой связи имеет смысл проводить интервью как переговоры, т. е. процесс, в котором обе стороны имеют равные или близкие к равным права, заинтересованы друг в друге, а также в том, чтобы передать и получить всю полезную информацию.

Одна из типичных ошибок – проведение интервью в форме допроса. Такой способ является ошибочным не только по этическим соображениям, но и с рациональной точки зрения: таким образом мы демотивируем респондента и не получаем реальной картины отно-

шения человека к обсуждаемому понятию (например, мы можем встретить в заполненных анкетах нецензурные выражения, язвительные замечания и т.п.).

Противоположность этому подходу – интервью-подсказка – также встречается нередко и также является ошибочной формой. Здесь речь идет об интервью, в котором респондент фактически получает от интервьюера готовые ответы на вопросы анкеты.

Чтобы добиться правильного и всестороннего понимания обеими сторонами друг друга, имеет смысл взять за основу определенную структуру, напоминающую структуру коммерческих переговоров.

Итак, напомним, что первая задача – это установление контакта. При этом интервьюеру нужно создать благоприятное впечатление о себе, об организации, проводящей исследование, важности данной миссии, важности мнения конкретного респондента, дать возможность респонденту расслабиться и вести себя адекватно. А именно, это может быть краткий (от 1–3 минуты) рассказ об опросе, его основных задачах, о том, кто его проводит, кем было инициировано исследование. Как и в любой другой подобной ситуации, на этапе установления контакта уместны пара общих вопросов или фраз, обязательно включающих взаимное представление. Обращение к респонденту по имени делает взаимодействие более личностным, свидетельствует о значимости его ответов. С другой стороны, представившись сами, мы сокращаем дистанцию, открываем респонденту возможность задавать вопросы, комментировать. Результатом будет согласие заполнить анкету.

Следует помнить, что не имеет смысла упорно добиваться согласия, если респондент уже настроился негативно, торопится и пр. В этом случае «упрощенный» респондент будет давать неадекватные ответы, которые снизят качество опроса. Также респондент, настроенный негативно, может обидеть интервьюера. Накапливаясь, такие случаи приводят к эмоциональному выгоранию, что отрицательно сказывается и на психологическом здоровье интервьюера, и на качестве опроса.

Второй задача – это комментарии к вопросам анкеты. Результаты пилотажного исследования показывают, что наибольшие затруднения вызывают у респондентов вопросы 18 и 19 (семантический дифференциал). Постарайтесь давать пояснения в соответствии с уровнем подготовленности респондента (образование, возраст, род занятий), но при этом придерживайтесь общей пошаговой схемы шкалирования:

- 1) представьте конкретного человека, говорящего на ... языке;

тистическим данным от 01.01.2007 русские составляют 71,6%, украинцы – 22,4%, представители других этнических групп – 6%; женщины – 54,4%, мужчины – 45,6%; люди с высшим образованием – 33,8%, люди со средним и средним специальным образованием – 59,4%, люди с неполным или базовым высшим образованием – 25,6%; люди в возрасте от 18 до 28 лет включительно – 23,5%, люди в возрасте от 29 до 54 лет включительно – 43,6%, люди в возрасте от 55 лет – 32,9%. Таким образом, индикаторами выборочной совокупности являются: пол, возраст, этническая самоидентификация и образование постоянных жителей г. Севастополя.

Структурная репрезентативность выборки обеспечивалась взаимнооднозначным соответствием структуры генеральной совокупности структуре выборочной совокупности.

Определение количества опрашиваемых в каждой группе, составляющей выборочную совокупность, начиналось с признака, представленного наибольшим числом респондентов.

Ряд подгрупп, определяемых индикаторами профессии, района проживания и т.п., не представлен в выборочной совокупности, что обуславливает погрешность исследования. В украинской социологии допустимая погрешность составляет 3%. При 1500 опрошенных ошибка составляет 3%, поэтому объем выборки составили 1400 респондентов, представляющих все за-данные пропорции групп в генеральной совокупности, и 100 экспертов языковой ситуации в г. Севастополе. Данные о респондентах, представляющих обозначенные группы населения г. Севастополя, представлены в приложении В, данные об экспертах языковой ситуации представлены в приложении Г.

Методы семантического дифференциала и «Незаконченные предложения»

Использование «Шкалы комфорта» при построении семантического пространства носителя языка позволяет судить о комфортности языкового самовыражения севастопольцев и психологической дистанции по отношению к другому субъекту как носителю языка.

Обработка результатов шкалирования возможна только, если респонденты сделают свой выбор в каждой паре дифференциала. При этом не имеет принципиального значения, кого именно будут представлять респонденты (это выяснится после анализа ответов респондентов на другие вопросы анкеты). Например, респондент может представить себя как субъекта речевой деятельности, своего знакомого или родственника. Также подходящим для шкалирования признаков может быть собирательный образ типичного носителя языка или даже

«человек из телевизора». Выбор должен быть определен образованием и интеллектуальным развитием респондента. Задача интервьюера – доходчиво объяснить процедуру и выразить одобрение сданного респондентом выбора.

В целом же, результаты любого дифференцирования группируются в три независимых фактора семантической коннотации: сила, активность, оценка. «Шкала комфорта» позволяет выделить волевые качества, эмоциональную экспрессивность и аутентичность носителя языка. По этим трем факторам мы можем сравнить отношение различных возрастных групп населения Севастополя к языкам, используемым в повседневной жизни.

Ряд вопросов анкеты оформлены в виде незаконченных предложений. Проективный характер заданий позволяет «обойти» психологические защиты и внутреннюю цензуру, обеспечивая более свободное выражение собственных языковых предпочтений вместо репродукции социально приемлемых ответов. Завершенное предложение оценивается, во-первых, с точки зрения формальных языковых характеристик, во-вторых, с точки зрения содержания. Формальные характеристики включают время ответа, количество слов, точность продолжения, его выразительность и соответствие языковым нормам. Содержание может быть проанализировано с точки зрения эмоциональности, символичности, метафоричности и т.п. Эти психолингвистические характеристики могут быть отражены в отчетах интервьюеров.

После самостоятельного заполнения анкеты интервьюерами и работы над вопросами интервьюеры получают 100 экземпляров анкеты, схему выборки и маршрутный лист. Задание интервьюеров считается выполненным после предоставления заполненных анкет и отчета об интервьюировании, написанном в свободной форме.

На **втором социологическом этапе** мониторинга были осуществлены:

- опрос респондентов;
- первичная обработка анкет;
- создание электронной базы данных;
- статистический анализ результатов мониторинга.

На **третьем аналитическом этапе** мониторинга были осуществлены:

- анализ отчетов интервьюеров;
- анализ состояния и методического обеспечения и преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных учебных заведениях г. Севастополя (см. приложение Д);

– психологический анализ результатов статистической обработки данных опроса.

Анализ отчетов интервьюеров показал невысокую заинтересованность респондентов в опросе, сопряженную с психологической усталостью и эмоциональным выгоранием. Однако отчеты отдельных интервьюеров отличаются по оценке активности/заинтересованности респондентов, что может быть связано с личностными и профессиональными особенностями интервьюеров. Анализ отчетов интервьюеров по этому критерию позволяет сформулировать требования к личности интервьюера, что может быть полезным при организации последующих этапов мониторинга. Примеры отчетов интервьюеров см. в приложениях Е и Ж.

Отчеты интервьюеров позволили сделать психологический анализ более интерпретируемым и личностным и могут быть включены в методические рекомендации к проведению социально-психологического исследования.

Психологический анализ результатов статистической обработки данных опроса

Первый вопрос анкеты был направлен на изучение мнений, а не реальной правовой грамотности в области языковой политики. В связи с этим мы можем судить не об осведомленности опрошенных, а о потребности знать свои языковые права. Около половины молодых респондентов считают, что не знакомы со своими языковыми правами. Конечно, для молодежи потребность в повышении правовой грамотности вообще и языковой в частности не является одной из самых актуальных. Тем не менее, просветительская работа в этом направлении вызвала бы интерес, тем более что разубедить тех, кто считает, что знаком со своими языковыми правами также несложно.

Большинство молодых респондентов считают, что нет причин сокращать или тем более запрещать отдельные телетрансляции. Те немногие респонденты, которые все-таки склонялись к необходимости контроля за телетрансляциями, называли, как правило неязыковые причины, например, избыток рекламы. При этом молодежь смотрит преимущественно русскоязычные каналы: большинство респондентов из четырех возможных назвали либо 3, либо 4 русскоязычных канала. Многие респонденты смотрят также украиноязычные каналы и каналы с русским и украинским языками трансляции: большинство указывают 1, реже 2, канала. Таким образом, действительно, языковые права молодых севастопольцев в области телевидения не ущемляются.

Если рассматривать языковые потребности шире, чем потребление телепродукции, то здесь около половины молодых севастопольцев ощущают недостаток русского языка в информационно-культурном пространстве. Встречаются молодые люди, но их численность статистически не значима, ощущающие недостаток украинского в информационно-культурном пространстве города. Однако возникает вопрос, оставшийся за рамками опроса: что включают молодые севастопольцы в категорию «информационно-культурное пространство»? Можно было бы провести вспомогательное исследование и выяснить, насколько активно молодые севастопольцы пользуются библиотеками, посещают театры, покупают книги и т.п., однако достаточно здравого смысла, чтобы и без такого исследования понять, что, скорее всего, молодые люди ответили стереотипно, нежели в самом деле столкнулись с недостатком русского языка. В общем-то, популяризация устного и печатного слова среди молодежи всегда была актуальной и тяжелой задачей для педагогов. Если говорить только о Севастополе, то в соответствии с результатами опроса популяризировать следует русское устное и печатное слово, особенно если мы хотим составить достойный противовес слову с телеэкрана.

Многие молодые респонденты, в том числе и те, которые полагают, что знакомы с языковыми правами, назвали языком национальных меньшинств в Севастополе украинский. Достаточно непросто комментировать этот феномен, ведь респондентам не предоставлялись готовые ответы на выбор, это был открытый вопрос. Наверное, не стоит трактовать этот результат как проявление неуважения к государственному языку, скорее наоборот, так молодые севастопольцы проявляют уважение к тем немногим жителям города, которые идентифицируют себя с украинским этносом и при этом своим родным языком считают украинский а, значит, испытывают недостаток украинского языка в информационно-культурном пространстве города.

На втором месте по частоте встречаемости идет русский язык. Интересен тот факт, что если респондент называет языком национальных меньшинств русский язык, то это обязательно первый выбор из трех возможных, причем часто – вообще единственный. Можно ли интерпретировать этот факт как заинтересованность молодежи в языковой ситуации в городе? Учитывая письменные и устные отчеты интервьюеров, касающиеся поведения молодежи во время опроса, предположим, что для севастопольской молодежи «языковой вопрос» скорее «на слуху», нежели реально их волнует. На третьем месте по частоте встречаемости идет татарский язык. Другие языки, например, белорусский, польский, встречаются статистически редко и не в числе первых выборов.

17

Языком международного общения почти все молодые респонденты назвали английский язык. Большинство назвали его первым, имея возможность сделать три выбора. Большинство респондентов, которые назвали английский язык вторым, первое место отвели русскому языку, и этот результат вполне прогнозируемый. Международное общение нашей молодежи в большинстве случаев есть общение с жителями стран СНГ именно на русском языке, в интернет-сообществах также происходит общение на русском языке. Может быть, этот русский и далек от соответствия языковым нормам, но факт остается фактом – молодежь называет языком международного общения английский, а пользуется для такого общения русским. Другие языки, например, немецкий, французский, называются крайне редко.

В связи с этим интересны ответы молодых севастопольцев о доступности обучения языкам международного общения. Подавляющее большинство респондентов ответили, что нельзя овладеть этими языками без материальных затрат. Как следует расценивать это согласованное суждение в свете того, что таковыми называются английский и русский, ведь эти языки изучаются в школе? Причем, если английский изучают не все, то русский является языком преподавания всех учебных дисциплин. Следует ли считать такие ответы низкой оценкой школьному преподаванию? Здравый смысл подсказывает: кто хотел, тот выучил. Скорее всего, проблема не в качестве школьного обучения, а в запоздалой по отношению к периоду обучения в школе потребности владеть языками международного общения. Для молодежи поиск престижного места стажировки, места работы сопряжен с актуализацией потребности в овладении языками международного общения, в то же время у школьников эта потребность не актуализирована. Низкая же мотивация, как известно, приводит к низкой успешности. Исключение составляют те школьники, в особенности старшеклассники, которые имеют четкий осмысленный профессиональный план. Напрашивается вывод, экономичнее возрождать систему профориентации, нежели вкладывать средства в дополнительные индивидуальные занятия. Система психологической службы в школе предполагает такую форму работы, следует лишь правильно расставить акценты и произвести ревизию методов профориентационной работы.

В консонанс с этими заключениями идут ответы на вопрос о языках, которые изучались по желанию. Здесь подчеркивается не столько отсутствие затрат, сколько отсутствие принуждения, личная заинтересованность. Подавляющее большинство респондентов назвали английский язык, причем либо первым, либо вообще единственным. То

есть в школе преподавание иностранных языков было для молодых севастопольцев по меньшей мере интересным занятием.

Продолжая тему овладения языками, рассмотрим, какое место занимает русский язык среди языков, необходимых молодым севастопольцам для беспрепятственной самореализации в современном обществе. Большинство респондентов этой возрастной группы называют английский и русский языки. Английский называется первым несколько чаще. Украинский язык называется редко. Достаточно просто комментировать этот результат, поскольку за рамками мониторинга остались вопросы о сущности самореализации, значимости потребности в самореализации для молодежи, а главное, в каком городе/регионе/стране они планируют реализовать себя. Ориентируясь на отчеты интервьюеров, можно ответить на часть этих вопросов. Большинство молодых севастопольцев видят свою «беспрепятственную самореализацию» в родном городе. Отталкиваясь от этого, можно предположить, что наша молодежь либо не прогнозирует подвижек в языковой ситуации, либо игнорирует их.

Для общего отчета о состоянии функционирования русского языка в городе Севастополе особый интерес представляет вопрос о качестве владения русским языком. Единодушно высоко (преимущественно «хорошо» и «отлично») оценивают себя молодые севастопольцы. При этом молодежь достаточно высоко оценивает языковую культуру всех севастопольцев, хотя здесь мы видим больше «хороших» оценок. Другими словами, если сравнивать эти два вопроса, в целом молодежь полагает, что молодые жители Севастополя владеют русским языком лучше, чем люди среднего возраста и пожилые горожане. Учитывая небольшую разницу между средними по возрастному срезу оценками собственного уровня владения русским языком и языковой культуры всех севастопольцев, можно отнести выделенную тенденцию к внутригрупповому фаворитизму.

Интересно соотнести рассмотренные тенденции с самооценкой уровня владения другими языками. Если говорить об усредненных по выборке оценках, молодые севастопольцы практически одинаково оценивают свой уровень владения украинским и английским языками, при этом индивидуальные оценки колеблются от нуля до «отлично». Почти такой же разброс мнений мы наблюдаем и при оценке языковой культуры севастопольцев, которую дают молодые респонденты. По всей видимости, оценка языковой культуры севастопольцев, говорящих на украинском языке, обусловлена ситуационным фактором: студенты ориентируются на речь преподавателей украинского языка, работающая молодежь – на речь с экрана (или даже вовсе не имеет речевого

опыта, необходимого для ответа на поставленный вопрос). Таким образом, молодежь едина только в оценке своего владения русским языком и оценке языковой культуры всех сева­стопольцев: эти оценки высокие. Таким образом, для всех молодых сева­стопольцев употребление русского языка во всех сферах жизнедеятельности приемлемо и комфортно; употребление русского и украинского языков во всех сферах жизнедеятельности приемлемо и комфортно для четверти респондентов. Удивительно, что согласно самооценке употребление русского и английского языков во всех сферах жизнедеятельности приемлемо и комфортно также для четверти респондентов. И, наконец, около 20% молодых сева­стопольцев могли бы без особых затруднений пользоваться русским, украинским и английским языками, если ориентироваться на оценки уровня владения этими языками, которые выставили себе молодые респонденты. Однако возникает вопрос: а пользуются ли? В связи с этим рассмотрим ответы на вопрос о доле реального использования этих языков в повседневной жизни.

Начнем рассмотрение с формального общения, подразумевая под ним служебные контакты, деловые переговоры, защиты, аттестации и т.п. Здесь также можно выделить общие тенденции, но нет такого единодушия как в предыдущих вопросах. Конечно, существующие тенденции сохраняются, но все же наблюдается разброс мнений. А именно, русский язык занимает в деловой жизни молодых сева­стопольцев от 30 до 100%, хотя это по-прежнему наиболее «востребованный» язык. Для сравнения доля украинского языка в формальном общении (среди тех, кто его использует в этой сфере) составляет от 10 до 70%, при этом около трети молодых респондентов вообще не используют украинский язык в деловом общении. Что касается английского языка, то его доля в деловом общении молодежи, то им пользуются менее четверти респондентов в диапазоне от 10 до 40%. Таким образом, реальное использование языков отличается в меньшую сторону от «резерва», обусловленного уровнем их владения, хотя, повторим, лидирующие позиции и здесь занимает русский язык.

Что касается частного общения, то здесь мы видим те же тенденции, однако можно выделить ряд отличий. Во-первых, русский язык в частном общении молодых сева­стопольцев занимает еще больше места: его усредненная доля по выборке возросла от 70 до 80%. Во-вторых, по сравнению с деловым общением уменьшилась доля употребления украинского языка: им пользуется лишь треть молодых респондентов. Английским языком при частных контактах пользуется менее четверти молодых, однако это не всегда те респонденты, которые используют английский язык в деловой жизни.

Особый интерес с психологической точки зрения интеллектуально-эстетический компонент употребления языков. Если в деловом общении мы подстраиваемся под нормы, в частном общении подстраиваемся под интересы нам людей, то в чтении компонент необходимости по сравнению с этими областями минимален. К сожалению, мы не можем судить об объеме прочитанного, но, как мы можем видеть, по результатам опроса владение молодежи языками более всего реализуется в чтении. Чтение на русском языке по-прежнему занимает более двух третей от общего объема читаемой литературы. Треть молодых североапонольцев активно читает на русском и украинском языках, а около 20% читают русскоязычную, украиноязычную и англоязычную литературу.

Проективные вопросы анкеты (об интересной статье, купленной книге и рекомендованном фильме) корректируют суждения об использовании тех или иных языков в повседневной жизни, поскольку, как известно, подобные суждения подвержены социальной желательности. И действительно, здесь мы видим несколько отличающуюся картину и, прежде всего, в интересующей нас сфере функционирования русского языка. Около 90% молодых респондентов читали наиболее интересную статью на русском языке. Среди тех 10% молодых респондентов, которые выбирали другие варианты ответа, более половины (около 6%) выбрали ответ «не помню». Можно ли утверждать, что эти немногие, выбравшие такой вариант ответа, настолько свободно владеют несколькими языками, что даже не помнят, на каком языке читали запомнившуюся статью? Скорее всего, нет. Ведь выборка была широкой и среди респондентов наверняка есть люди, не читающие статей вовсе. Тем не менее, даже если все они полиглоты или хотя бы билингвы, их все равно не так много. То есть, русский язык, функционируя в деловой и личной жизни молодых североапонольцев, скорее всего, занимает еще больше места, чем они об этом сообщают.

Аналогичным образом распределились ответы на вопрос о последней купленной книге. Большинство молодых (около 90%) североапонольцев обзавелись книгой на русском языке. Остальные молодые респонденты покупали книги на украинском, английском и других языках в равной пропорции. Подавляющее большинство смотрели рекомендованный фильм, снятый на русском языке или дублированный на русский язык. Таким образом, сравнивая ответы молодых респондентов на прямые и проективные вопросы об использовании русского языка, мы видим, что этот язык охватывает подавляющую часть окружающего их информационно-культурного пространства. Исключе-

чение составляет только формализованное «бумажное» общение. Подача документов, заполнение бланков, общение с чиновниками различных рангов только у 35% молодых респондентов протекало либо только на русском, либо преимущественно на русском языке. Все остальные респонденты отметили, что используют украинский язык, причем более 5% молодых севастопольцев пользуются исключительно украинским языком в контактах такого рода. Эти результаты не расходятся с данными о качестве владения русским и украинским языками. А именно, уровень владения тем или иным языком соотносим с объективной необходимостью их использования. Можно прогнозировать, что молодые севастопольцы будут гибко реагировать на изменения в языковой ситуации: они склонны скорее выучить то, что требуется, нежели бороться и отстаивать прежние позиции.

Обратимся к шкалированию признаков индивида, говорящего на русском языке. Учитывая показатели представленности русского языка в деловой и частной жизни севастопольской молодежи, можно предположить, что при дифференцировании признаков носителя языка респонденты проецировали свои личностные особенности, прежде всего, в области психологического комфорта/напряжения.

Итак, в контексте сделанных замечаний рассмотрим фактор активности, в который вошли признаки: сосредоточенный – храбрый – смелый – отважный – веселый – радостный – мягкий. Учитывая совокупность признаков, образовавших фактор, назовем этот критерий языкового комфорта «разумной активностью». По этому критерию молодые респонденты имеют преимущественно 5–6 баллов, то есть имеет место тенденция к полюсу перечисленных признаков. Учитывая, что украинский и английский язык молодые севастопольцы используют в меньшей степени, чем могли бы (т.е. говорят на русском всегда и везде), встречающееся напряжение следует связывать с возрастными особенностями, социальными факторами и существующими в культуре этностереотипами.

Рассмотрим фактор оценки: естественный – расслабленный – спокойный – гордый – мажорный – ясный – добрый. Учитывая сделанные замечания, назовем его фактором самооценки. Здесь мы видим ту же картину: 5–6 баллов. Эта шкала особенно важна, если учитывать, что сложное задание на шкалирование в анкете представлено одним из последних, а любой дифференциал всегда в той или иной степени отражает актуальное состояние респондента. В широком смысле можно трактовать ответы по этой шкале как «ненапряженное» отношение молодых севастопольцев к проблемам функционирования русского языка в городе.

Наиболее затруднительным для молодых респондентов было шкалирование признаков фактора силы: буйный – знойный – жаркий – вспыльчивый – жгучий – сытый – огненный. Их претензии касались высокой вариативности признаков «буйный», «вспыльчивый» и «сытый», и непсихологичности остальных признаков. Усредненные оценки по фактору силы несколько ниже, чем по двум предыдущим. Показатели по этому фактору выше средних значений только в области эмоциональных признаков. Учитывая все сделанные прежде замечания, эта особенность не выглядит неожиданной: для респондентов, ставящих русский язык на первое, а порой и единственное, место в различных аспектах светской и личной жизни, язык негативной эмоциональной экспрессии должен быть родным и привычным.

Как уже отмечалось в научном обосновании методов мониторинга функционирования языка, мы ввели вопросы, касающиеся владения другими языками и их использованием, с целью сравнения. Мы не преследовали цель изучения функционирования других языков, а стремились получить обобщенную картину. В соответствии с этим подходом мы ввели в анкету шкалирование признаков индивида, говорящего на украинском языке.

Оценки по всем шкалам колеблются в диапазоне 4–5 баллов. Таким образом, отношение к индивиду, говорящему на русском языке, существенно не отличается от отношения к индивиду, говорящему на украинском языке. Так, по фактору силы мы не наблюдаем значимых различий. По фактору оценки и активности имеют место расхождения расхождения, которые, однако, существенно не меняют общую картину. Как можно интерпретировать этот результат? Здесь следует обратиться к устным и письменным отчетам интервьюеров. Если при оценке носителя русского языка респонденты чаще шкалировали собственные характерологические признаки, то при оценке носителя украинского языка они представляли кого-то из родственников, учителей, а особенно часто, политиков. Вспышка интереса у населения к политике сменяется эмоциональным выгоранием со всеми характерными признаками: от напряжения до резистенции и апатии. Этим объясняются низкие баллы по фактору оценки, которые поставили некоторые респонденты. Что касается активности, то здесь общая тенденция легко описывается в контексте ответов на вопрос о языках, необходимых для беспрепятственной самореализации, если предполагаемая самореализация связана с Севастополем. Молодые респонденты, как уже отмечалось, поставили на первое место русский язык, на второе – английский, и лишь на третье – украинский. На наш взгляд, именно с этим связаны несколько заниженные оценки активности субъекта – носителя украинского языка.

Сокращение телетрансляций

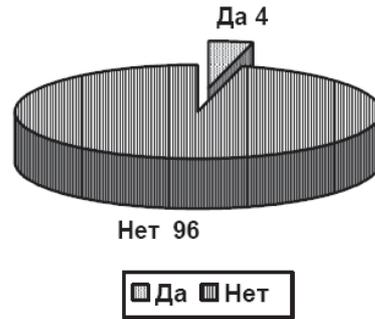

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Целесообразно ли, на Ваш взгляд, запрещать или сокращать трансляции отдельных телеканалов?»

Те немногие респонденты, которые видят необходимость в фильтрации телевещаний, называют и языковые, и неязыковые (реклама, насилие, политика) причины. Причем, как видно на диаграмме (см. рис. 3) больше неязыковых причин упоминается в связи с русскоязычными каналами, а больше языковых причин – в связи с украиноязычными

Рисунок 3. Распределение по критериям транслирующей страны и причины утвердительных ответов респондентов на вопрос: «Целесообразно ли, на Ваш взгляд, запрещать или сокращать трансляции отдельных телеканалов?»

Комментировать этот результат можно только в контексте ответов респондентов на другие вопросы анкеты. Например, рассмотрим от-

Язык национальных меньшинств

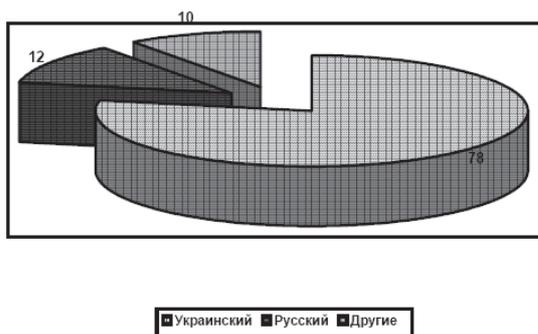

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие языки в Севастополе можно назвать языками национальных меньшинств?»

Косвенным подтверждением этой версии являются ответы на вопрос о языках международного общения. Севастопольцы среднего возраста упоминают английский язык в 65% случаев, причем около половины этих выборов – первые; русский язык упоминается в одном из трех случаев, украинский и другие языки – статистически редко. Таким образом, севастопольцы среднего возраста, как и молодежь, выражают свое отношение к русскому языку международного общения, владение которым является неотъемлемой частью полноценной самореализации в современном обществе. Сравним ответы респондентов среднего возраста с распределением ответов всех участников мониторинга (см. рис. 7). Как мы видим, общая тенденция сохраняется в ответах молодых респондентов, респондентов среднего возраста и в окончательном распределении ответов. При этом место русского языка остается значительным и при рассмотрении этих языков, как необходимых для беспрепятственной самореализации в современном обществе.

А именно, севастопольцы среднего возраста называют английский (55%), русский (36%) и украинский (9%) языки как необходимые для беспрепятственной самореализации в современном обществе. Такое распределение в целом соответствует общим тенденциям (см. рис. 7), при этом важно, что эту группу мониторинга можно назвать реализованной. Конечно, они могут быть довольны или недовольны самореализацией, но, в отличие от молодежи, имеют полное представление о составляющих этого процесса.

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов на вопросы: «Какие языки можно назвать языками международного общения?» и «Как Вы считаете, сколькими языками нужно овладеть и какими именно для беспрепятственной самореализации в современном обществе?»

Рассмотрим ответы севастопольцев среднего возраста на вопросы о доступности языкового обучения и личной инициативе. Только каждый четвертый севастопольец среднего возраста считает, что можно овладеть языками международного общения без материальных затрат. Среди респондентов назвавших русский своим родным языком каждый пятый по желанию изучал украинский, и практически все с охотой изучали иностранные языки, во всяком случае, так это представляется им сейчас. Среди респондентов, назвавших украинский своим родным языком, все по желанию изучали русский и иностранные языки.

Рассмотрим, как оценивают свои языковые знания севастопольцы среднего возраста. Начнем с английского языка, который респонденты чаще всего называют в вопросах о языках, необходимых для самореализации, и языках международного общения. В ответах опрошенных присутствуют оценки от 1 до 5, больше всего отметок 3 и 4, среднее по выборке значение – 3,5 балла. Интересно, что свои знания украинского языка в среднем севастопольцы оценивают так же. Что касается владения русским языком, то севастопольцы среднего возраста оценивают свои знания как хорошие и отличные, средний балл – 4,5. Эти результаты почти идентичны общим для города тенденциям (см. рис. 8).

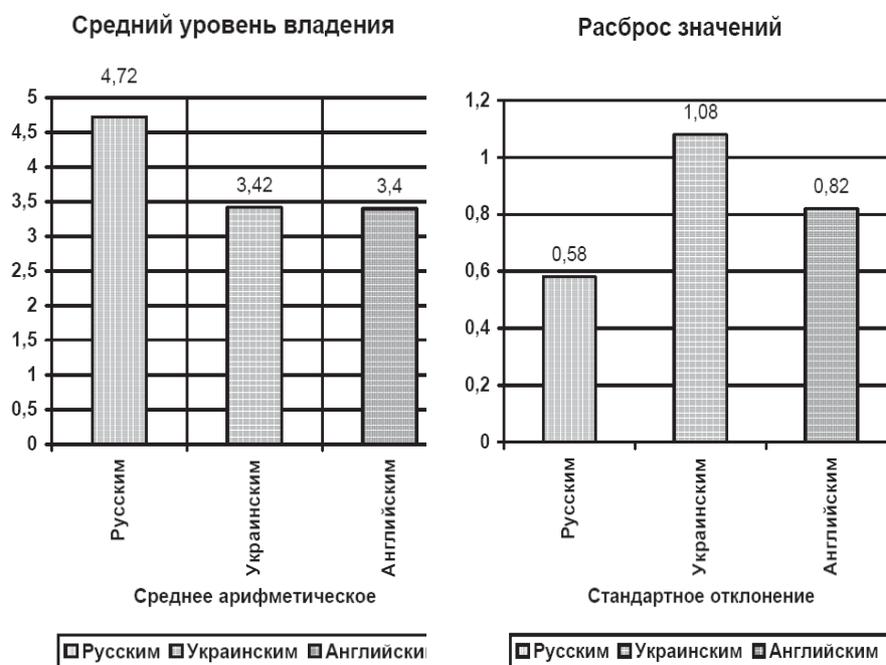

Рисунок 8. Распределение оценок уровня владения русским, украинским и английским языками

Наиболее высоко севавтопольцы оценивают свои знания русского языка, по их же собственному мнению они удовлетворительно владеют как английским, так и украинским языками. Разброс значений наиболее велик при оценке уровня владения украинским языком, однако отклонение не превышает 30%, поэтому и по данному критерию выборку можно считать однородной.

Рассмотрим, как связаны языковые знания и языковые потребности (см. рис. 9). В среднем около 80% делового общения севавтопольцев среднего возраста происходит на русском языке, при этом для четверти из них деловое общение происходит только на русском языке, каждый пятый севавтополец среднего возраста около половины своих деловых переговоров ведет на русском языке. Что касается украинского языка, то на нем происходит менее 20% делового общения севавтопольцев среднего возраста, при этом около 40% респондентов этой возрастной группы вообще не используют украинский язык в

деловом общении. Несмотря на то, что севастопольцы среднего возраста оценили свои знания английского языка так же, как и знания украинского языка, только каждый четвертый использует этот язык в деловом общении, причем в среднем около 5% такого общения.

Частное общение респондентов среднего возраста более чем на 90% – это общение на русском языке, причем 70% севастопольцев это возрастной группы в свободное время общаются исключительно на русском языке; каждый четвертый общается на украинском языке, но в среднем не более 10% от общего объема; при этом на английском языке в частной жизни общается каждый пятый и тоже около 10% от общего объема.

Чтение в языковом плане характеризуется большим разнообразием, хотя по-прежнему предпочтение отдается русскоязычным источникам.

Сравним описанные тенденции с усредненными по всей выборке данными.

Как мы видим, рассмотренные тенденции особо не отличаются от среднестатистических показателей, разве что севастопольцы среднего возраста все-таки больше используют украинский язык в деловом общении, что не удивительно, поскольку они составляют социально активную группу.

Рассмотрим ответы респондентов среднего возраста на проективные вопросы и сравним их ответы с рассмотренными тенденциями и с усредненными данными.

Более 90% респондентов среднего возраста наиболее интересную для себя статью читали на русском языке. Из оставшихся 10% опрошенных только каждый пятый наиболее понравившуюся статью читал на украинском языке, остальные – не помнят. Вряд ли эти 8% настолько свободно владеют языками, что не помнят, на каком языке была очередная прочитанная статья, тем более что большинство из них отвечали «не помню» и на остальные проективные вопросы.

Ситуация с книгами отличается, но не существенно. Более 85% респондентов среднего возраста отметили, что последняя приобретенная ими книга была на русском языке. Остальные респонденты в равных долях ответили на этот вопрос «украинский», «английский», «не помню».

Девяти из десяти респондентам среднего возраста друзья и знакомые рекомендовали посмотреть фильм, который был на русском языке. Почти все остальные респонденты ответили «Не помню». В свете обнаруженных тенденций этот вариант вряд ли означает: «...так заинтересовался сюжетом, что не помню, на каком языке был фильм,

Язык в повседневной жизни

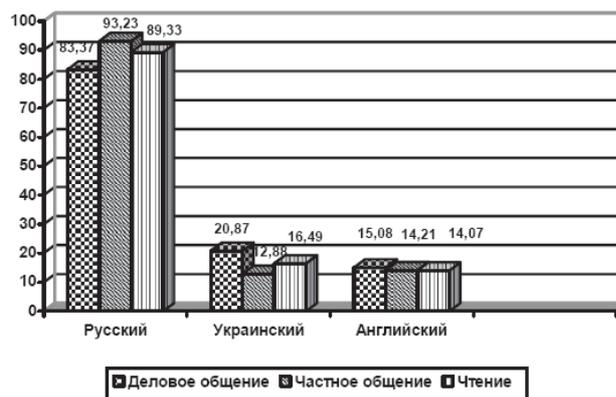

Рисунок 9. Результаты выполнения респондентами задания: «Укажите долю (в процентах) реального использования этих языков в повседневной жизни»

ведь я свободно владею двумя/тремя языками». Скорее всего, эти респонденты вообще не помнят, когда им последний раз что-либо рекомендовали посмотреть, и не хотели утруждаться вспоминая. Как отмечали интервьюеры, опрос не вызвал среди испытуемых этой группы острой заинтересованности, поэтому и ответы они давали малоинформативные.

Рассмотри усредненные по выборке показатели (см. рис. 10).

Как мы видим, ответы респондентов среднего возраста соответствуют общим для города тенденциям, а также ответам на вопросы о доле того или иного языка в приватном общении и чтении.

Контролирующим по отношению к вопросу о доле того или иного языка в деловом общении является вопрос о языке общения с представителями госструктур, хотя он не является проективным и охватывает меньший объем делового общения, тем не менее, ответы на него интересны.

Около 15% респондентов среднего возраста ответили, что их общение с чиновниками осуществлялось исключительно на русском языке. На русском и украинском языке говорили с госслужащими и заполняли бланки около 80% респондентов среднего возраста. Оставшиеся 5% севастопольцев общались и заполняли бланки только на украинском языке. Такое распределение соответствует распределению

Проективные вопросы

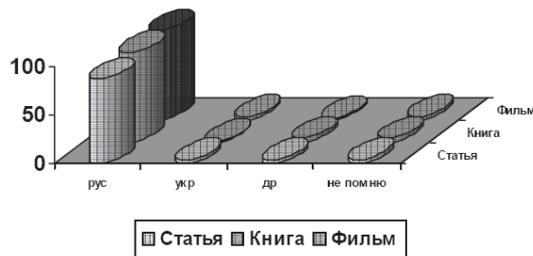

Рисунок 10. Распределение ответов респондентов на вопросы о наиболее интересной прочитанной статье, купленной книге, рекомендованном фильме

ответов на вопросы о деловом общении. Сравним этот результат с общегородскими (см. рис. 11).

Как мы видим, в целом ответы респондентов среднего возраста несколько отличаются от общегородского распределения в областях «только на русском» и «только на украинском». Учитывая, что для этой части населения общение с чиновниками – более вероятное событие, их мнение адекватнее отражает общую картину функционирования языков в сфере формализованных контактов.

Рассмотрим категорию отношения к функционированию языка через его проекцию на носителя языка. В целом для респондентов среднего возраста характерно ровное и единообразное отношение к потенциальным коммуникаторам. Конечно, имеется ряд отличий, но они не достоверны, находятся на уровне тенденции. И, тем не менее, отметим их. Носитель русского языка воспринимается как более сосредоточенный, храбрый, естественный, расслабленный, спокойный, веселый, мажорный, добрый, мягкий, сытый, ясный, смирный и хмурый. Таким образом, носитель русского языка в представлении сева-стопольцев среднего возраста превосходит носителя украинского языка по фактору активности и оценки, но несколько уступает по фактору силы.

Сравним эти тенденции с обобщенными по всей выборке (см. рис. 12). Как мы можем убедиться, различия в представлениях о человеке,

Общение с представителями государственных структур

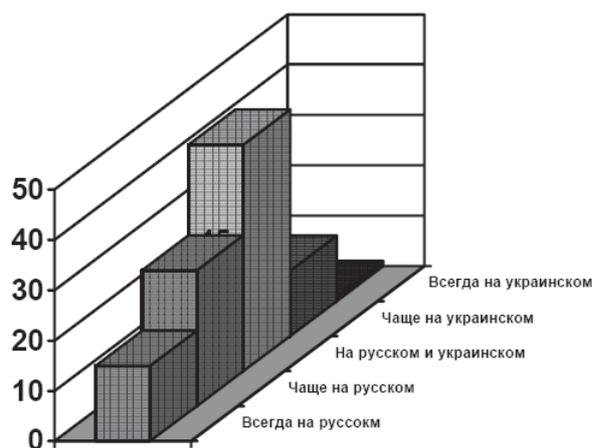

Рисунок 11. Распределение ответов респондентов на вопрос, на каком языке происходило общение с представителями госструктур

говорящем на русском языке, и человеку, говорящем на украинском языке, не велики. Эти различия не являются статистически достоверными, и поэтому мы можем говорить лишь о закономерностях, еще менее выраженных, чем мы наблюдали по усредненным оценкам, данным респондентами среднего возраста.

Важным аспектом функционирования языка является восприятие того или иного языка как родного, а также язык общения в семье. Мы представили в виде диаграммы (см. рис. 13) распределение ответов испытуемых на вопросы: «Какой язык Вы считаете родным?» и «На каком языке Вы общаетесь в семье?» Мы не включили в график статистически редкие ответы, поэтому ответы на первый вопрос (родной) распределились по категориям «русский» и «украинский», а ответы на второй вопрос (семья) распределились по категориям «русский» и «русский и украинский». Мы видим, что порядка 10% респондентов считают украинский язык своим родным и в той или иной мере пользуются этим языком в семейном общении.

Рассмотрим распределение ответов пожилых респондентов по тем шкалам, по которым имеют место отличия от усредненных по всей выборке данных.

34

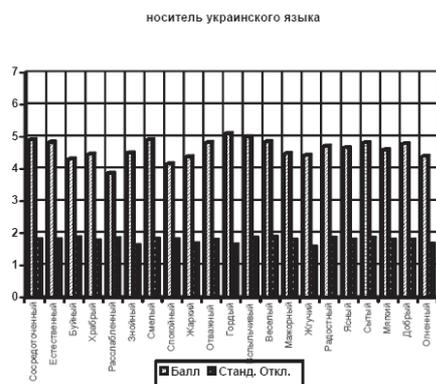
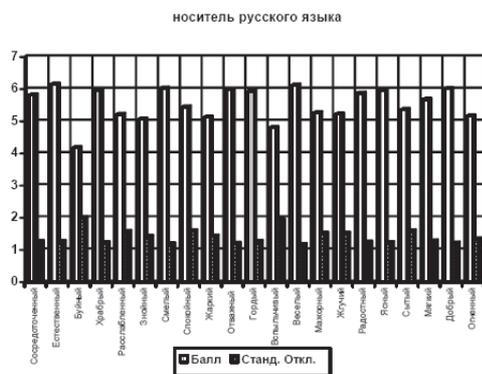

Рисунок 12. Семантические пространства представлений о носителях русского и украинского языков

Итак, не все пожилые респонденты ответили на открытый вопрос о языках национальных меньшинств в Севастополе, однако 50% респондентов (а это почти все отвечавшие) считают языком нацменьшинств в городе украинский, 2% пожилых респондентов называют русский и 2% называют другие языки.

Русский язык назвали языком международного общения 31% пожилых севастопольцев. Для сравнения: английский назвали 85%, украинский – 3%.

Респонденты старшей возрастной группы отмечают, что изучали по желанию: английский язык (70%), украинский (15%), русский (2%).

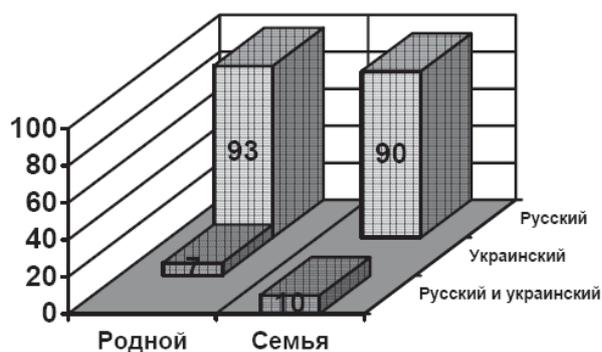

Рисунок 13. Распределение ответов испытуемых на вопросы о родном языке и языке общения в семье

Следует подчеркнуть, что в этом вопросе респондентов просили назвать те языки, которые не являются родными, соответственно при анализе этих ответов необходимо учесть, что около 10% респондентов назвали своим родным языком украинский, а чуть менее 90% – русский (доля респондентов, назвавших родными другие языки, статистически не значима).

На вопрос о языках, необходимых для самореализации, пожилые респонденты отвечали в контексте тех возможностей, которые они видят для своих детей и внуков. С этой поправкой рассмотрим, как распределились мнения: английский язык упомянули 87% респондентов, русский – 60% и украинский – 25%. Это распределение несколько отличается от усредненных по всей выборке данных. В целом, пожилые респонденты придают большее значение знаниям украинского языка и меньшее значение знаниям иностранных языков. При этом только четверть уверены, что овладеть языком международного общения в той мере, как того требует беспрепятственная самореализация, можно без особых материальных затрат.

Свое владение русским, украинским и английским (или другим иностранным) пожилые севастопольцы оценивают на 4,7 балла (русский) и 2,7 балла (украинский). При этом 35% респондентов оценивают свое знание украинского на «4» и «5», четверть респондентов – на «3», остальные не владеют языком (оценки «0», «1», «2»). Иностран-ными языками владеют 70%, из них четверть владеет хорошо.

Доля русского и украинского языков в формальном общении пред-

ставителей этого возрастного среза в целом соответствует общим для выборки тенденциям. Русский язык в среднем используется в 87% контактов. Около половины респондентов пожилого возраста вообще не используют в этой сфере украинский язык, а те, которые используют, делают это в 30% случаев. Понятно, что значительную часть делового общения пожилых людей составляет общение с представителям госструктур. Четверть респондентов отметили, что общались с чиновниками только на русском языке, каждый десятый – только на украинском, остальные – на русском и украинском в том или ином соотношении.

Частное общение пожилых севастопольцев на 93% осуществляется на русском языке, при этом русский назвали языком семейного общения 88% респондентов. Общаются с друзьями и родными на украинском языке только 20% респондентов, причем украиноязычное общение занимает у них 30% от общего объема коммуникаций. Такое же распределение русскоязычных и украиноязычных контактов, по всей видимости, имели в виду 12% пожилых респондентов, которые отметили, что общаются в кругу семьи и на русском, и на украинском языках.

Что касается печатной продукции, то 92% от общего объема потребления составляет русскоязычная литература. Украинское печатное слово потребляется только третью пожилых респондентов, в объеме, составляющем 15% от прочитанного. Что касается проективных вопросов, в которых следовало указать одну статью, книгу и один фильм, то здесь преобладание русского языка еще более резкое. Наиболее интересную статью читали на русском языке 89% респондентов, на украинском языке – 4%, остальные выбрали ответ «не помню». «Последняя купленная книга была на русском языке» – 92% ответов, «...на украинском языке» – 4% ответов. Рекомендованный фильм смотрели на русском языке 89% респондентов, на украинском – 4% респондентов. Аналогичным образом обстоит дело и с литературными произведениями, песнями, которые «на слуху» у пожилых севастопольцев. Более 97% от общего числа наименований – на русском языке, 2% – на украинском и 1% – на иностранных языках.

Теперь перейдем к оценочному компоненту. Более 60% респондентов уверены, что знакомы со своими языковыми правами, что превосходит это же соотношение для всей выборки. Интересно, что при этом лишь 35% пожилых респондентов удовлетворяет соотношение языков в информационно-культурном пространстве, из 65% недовольных почти все ощущают недостаток русского языка. Вряд ли следует связывать этот негатив с телетрансляциями. Во-первых, более поло-

вины пожилых респондентов смотрят исключительно российские каналы (менее половины помимо российских смотрят каналы с русским и украинским языками вещания, треть – украиноязычные каналы). Во-вторых, только 7% видят объективную необходимость сокращать или запрещать отдельные телетрансляции, а языковая причина такой фильтрации называется еще реже – в одном случае из пяти. Возможно, негатив касается языковой культуры, так как пожилые респонденты низко оценили языковую культуру сева­стопольцев, говорящих на украинском языке, – 2,8 балла, при высокой оценке языковой культуры сева­стопольцев, говорящих на русском языке. Опять же с психологической точки зрения эта причина не может быть определяющей вследствие избирательности общения и механизмов фильтрации коммуникаций. В чем же причина? По всей видимости, в этом случае причину следует помимо возрастных особенностей искать в общей психологической напряженности, нервозности, когда неопределенный негатив готов выплеснуться на любую область, инициированную к обсуждению. В этом контексте в общую струю укладываются и результаты дифференцирования: носитель русского языка в семантическом пространстве пожилых респондентов превосходит носителя украинского языка по фактору активности (6 из 7 признаков), частично превосходит по фактору оценки (4 признака из 7) и по фактору силы имеет место амбивалентное отношение к обоим носителям (по трем признакам превосходит носитель русского языка, по одному – украинского).

РЕЗЮМЕ

Предваряя резюмирующие замечания, еще раз подчеркнем следующее.

Вопросы, касающиеся владения другими языками и их использования, вводились в мониторинг с целью обозначить границы функционирования русского языка в городе Севастополе, и именно в таком сопоставительном смысле представлены в отчете другие языки, в частности, украинский и английский.

Для того чтобы утверждать, что выявленные тенденции функционирования русского языка характерны именно для города Севастополя, необходимо отделить «севастопольские» тенденции от других регионов, например, от «крымских». С этой целью представляется разумным расширить географию мониторинга, включив в него другие города Крыма, например, Симферополь.

Для мониторинга возможных изменений языковой ситуации в городе Севастополе рассмотренное исследование можно повторять в

более емкой форме, так как имеет место высокая степень согласованности как между ответами респондентов на отдельные вопросы, так и между мнениями разных социальных и возрастных групп.

МОЛОДЕЖЬ

Около половины молодых респондентов считают, что знакомы со своими языковыми правами. Этот и другие факты позволяют прогнозировать интерес к просветительской работе в этой области, тем более что половина респондентов этой группы выразили недовольство соотношением русского и украинского языков в информационно-культурном пространстве. Поскольку ответы на другие вопросы не позволяют выделить область, в которой их языковые права ущемляются, просветительская работа позволила бы определить общее недовольство или, напротив, вообще снять напряжение.

Молодые севастопольцы называют русский язык языком международного общения, языком, необходимым для беспрепятственной самореализации, и языком национальных меньшинств. При этом в первом и втором случаях русский язык упоминается реже, чем английский, но чаще, чем украинский; третьем случае русский язык упоминается реже, чем украинский. Подчеркнем, что ответы были свободные, а не выбирались из предложенных категорий.

Молодежь наиболее активно по сравнению с другими возрастными группами пользуется иностранными языками в деловом и частном общении и испытывает потребность в совершенствовании своих знаний.

ЛИЦА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Также как в группе молодых респондентов, только половина респондентов среднего возраста полагает, что знакома со своими языковыми правами. При этом они не считают, что их языковые права ущемляются в связи с телевидением, однако большинство все же не удовлетворены соотношением языков в информационно-культурном пространстве, что соответствует общегородским тенденциям.

В деловом общении севастопольцев среднего возраста также преобладает русский язык, однако доля украинского языка больше, чем в деловом общении молодых севастопольцев, а доля иностранных языков меньше при таком же сопоставлении.

ЛИЦА ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Севастопольцы пожилого возраста придают большее значение знанию русского и украинского языков, но меньшее значение владению

иностранными языками. Они выше других возрастных групп оценили языковую культуру севастопольцев, говорящих на русском языке, и ниже других возрастных групп оценили языковую культуру севастопольцев, говорящих на украинском языке.

Данная категория севастопольцев также недовольна соотношением языков в информационно-культурном пространстве, что можно связать с уровнем владения языками. А именно, свой уровень владения украинским языком пожилые севастопольцы оценили как неудовлетворительный, в то время как свой уровень владения русским языком как близкий к отличному.

ПРИЛОЖЕНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ А
Распределение выборочной совокупности
исследования функционирования русского языка в г.
Севастополе
по индикаторам этнической самоидентификации, пола, возраста
и образования

№	Категория группы	Число респондентов
1	Русские, женщины, студентки, до 28 лет включительно	126
2	Украинки, женщины, студентки, до 28 лет включительно	56
3	Русские, мужчины, студенты, до 28 лет включительно	112
4	Украинцы, мужчины, студенты, до 28 лет включительно	56
5	Русские, женщины с высшим образованием, до 28 лет включительно	42
6	Русские, женщины с высшим образованием, от 29 до 54 лет включительно	70
7	Русские, женщины с высшим образованием, от 55 лет	56
8	Украинки, женщины с высшим образованием, до 28 лет включительно	14
9	Украинки, женщины с высшим образованием, от 29 до 54 лет включительно	28
10	Украинки, женщины с высшим образованием, от 55 лет	28
11	Русские, мужчины с высшим образованием, до 28 лет включительно	42
12	Русские, мужчины с высшим образованием, от 29 до 54 лет включительно	70
13	Русские, мужчины с высшим образованием, от 55 лет	28
14	Русские, женщины со ср. спец. образованием, до 28 лет включительно	56

41

15	Русские, женщины со ср. спец. образованием, от 29 до 54 лет включительно	98
16	Русские, женщины со ср. спец. образованием, от 55 лет	70
17	Русские, мужчины со ср. спец. образованием, до 28 лет включительно	56
18	Русские, мужчины со ср. спец. образованием, от 29 до 54 лет включительно	84
19	Русские, мужчины со ср. спец. образованием, от 55 лет	56
20	Украинцы, мужчины со ср. спец. образованием, до 28 лет включительно	14
21	Украинцы, мужчины со ср. спец. образованием, от 29 до 54 лет включительно	28
22	Украинцы, мужчины со ср. спец. образованием, от 55 лет	28
23	Украинки, женщины со ср. спец. образованием, до 28 лет включительно	28
24	Украинки, женщины со ср. спец. образованием, от 29 до 54 лет включительно	42
25	Украинки, женщины со ср. спец. образованием, от 55 лет	28
26	Представители других этнических групп, с применением квот по полу, возрасту и образованию	84
Итого		1400

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Распределение

выборочной совокупности экспертного опроса исследования по индикаторам осведомленности

в вопросах функционирования русского языка в г. Севастополе

№	Категория группы	кол-во
1	Учителя общеобразовательных школ по русскому языку	10
2	Учителя общеобразовательных школ по украинскому языку	10
3	Преподаватели вузов I-II уровней аккредитации по русскому языку	2
4	Преподаватели вузов I-II уровней аккредитации по украинскому языку	2
5	Преподаватели вузов I-II уровней аккредитации по социально-гуманитарным дисциплинам	2
6	Преподаватели вузов III-IV уровней аккредитации по русскому языку	5
7	Преподаватели вузов III-IV уровней аккредитации по украинскому языку	5
8	Преподаватели вузов III-IV уровней аккредитации по социально-гуманитарным дисциплинам	4
9	Библиотекари детских библиотек	5
10	Библиотекари взрослых библиотек	15
11	Работники СМИ (пресса)	10
12	Работники СМИ (ТВ, радио)	10
13	Госслужащие	20
Итого		100

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Маслова О.В.

Анализ состояния методического обеспечения и преподавания русского языка и литературы в 2005-2007 учебном году

В 2005–2006 учебному году произошли концептуальные изменения в изучении русского языка и литературы, а именно, школьный курс русского языка приобрел ярко выраженную практическую направленность.

В 13 школах города был проведен мониторинг качества языкового образования. Главной целью изучения качества языкового образования было определение состояния речевых и языковых умений учащихся на критериальном уровне «сформирован/не сформирован». Мониторинг показал, что навык аудирования сформирован практически у всех учащихся, однако отдельные умения и навыки распределены не равномерно. Наибольшие затруднения у школьников вызвали задания на определение главной мысли и средств художественной выразительности прослушанного текста. С целью устранения упомянутых недостатков были сформированы методические рекомендации.

Мониторинг навыков говорения показал, что при сформированности навыков диалогической речи учащиеся севастьяпольских школ допускают ряд типичных ошибок, например, отсутствие логической связанности реплик, нарушение правил общения и норм литературного языка.

В монологической речи учащихся выделены такие распространенные недостатки как бедность содержания и слабость аргументационной позиции.

Специалисты связывают данную ситуацию с непропорциональностью языкового и речевого компонентов учебного материала, ориентацией учителей на формирование прежде всего правописных, а не речевых умений и навыков.

С целью устранения упомянутых недостатков были сформированы методические рекомендации.

На устранение недостатков работают и внеклассные и внешкольные мероприятия. Так, вариативная часть учебного материала позволяет проводить спецкурсы по риторике, мифологии, журналистике, факультативы «Трудные вопросы орфографии», «Формирование орфографической зоркости» и мн. др. Каждая пятая школа имеет класс филологического профиля. Среди массовых мероприятий для учащихся необходимо отметить конкурс чтецов, в котором приняли участие

45 учащихся школ города, профессиональный конкурс «Учитель года» и предметная олимпиада.

В 2006–2007 учебном году с целью повышения качества преподавания русского языка в школах города были организованы семинары-практикумы. Приведем тематику некоторых из них: «Формирование информационной культуры учащихся на уроках русского языка и литературы», «Культурологический подход в преподавании предметов гуманитарного и художественно-эстетического цикла».

В 2006–2007 учебном году увеличилось количество классов филологического профиля общественно-гуманитарного направления. Городскую динамику функционирования специализированных классов за пятилетний период мы можем проследить по диаграмме на рисунке 1:

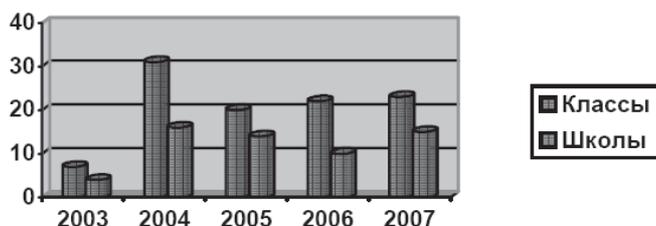

Рисунок 1

Как мы видим, за последние пять лет специализированные филологические классы пережили бум и в настоящий момент их количество медленно, но стабильно возрастает. Другими словами, те, кто рассчитал свои возможности, отказались от специализации, остальные, набравшись опыта, утвердились в эффективности профильного обучения.

В прошедшем учебном году были проведены мероприятия направленные на совершенствование профессиональной подготовки учителей, работающих в профильных классах: постоянно действующие семинары, курсы повышения квалификации, «круглый стол» по проблемам преемственности преподавания русского языка и литературы в школе и вузе.

В декабре 2006 года был продолжен мониторинг качества языкового образования. Результаты аудирования за два года позволяют установить эффективность коррекционных мероприятий, принятых после первого этапа мониторинга. Наибольшие затруднения у школьников на первом этапе мониторинга вызвали задания на определение глав-

ной мысли и средств художественной выразительности прослушанного текста. На втором этапе были установлены позитивные изменения в области определения главной мысли текста.

Таким образом, результаты второго этапа мониторинга говорят об актуальности усиления речевой направленности обучения русскому языку.

Результаты мониторинга навыков говорения и письма в 2006–2007 учебном году, к сожалению, соответствуют результатам прошлого года.

В связи с вышеизложенным запланировано интенсифицировать работу по методическому обеспечению преподавания русского языка и литературы в профильных классах; подготовить к публикации методические пособия, обобщающие передовой опыт преподавания русского языка и литературы в школах города; содействовать внедрению информационных компьютерных технологий на уроках русского языка и литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г Отчет интервьюера. Пример 1

Я проводила анкетирование граждан города Севастополя, используя Интернет, телефон и непосредственный контакт с респондентами. Отношение респондентов к заполнению анкет было разнообразным – от полного нежелания, до предоставления своих родственников и знакомых в качестве опрашиваемых.

Установление контакта с респондентами было делом нелегким. Многие спешили по делам и не соглашались отвечать собственноручно из-за неудобств. Приходилось записывать ответы за респондентом. Были и такие, которые, начав отвечать, потом отказывались на половине анкеты и уходили.

Но, в противовес таким лицам, были люди, с которыми работать было приятно. Вне зависимости от возрастной принадлежности или иной другой, были лица, страстно желающие помочь, отвечающие искренне, с интересом; они старались привлечь своих знакомых и родственников к ответу на вопросы анкеты. Очень радует, что все же многих граждан искренне волнует состояние русского языка в нашем городе.

Большинство граждан нашего города, не зависимо от возраста, национальности и полового признака, считают русский язык родным языком, и говорят в основном только на нем. Так же было интересно отметить, что большинство респондентов посчитали украинский язык – языком меньшинств в городе Севастополе. Тем не менее, к лицам, говорящим на украинском языке, большинство опрошенных отно-

сится нейтрально. Конечно, есть небольшие различия в характеристиках русскоязычного человека и украиноязычного: последние отмечаются несколько пониженной характеристикой.

... В деловом языке, при частном общении и чтении превалирует русский язык.

Также интересны были данные о телеканалах, которые чаще всего смотрят респонденты. Около трети опрошенных сказали, что телевизор вообще не смотрят и затруднились ответить на этот пункт анкеты. Те же, кто ответил, в большинстве смотрят русскоязычные каналы, реже – русско-украинские каналы и англоязычные каналы. Много каналов выбирали по соображениям интереса и полезности, а не языка трансляции, что оказывает влияние на языковую культуру телезрителей, и позволяет строить прогнозы относительно изменений в функционировании языка.

Кроме этого, многие респонденты затруднялись при ответе на вопрос о первых пришедших на ум сказке, песне, стихотворении и романе. Около трети респондентов называли либо одно произведение, либо ни одного. Хотя были и эрудированные граждане, назвавшие не только название произведения, но и автора.

Также посчитали трудными пункты, где нужно было охарактеризовать русско- и украиноязычного человека. Не раз я встретила с откровенным непониманием и агрессивностью респондентов при просьбе ответить на эти вопросы. Аргументация отказа от ответа была разная: от «не вижу связи между вопросами о языках и характеристикой людей», «некорректно составлены вопросы», «не ставлю различий между русскоязычным населением в Севастополе и украиноязычным», до «это провокация, я отвечать не буду», «это полный бред».

Отношение севастопольцев к функционированию языка в различных сферах их жизнедеятельности весьма однозначно. Во всех сферах своей жизнедеятельности они предпочитают пользоваться русским языком, который считают родным, большую нехватку которого ощущают.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Отчет интервьюера. Пример 2

Мною были проанкетированы 100 человек.

...Я сделала ряд выводов на основании мнений опрошенных.

Респондентов, которые считают, что знают свои языковые права, примерно столько же, сколько тех, кто считает, что не знает свои языковые права.

Основная масса не считает нужным запрещать или сокращать транс-

ляцию отдельных телеканалов. Те, кто считает, что нужно сокращать какие-либо трансляции, называли причинами рекламу на украинском языке (в том числе на российских каналах), просто большое количество рекламы, либо из-за недостатка русского языка на телевидении.

Практически все респонденты считают невозможным овладеть языками международного общения без материальных затрат. Интересно, что большинство тех, кто все же считает возможным бесплатное изучение языков – люди старше 34 лет.

Большая часть опрошенных чувствуют недостаток русского языка, в основном, это люди старше 28 лет. Недостаток украинского языка ощущают те, кто считает украинский язык родным, либо имеет родственников, говорящих на украинском языке.

Языком национальных меньшинств в Севастополе называли украинский, татарский, греческий.

Самые распространенные среди изучаемых языков – английский, украинский и немецкий. Также, по мнению большинства, английский язык считается языком международного общения. Затем идет русский и немецкий. Интересно, что большинство опрошенных считают, что знают русский язык в совершенстве, то есть на 5 баллов из 5. Также часто встречались ответы, показывающие, что человек знает английский язык лучше украинского, или в равной степени с украинским.

В деловой, частной жизни и для чтения наиболее часто используется русский язык, реже – украинский, в основном, в деловой сфере. Английский язык преобладал у преподавателей и предпринимателей.

Языковую культуру севастопольцев, при условии, что они говорят на русском языке, оценивают, в основном, высокими баллами: пятёрками и четверками. Украинская же языковая культура оценена респондентами ниже. Ни один опрошенный не поставил русской языковой культуре 1 балл, украинской же ставили единицу не однажды.

В вопросе с семантическими дифференциалами респонденты представляли политиков, а также людей из своего окружения – коллег, родственников, друзей. В конечном счете, видно, что, по мнению большинства, человек, говорящий на русском языке, выглядит более положительно, чем говорящий на украинском языке.

В анкетировании приняли участие люди различных возрастов. Я сделала для себя вывод – старшее поколение более агрессивно относится к языковой проблеме. Молодежь спокойна и равнодушна в какой-то степени. Трудности возникали с вопросом о процентном соотношении языков. Также с семантическим дифференциалом – люди испытывали трудность в обозначении некоторых признаков (жаркий – ледяной и т.п.).

Е.И. КУЗЬМОВИЧ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА В СВЕТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И
ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ:
ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Помимо разума, Homo Sapiens (Человек разумный) наделен языком – орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе. Язык, как средство человеческого общения, неразрывно связан с человеческим мышлением. Язык – социальный способ обмена и передачи информации, способ управления человеческим поведением.

Долгое время, в особенности в период предвыборных кампаний, языковая ситуация в Украине и, в частности, в Севастополе, является предметом острых дискуссий и политических спекуляций.

Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. провозгласил принцип уважения прав, свобод и законных интересов человека, который впоследствии был детализирован и закреплен в виде конкретных международных нормативно-правовых актов, таких как: Всеобщая Декларация прав человека (1948 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.). В соответствии с положениями Всеобщей Декларации прав человека, каждый человек должен обладать всеми правами, свободами, провозглашенными Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии или происхождения. Этим же нормативно-правовым актом установлено право каждого на образование, которое должно быть направлено к полному развитию личности, на свободное участие в культурной жизни общества, на право наслаждаться искусством, а также предусматриваются иные блага.

Поскольку каждый человек наделен разумом, а, следовательно, языком, который он использует для общения друг с другом, реализация элементарных человеческих благ без использования родного языка общения невозможна.

Для каждого народа его самобытность, использование национального языка общения, историческая сущность, его традиции и культуры являются высшей ценностью.

Проблема развития и функционирования русского языка в городе Севастополе считается актуальной, поскольку в Севастополе проживают более 90% граждан, владеющих русским языком. Однако город

Севастополь, как известно, является административно-территориальной единицей Украины.

В Украине единым государственным языком является украинский язык, в связи с чем, все официальное делопроизводство осуществляется на государственном, украинском языке. Проблема возникает в понимании-уяснении большинством населения города Севастополя украинского языка как языка делового общения.

Не умаляя социальной ценности украинского языка для народа Украины, в языковой, культурной и традиционной украинской самобытности, следует рассмотреть проблематику свободного использования русского языка в Севастополе его русскоязычными гражданами.

Конституция провозгласила Украину как суверенное и независимое, демократическое, социальное государство.

Суверенитет как основополагающий принцип конституционного права предполагает наличие трех взаимосвязанных форм: национального, народного и государственного суверенитетов. Государственный суверенитет означает верховенство власти внутри государства и ее независимость во внешней среде, и, как следствие того, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства внутри его территории. Национальный суверенитет предполагает полновластие нации, ее политическую, социально-экономическую свободу обладать реальной возможностью определять характер национальной жизни. Народный суверенитет предусматривает реальное полновластие народа, в том числе и в управлении делами общества и государства.

Демократия определяется как форма государственного устройства, основанная на таких принципах, как верховенство конституции и законов, народовластие и политический плюрализм, свобода и равенство граждан, неотчуждаемость прав человека, развитая система народного представительства.

Социальность государства устанавливает конституционное гарантирование экономических и социальных прав человека и гражданина и соответствующие обязанности государства. Государство, провозгласившее себя государством социальным, служит обществу и стремится исключить или свести до минимума неоправданные социальные различия.

05 ноября 1992 года в городе Страсбург государствами-членами Совета Европы, принята и подписана Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств.

В Преамбуле Хартии указывается, что охрана и защита историчес-

ких региональных языков или языком меньшинств Европы, некоторые из которых находятся под угрозой возможного исчезновения, содействует поддержанию и развитию культурного богатства и традиций Европы; право пользоваться региональным языком или языком меньшинства в частной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, зафиксированными в Международном пакте о гражданских и политических правах, и согласно духу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; подчеркивая значение взаимного обогащения культур и языкового многообразия и учитывая, что защита и развитие региональных языков или языков меньшинств не должны осуществляться в ущерб официальным языкам и необходимости их изучения; защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств в различных странах и регионах Европы представляют собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности; государства-участники принимают во внимание особые условия и исторические традиции в различных регионах европейских государств.

Государства приняли на себя ряд обязательств в области языковой политики, налагаемые Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств (далее – Хартия) в таких областях, как образование, отправление правосудия (производство по уголовным делам, гражданским делам, административным делам), использование языка в административной деятельности государства и государственной службы, обязательства государств при реализации гражданами права на получение информации через средства массовой информации, реализации населением права на культурное развитие, участие в экономической и общественной жизни.

В части II статьи 7 Хартия закрепляет, что региональные языки или языки меньшинств в пределах территории, где они функционируют и применяются, соответственно состоянию развития каждого языка, государства-участники строят свою языковую политику, законодательство исходя из следующих принципов: признания региональных языков или языков меньшинств в качестве выразителей культурного богатства; уважения географического района каждого регионального языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административное деление не создавало препятствий развитию данного регионального языка или языка меньшинства; необходимости решительных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях его сохранения; содействия

и поощрения использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни; сохранения и развития связей в сферах, охватываемых Хартией, между группами, пользующимися региональным языком или языком меньшинства, и другими группами в государстве, где язык используется в идентичной форме, а также установления культурных отношений с другими группами в государстве, использующими другие языки; обеспечения надлежащих форм и средств для преподавания и изучения региональных языков или языков меньшинств на всех соответствующих стадиях; создания условий, позволяющих лицам, не говорящим на региональном языке или языке меньшинства и живущим в районе, где он используется, изучать его, если они того пожелают; содействия изучению и исследованию региональных языков или языков меньшинств в университетах или равноценных учебных заведениях; содействия соответствующим видам межнациональных обменов в охватываемых Хартией сферах, применительно к региональным языкам или языкам меньшинств, используемым в идентичной или схожей форме в двух или более государствах.

Участники приняли на себя обязательства устранить, если они этого еще не сделали, любые неоправданные различия, исключения или преференции, относящиеся к использованию регионального языка или языка меньшинства и имеющие целью сдержать либо поставить под угрозу его сохранение или развитие. Принятие специальных мер в отношении региональных языков или языков меньшинств в целях содействия достижению равноправия между лицами, пользующимися этими языками, и остальным населением, или в которых должным образом учтены их особенности, не рассматривается в качестве деятельности, направленной на дискриминацию в отношении лиц, пользующихся более распространенными языками.

Государства-участники обязуются содействовать, посредством принятия надлежащих мер, взаимопониманию между языковыми группами страны, в частности, путем включения уважения, понимания и терпимости в отношении региональных языков или языков меньшинств в число задач образования и обучения в своих странах, а также поощрять средства массовой информации к достижению той же цели.

При определении своей политики в отношении региональных языков или языков меньшинств участники принимают во внимание нужды и стремления, выражаемые группами, которые пользуются такими языками. В случае необходимости участники способствуют учреждению органов для оказания содействия властям по всем вопросам,

относящимся к региональным языкам или языкам меньшинств.

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, как установлено в ст.ст. 18, 20 открыта для подписания. От имени Украины Хартия была подписана 02 мая 1996 года.

24 декабря 1999 года была предпринята попытка ратифицировать Хартию Законом Украины № 1350-XIV с обязательствами для Украины, но уже 12 июля 2000 года в соответствии с Решением Конституционного Суда Украины № 9-пр/2000 (по делу о конституционном обращении 54 народных депутатов Украины, относительно соответствия Конституции Украины Закона Украины № 1350), Закон Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, 1992 г.» от 24 декабря 1999 года № 1350-XIV утратил законную силу, как неконституционный.

В настоящее время Хартия все же ратифицирована Украиной в соответствии с Законом Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15 мая 2003 года № 802-IV, однако ратификация прошла с оговорками.

Так, пунктом 5 части II статьи 7 Хартии установлен и такой принцип, что участники обязуются применять, *mutatis mutandis* (лат. – с заменой того, что подлежит замене; с учетом соответствующих различий; с необходимыми изменениями; вытекающими из обстоятельств), принципы, перечисленные в перечисленных выше принципах (т.е. части II статьи 7 Хартии) к нетерриториальным языкам. Однако характер и масштаб мер, принимаемых для осуществления Хартии, в отношении этих языков должны определяться гибко, с учетом нужд, стремлений и при уважении традиций и особенностей групп, которые пользуются соответствующими языками. Однако пункт 5 части II статьи 7 Хартии не ратифицирован Украиной как принцип языковой политики в отношении региональных языков или языков меньшинств.

Возвращаясь к Закону Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15 мая 2003 года № 802-IV (далее – Закон № 802-IV), невозможно не обратить внимания на то, что в соответствии со ст. 2 Закона, положения Хартии применяются к языкам таких национальных меньшинств Украины, как: белорусскому, болгарскому, гагаузскому, греческому, еврейскому, крымскотатарскому, молдавскому, немецкому, польскому, русскому, румынскому, словакскому и венгерскому.

Действительно, Закон № 802-IV предполагает наличие некоторых оговорок при применении Хартии на территории Украины.

Необходимо рассмотреть некоторые положения Хартии и соответ-

ствия ее положений некоторым нормам национального законодательства Украины, которые касаются основополагающих ценностей для человека.

Одной из важных социальных ценностей для человека является образование. Статьей 8 Хартии определяются меры, содействующие использованию региональных языков или языков меньшинств в общественной жизни в области образования. Участники Хартии приняли обязательства в рамках территории, где такие языки используются в соответствии с положением каждого из этих языков и без ущерба преподавания государственного языка (языков):

а) обеспечить доступность дошкольного образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств;

или

– обеспечить доступность существенной части дошкольного образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств;

или

– применять одну из вышеперечисленных мер, по крайней мере, к тем ученикам, чьи семьи просят об этом и количество которых считается достаточным для этого;

или

– содействовать и/или поощрять применение мер, упомянутых в предыдущих подпунктах, если государственные органы не обладают прямой компетенцией в сфере дошкольного образования;

б) обеспечить доступность начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств;

или

– обеспечить доступность существенной части начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств;

или

– обеспечивать в рамках начального образования преподавание соответствующих региональных языков или языков меньшинств в качестве составной части учебной программы;

или

– применять одну из мер, предусмотренных в предыдущих пунктах, по крайней мере, к тем ученикам, чьи семьи просят об этом и количество которых считается достаточным для этого.

Аналогичные требования Хартии по обеспечению доступности в образовании имеются для среднего, профессионально-технического, университетского и другого высшего образования, курсов для взрос-

лых, системы повышения квалификации и по обеспечению подготовки и переподготовки преподавателей.

Таким образом, Хартия призывает обеспечить, прежде всего, доступность образования на региональном языке или на языке меньшинства, ни коем образом не ущемляя преподавания государственного языка на всех стадиях образовательного процесса.

Следовательно, предполагается постепенное изучение государственного языка, применяя ступенчатое образование, то есть с дошкольного образования дети будут изучать государственный язык, чтобы впоследствии в совершенстве владеть государственным языком.

Постепенное изучение языка (от простого – к сложному) является наиболее правильным для восприятия и запоминания обучаемого. При этом следует отметить сложность изучения украинского языка для русскоговорящего человека, ввиду специфичности произношения некоторых звуков и слов.

Закон УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312 (с изменениями), предопределяет, что языком воспитания и обучения в Украине является украинский язык, однако в местах компактного проживания граждан иных национальностей могут создаваться детские дошкольные учреждения, общеобразовательные школы и иные образовательные учреждения, учебная и воспитательная работа в которых осуществляется языком национального меньшинства. Положения данного Закона полностью соответствует норма части 3 статьи 53 Конституции Украины, где указывается государственная гарантия гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, в соответствии с законом гарантируется право обучения на родном языке либо на изучение родного языка в государственных и коммунальных учебных заведениях или через национальные культурные общества.

Более противоречивое положение Хартии касается отправления правосудия. В статье 9 Хартии указывается, что участники обязуются, в отношении тех судебных округов, где число жителей, пользующихся региональными языками или языками меньшинств, оправдывает указанные ниже меры в соответствии с положением каждого из этих языков и при условии, что предоставляемые настоящим пунктом возможности не рассматриваются в качестве препятствия для надлежащего отправления правосудия:

а) в производстве по уголовным делам:

1) обеспечивать, чтобы в случае просьбы одной из сторон слушание дела в суде велось на региональном языке или языке меньшинства;

и/или

2) гарантировать обвиняемому право на пользование его/ее региональным языком или языком меньшинства;

и/или

3) обеспечивать, чтобы запросы и свидетельские показания, письменные или устные, не рассматривались как неприемлемые только потому, что они сформулированы на региональном языке или на языке меньшинства;

и/или

4) составлять по запросу документы, относящиеся к производству по делу, на соответствующем региональном языке или языке меньшинства, при необходимости прибегая к помощи переводчика без дополнительных расходов со стороны заинтересованных лиц;

б) в производстве по гражданским делам:

1) обеспечивать, чтобы в случае просьбы одной из сторон слушание дела в суде велось на региональном языке или языке меньшинства;

и/или

2) когда участник процесса должен лично предстать перед судом, разрешать ему пользоваться своим региональным языком или языком меньшинства, без дополнительных расходов в его стороны;

и/или

3) разрешать представление документов и свидетельских показаний на региональном языке или языке меньшинства, при необходимости прибегая к помощи переводчика;

в) в производстве по делам об административном правонарушении:

1) обеспечивать, чтобы в случае просьбы одной из сторон слушание дела в суде велось на региональном языке или языке меньшинства;

и/или

2) когда участник процесса должен лично предстать перед судом, разрешать ему пользоваться своим региональным языком или языком меньшинства, без дополнительных расходов в его стороны;

и/или

3) разрешать представление документов и свидетельских показаний на региональном языке или языке меньшинства, при необходимости прибегая к помощи переводчика.

Положения Хартии предписывают, чтобы возможное обращение к услугам переводчика не создавали бы дополнительных расходов для заинтересованных лиц.

Кроме того, участники Хартии обязуются обеспечить доступность текстов законодательных актов на региональных языках или языках

меньшинств, особенно тех, которые имеют непосредственное отношение к лицам, пользующимся этими языками, если этими законодательными актами не предусмотрено иное.

Применить положения Хартии, относительно производства по уголовным, гражданским и административным делам на практике невозможно без нарушения прав граждан, для которых государственный язык является родным языком. Если один из участников процесса, например, украинец, разговаривающий на украинском языке, а другой участник процесса русскоговорящий гражданин Украины, при этом, в Украине государственным языком является украинский язык, требовать (или просить) ведения судопроизводства на русском языке недопустимо, исходя из следующего.

Во-первых, нарушаются права, свободы и законные интересы гражданина Украины, для которого родным языком является украинский язык в аспекте свободного употребления государственного языка на территории Украины, что является прямым противоречием Конституции Украины (ст. 10).

Во-вторых, невозможно, защищая права одних граждан, нарушать права других, в чем и является, на взгляд автора, противоречивость Хартии.

Следовало бы согласиться с тем, что если все участники судебного процесса владеют региональным языком или языком меньшинств, тогда судопроизводство по обоюдному согласию сторон должно было бы проводиться на региональном языке.

Частью 1 статьи 19 Уголовно-процессуального кодекса Украины установлено, что судопроизводство (по уголовным делам) ведется на украинском языке или на языке большинства населения данной местности. Такое положение Уголовно-процессуального кодекса Украины не противоречит Закону № 802-IV, в котором в статье 18 определен язык судопроизводства как национальный или язык, принятый для населения данной местности.

Положениями части 1 статьи 7 Гражданско-процессуального кодекса Украины однозначно определено, что гражданское судопроизводство осуществляется на государственном языке. Частью 2 указанной статьи определяется положение лиц, участвующих в деле и не владеющих или недостаточно владеющих государственным языком: они имеют право делать заявления, давать объяснения, выступать в суде и заявлять ходатайства на родном языке или на языке, которым они владеют, пользуясь при этом услугами переводчика.

Правилами статьи 79 Гражданского процессуального кодекса определены виды судебных расходов, к которым относятся расходы,

скольким лицам, привлекаемым к административной ответственности, тоже русскоязычные граждане Украины. Судейский состав владеет украинским и русским языком, следовательно, в случае привлечения к административной ответственности украиноговорящего гражданина, его права, относительно языка, не будут нарушены.

С 01 сентября 2005 года вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Украины, регулирующий порядок защиты прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц, при осуществлении ими властных управленческих функций на основе действующего законодательства. В статье 15 Кодекса административного судопроизводства Украины однозначно установлено, что административное судопроизводство осуществляется на государственном языке. Также определено положение лиц, участвующих в деле и не владеющих или недостаточно владеющих государственным языком: они имеют право пользоваться родным языком или языком, которым владеют, а также услугами переводчика в порядке, установленном данным Кодексом. Судебные документы составляются на государственном языке. Хартия не предусматривает определения языковой политики государством-участником в отношении административного судопроизводства.

Деятельность административной власти государств-участников Хартии в языковой политике использования региональных языков или языков меньшинств также урегулирована. В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Хартии, в административных округах государства-участника, где число жителей, пользующихся региональными языками или языками меньшинств, обязуются, насколько это представляется возможным:

а) обеспечивать, чтобы административные власти пользовались региональными языками или языками меньшинств; или обеспечивать, чтобы те их представители, которые осуществляют контакты с общественностью, пользовались региональными языками или языками меньшинств в их отношениях с лицами, обращающимися к ним на этих языках; или обеспечивать, чтобы лица, пользующиеся региональными языками или языками меньшинств, могли подать устные заявления и получить ответ на этих языках; или обеспечивать, чтобы лица, пользующиеся региональными языками или языками меньшинств, могли на законных основаниях представлять документы на этих языках;

б) следить за доступностью для населения широко используемых административных документов и бланков на региональных языках

или языках меньшинств или в двуязычном варианте;

в) разрешать административным властям составлять документы на региональном языке или языке меньшинства.

Анализируя изложенное, невозможно не отметить того, что пункт 1 статьи 10 Хартии в Украине не выполняется, поскольку это положение Хартии прямо противоречит действующему законодательству Украины. В Решении Конституционного Суда Украины от 14 декабря 1999 по делу № 10-пр/99 дано официальное толкование положения части 1 статьи 10 Конституции Украины: «Государственным языком в Украине является украинский язык», которое следует понимать так, что украинский язык как государственный язык, является обязательным средством общения на всей территории государства при осуществлении полномочий органами государственной власти и органами местного самоуправления (язык актов, работы, делопроизводства, документации и т.д.), а также в иных публичных сферах общественной жизни, как определяет закон, т.е. положения части 5 статьи 10 Конституции Украины. Наряду с государственным языком для осуществления полномочий местными органами исполнительной власти, органами Автономной Республики Крым и органами местного самоуправления могут применяться русский и иные языки национальных меньшинств в границах и в порядке, определенными законами Украины.

Статья 10 Закона УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312, в ней указывается, что акты высших органов государственной власти и управления Украины принимаются на украинском языке и публикуются на украинском и русском языках. До настоящего времени отсутствует официальный перевод на русский язык Гражданского кодекса Украины, вступившего в силу 01 января 2004 года и Гражданского процессуального кодекса Украины, вступившего в силу 01 сентября 2005 года, что противоречит пункту 3 статьи 9 Хартии, где устанавливается обязанность государства-участника обеспечить доступность текстов законодательных актов на региональных языках или языках меньшинств.

Также определяется, что языком работы, делопроизводства и документооборота и взаимоотношений государственных, партийных, общественных органов, предприятий, учреждений и организаций, является украинский язык. Вместе с тем, предусматривается, что языком работы, делопроизводства и документации, наряду с государственным языком, может быть и национальный язык большинства населения той или иной местности.

В Украине и в Севастополе взаимоотношения и делопроизводство между органами государственной власти, учебными заведениями (не-

зависимо от формы собственности) осуществляется на украинском языке. Что же касается органов, предприятий, учреждений и организаций негосударственной формы собственности, то взаимоотношения, делопроизводство и документооборот между ними осуществляется на русском языке. Это обуславливается незнанием украинского языка, поскольку людям среднего и старшего поколения очень сложно «перестроиться» на украинский язык.

В правоохранительных органах Украины делопроизводство и документооборот осуществляется на украинском языке. Статьей 22 Закона УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312 предусмотрено, что акты прокурорского надзора и переписка в Украине составляются на украинском языке. В Севастополе, как работники прокуратуры, так и работники органов внутренних дел принимают объяснения, заявления от граждан, проводят допросы на языке большинства населения – на русском.

Нотариальное делопроизводство в Украине и в г. Севастополе осуществляется на украинском языке. Требованиями статьи 20 Закона УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312 установлено, что нотариальное делопроизводство в нотариальных конторах и исполнительных комитетах городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов ведется тем языком, на котором в данной местности осуществляется правосудие. Если лицо, которое обратилось за осуществлением нотариальных действий, не знает языка, на котором ведется делопроизводство, тексты оформленных документов должны быть составлены также в переводе на русский или иной язык. Действующим законодательством определено, что языком правосудия в Украине (гражданского, административного) является государственный язык, следовательно, языком нотариального делопроизводства в Украине также является украинский язык. Нотариусы г. Севастополя (государственные и частные) осуществляют нотариальное делопроизводство на украинском языке, как того требует действующее законодательство, однако нотариусы г. Севастополя перед подписанием документа, осуществляют его перевод на русский язык, при этом нотариус свидетельствует о верности сделанного им перевода, о чем делается в документе соответствующая надпись в самом документе.

Статьей 17 Закона УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312 предусмотрено, что во всех сферах обслуживания граждан в Украине используется украинский язык или иной язык, принятый сторонами. Не могу не отметить, что в зависимости от местности, где такое обслуживание осуществляется, изменяется и

язык обслуживания, будь то парикмахерская или продовольственный магазин. Статьей 6 Закона Украины «О защите прав потребителей» от 01 декабря 2005 года № 3161 устанавливается обязанность продавца (производителя, исполнителя) передать потребителю продукцию надлежащего качества, а также предоставить информацию об этой продукции. В некоторых севастопольских супермаркетах («Екомаркет», «Велика кишеня», «Фора», «Сільпо», «Ельдорадо», «Фуршет») название товара указывается на украинском языке, поскольку головные офисы этих магазинов находятся в украиноязычной части нашего государства. Сеть супермаркетов «Ален», собственник которого проживает в городе Севастополе и является русскоязычным гражданином Украины, название товара указывает на русском языке. В городе Севастополе широко развито аптечное обслуживание населения, однако аннотации к лекарственным препаратам написаны на украинском языке. Специальная медицинская терминология непонятна большинству русскоязычного населения г. Севастополя ввиду ее сложности, а перевод аннотаций к медикаментам просто отсутствует.

Говоря о возможных нарушениях прав, свобод и законных интересов граждан в зависимости от их родного языка, следует отметить, что большинство работников органов внутренних дел не в достаточной степени владеют украинским языком, следовательно, в случае задержания лица, совершившего правонарушение или преступление.

Невозможно не отразить ситуацию, которая складывается в Украине в связи с реализацией неотъемлемых прав и свобод человека, в частности, его право на имя, как на личное неимущественное право, обеспечивающее социальное бытие физического лица. Имя, которое человек получил при рождении, является способом его индивидуализации, при этом, частью 1 статьи 294 Гражданского кодекса Украины установлено, что физическое лицо имеет право на имя. Законодателем определена и структура имени. Имя физического лица, являющегося гражданином Украины, в соответствии со ст. 28 Гражданского кодекса Украины, состоит из фамилии, собственного имени и отчества, если иное не вытекает из закона или обычая национального меньшинства, к которому это лицо относится. Права и обязанности физическое лицо приобретает и осуществляет под своим именем.

В соответствии со ст. 7 Конвенции о правах ребенка, ребенок с момента его рождения имеет право на имя и приобретения гражданства. Указанная норма международного права нашла свое отражение и в правовой системе национального права Украины. Так, с целью реализации права ребенка на имя, Семейным кодексом Украины в

статье 144 предусмотрена обязанность родителей безотлагательно, т.е. не позже одного месяца со дня рождения ребенка, зарегистрировать его рождение в государственном органе регистрации актов гражданского состояния и одновременно присвоить ему фамилию, имя и отчество. Присвоение фамилии, в соответствии со статьей 145 Семейного кодекса Украины, происходит по фамилии родителей ребенка (если фамилия у родителей ребенка общая).

Таким образом, имя физического лица следует понимать как личное неимущественное благо каждого физического лица, присвоенное этому лицу при его рождении. Законодателем определено, что физическое лицо имеет право на транскрипцированную запись его фамилии и имени в соответствии со своей национальной традицией, а в случае искажения имени физического лица такое искажение должно быть исправлено. Если искажение имени было осуществлено в документе, такой документ подлежит замене.

Правила русского языка однозначно указывают на недопустимость перевода имен собственных. При этом, Украина, как государство и субъект права, незаконно и необоснованно установила возможность перевода с русского языка на украинский собственных имен (Евгений – «Євген»; Николай – «Миколай»: Анна – «Ганна»; Петр – «Петро» и т.п). Следует обратить внимание на то, что каждому гражданину Конституцией Украины гарантировано право на защиту своего нарушенного права, в том числе, и право на судебную защиту.

Проблема реализации гражданами своего права на имя в городе Севастополе является актуальной и в настоящее время ввиду нетранскрипцированной записи имен собственных в паспорта русскоязычных граждан, однако, отметим, что в севастопольские суды практически не обращаются граждане с целью изменения своего искаженного имени, которое гражданином было получено при его рождении.

С целью устранения возникающих противоречий в аспекте реализации каждым своего права на использование родного языка, следует внести некоторые изменения в действующее законодательство для урегулирования спорных вопросов при свободном применении русского языка на территории Украины. Правовое, демократическое, социальное государство может являться таковым при защите и соблюдении прав каждого на своей территории. Исключение раскола в обществе можно достигнуть лишь в том случае, когда в государстве соблюдены интересы всех слоев общества, устранена коррупция, а права, свободы и законные интересы каждого члена социума неукоснительно соблюдаются, прежде всего, всеми ветвями государственной власти.

Народ Украины, как население правового и демократического государства, реализовывая непосредственно принципы демократизма, должен сам определить приоритетные аспекты своей жизнедеятельности, в том числе, определить, будет ли Великий русский язык вторым государственным языком в Украине.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Украины. – Харьков: Фолио, 2006. – 48 с.
2. Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств от 05 ноября 1992 года.
3. Закон Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, 1992 г.» от 24 декабря 1999 года № 1350-XIV.
4. Решение Конституционного Суда Украины № 9-пр/2000 от 12 июля 2000 года (по делу о конституционном обращении 54 народных депутатов Украины, относительно соответствия Конституции Украины Закона Украины № 1350).
5. Гражданский кодекс Украины: комментарий. – Т. 1 – Издание второе. – Х.: ООО «Одиссей», 2004. – 832 с.
6. Гражданский процессуальный кодекс Украины. – Х.: «Одиссей», 2006. – 200 с.
7. Закон Украины «О ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 15 мая 2003 года № 802-IV.
8. Закон УССР «О языках в Украинской ССР» от 28 октября 1989 года № 8312 (с изменениями).
9. Закон Украины «О судеустройстве Украины» от 07 февраля 2002 года № 3018-III.
10. Закон Украины «О защите прав потребителей» от 01 декабря 2005 года № 3161-IV.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (с изменениями и дополнениями). – Х.: «Одиссей», 2002. – 288 с.
12. Кодекс административного судопроизводства Украины. – Х.: «Одиссей», 2005. – 168 с.

Ж.В. СЛЮСАРЬ
ИНФОРМАЦИЯ
О ВЫПОЛНЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ
ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА,
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В СЕВАСТОПОЛЕ НА 2007–2011 ГГ.
ПО СОСТОЯНИЮ НА 01.11.2007 Г.

Основными задачами Программы развития регионального русского языка, русской культуры в Севастополе на 2007–2011 годы являются обеспечение преподавания русского языка как регионального на всех уровнях образования, укрепление материальной базы учебных заведений для улучшения качества преподавания русского языка, содействие осуществлению научных исследований в области русского языка и литературы и пополнение фондов библиотек литературой на русском и других языках.

В соответствии с требованиями программы в 2007 г. Управлением образования и науки СГГА был проведен мониторинг состояния обучения севастопольских школьников на русском языке. С этой целью были проанализированы сеть учреждений образования, результаты государственной итоговой аттестации выпускников 9-х и 11-х классов, количественный и качественный состав учителей-словесников, организационное и методическое обеспечение преподавания предметов «Русский язык», «Русская литература», «Севастополеведение».

В 2007–2008 учебном году на русском языке процесс воспитания и обучения осуществляется в 98% дошкольных, в 94% общеобразовательных и в 100% внешкольных и профессионально-технических учебных заведениях. В высших учебных заведениях процесс обучения на русском языке обеспечен в 97% вузов.

Соотношение количества учащихся, обучающихся на русском языке, к общему контингенту составляет в системе:

- дошкольного и высшего образования – 99,5%;
- общего среднего образования – 97,7%;
- внешкольного и профтехобразования – 100%.

Суммарное количество часов на изучение русского языка и литературы с 1 по 11 классы составляет 49–55 часов в неделю в зависимости от профиля обучения, количество часов украинского языка и литературы – соответственно 41–49 часов. В соответствии с нормативными

документами Министерства образования и науки общий объем часов на изучение русского языка и литературы в этом учебном году остался таким же, как и в прошлом учебном году.

За счет вариативной (дополнительной) составляющей учебного плана в 15% учебных заведений ведутся спецкурсы «Риторика», «Морфология», «Русская словесность», «Стилистика», «Юный журналист», «Литературное краеведение», «Культура русской речи» и другие. В 23% школ организованы факультативные занятия следующей направленности: «Трудные вопросы орфографии», «Юный филолог», «Формирование орфографической зоркости». В каждом пятом учреждении образования созданы классы филологического профиля обучения.

Преподавание русского языка и литературы осуществляют 284 учителя, из них педагоги с высшей квалификационной категорией составляют 32%, звание «Старший учитель» и «Учитель-методист» имеют 74 учителя. По сравнению с 2004 годом число учителей, имеющих высшую квалификационную категорию, увеличилось на 12%. Треть учителей-словесников имеют стаж работы от 10 до 25 лет. На сегодня все школы города обеспечены учителями русского языка и литературы.

В соответствии с Программой курсовую переподготовку на базе института последипломного образования ежегодно проходят 20% учителей-словесников. В рамках методической службы организованы теоретические семинары, методические фестивали, семинары-практикумы, спецсеминары и мастер-классы для повышения профессионального мастерства учителей русского языка.

В соответствии с планом работы управления образования и науки в прошедшем учебном году был проведен контрольный срез знаний учащихся 8–9 классов четырнадцати школ города (гимназии № 7, 8, специализированная школа № 57, общеобразовательные школы № 9, 16, 23, 25, 31, 38, 46, 52, 54, 59, 61). Восьмиклассники выполняли тестовую работу по следующим разделам предмета: лексика, словообразование, стилистика, синтаксис, пунктуация; учащиеся девятого класса – по морфологии, фонетике, синтаксису. Успешно (на 8–12 баллов) выполнили задания 62% учащихся 8-х классов и 50% учащихся 9-х классов. Наибольшее количество работ, имеющих высший балл, у воспитанников школ № 9, 31, 61, гимназий № 7, 8. Лучшие результаты у учащихся следующих учителей: В.Г. Бескровная (гимназия № 7), И.В. Батайкина (школа № 9), Г.И. Кушнарева (школа № 61), Ю.А. Кокурина (школа № 31), Л.В. Куликова (гимназия № 8).

Институтом последипломного образования Севастопольского городского гуманитарного университета был проведен мониторинг качества языкового образования в общеобразовательных учебных за-

ведениях города. Первоначально исследование прошло в школах № 4, 9, 11, 15, 17, 22, 30, 33, 34, 39, 41, 54 в три этапа:

1 этап – мониторинг качества речевой деятельности (аудирование).

2 этап – мониторинг качества речевой деятельности (говорение – диалогическая речь и монологическая речь).

3 этап – мониторинг качества языковых умений и навыков.

Главной целью изучения качества языкового образования было определение состояния речевых и языковых умений учащихся, выявление тенденций их изменений, преемственность в обучении при переходе из школы I ступени в школу II ступени. Аудирование позволило определить уровень фактического понимания текста учениками, способность устанавливать причинно-следственные связи, понимание главной мысли, использование выразительно-изобразительных средств языка.

Количественный анализ результатов показал, что навык аудирования сформирован практически у всех учащихся, участвующих в проверке, уровень учебных достижений равен 99,3%. Однако уровень сформированности умений и навыков слушания – понимания текста у школьников различен. Правильно ответили на вопросы, связанные с фактическим пониманием, 71% учащихся, с установлением причинно-следственных связей – 95%; с определением главной мысли – 28%; с определением изобразительно-выразительных средств – 50%. Наибольшие затруднения у школьников вызвали вопросы на определение главной мысли, средств художественной выразительности прослушанного текста.

При мониторинговом исследовании сформированности навыков говорения учащимся первоначально предлагалось построить высказывание на заданную тему в форме диалога.

Результаты показали, что из 658 учащихся навык диалогической речи на достаточном и высоком уровнях сформирован у 70% учеников.

Для проверки сформированности навыков монологической речи учащиеся составляли небольшой рассказ на одну из предложенных тем, используя опорные слова.

Установлено, что навык монологической речи на достаточном и высоком уровнях сформирован у 69% учеников. Неоднороден качественный показатель монологической речи учащихся. Наиболее распространенными недостатками являются бедность содержания, отсутствие композиционной стройности, отсутствие аргументов личностной позиции учащихся, значительное количество грамматических и лексико-стилистических ошибок.

Причины такого положения можно объяснить непропорциональным соотношением языкового и речевого материала, которым должны овладеть ученики, а также традиционно большим вниманием со стороны учителей к формированию правописных умений и навыков, чем речевых. В целом результаты мониторинга позволяют говорить о необходимости усиления речевой направленности обучения русскому языку, о совершенствовании навыков различных видов анализа текста, в том числе смыслового, речеведческого, языкового.

Всестороннему развитию русского языка, изучению русской культуры и истории способствует школьный курс «Севастополеведение», преподавание которого в соответствии с приказом Управления образования и науки СГГА ведется с 2000 года. За период проведения экспериментальной работы по данному курсу программа севавтополеведения расширилась на все образовательные ступени школы и ведется с 1 по 11 классы в следующем соотношении: основное преподавание приходится на 5–9 классы – 70% школ, в начальной школе – 15%, старшая школа 10–11 классы – 12%.

Преподавание севавтополеведения осуществляется за счет вариативной составляющей учебного плана как предмет, а также за счет кружковой и воспитательной работы в 97% общеобразовательных школ города. Благодаря предмету «Севастополеведение» стало возможным проведение научных и литературных общегородских мероприятий со старшеклассниками. Так, ежегодно поводится праздник краеведения «Потомству в пример» по страницам учебного курса «Севастополеведение», конкурс творческих работ «Жизнь каждого принадлежит Отечеству», журналистский конкурс «Премия ТМ – стань журналистом» (организаторы Партия Регионов, В. Колесниченко, количество участников – 200 человек).

Во исполнение региональной программы для полноценного преподавания курса «Севастополеведение» отпечатано 674 комплекта учебных пособий, которые переданы в школы.

С целью содействия развитию других языков на территории города ежегодно в День украинской письменности и культуры 9 ноября, в День родного языка 21 февраля и 24 мая в День славянской письменности и культуры во всех учреждениях образования города проводятся классные часы, массовые мероприятия, посвященные этим событиям.

С 30 октября по 2 ноября на базе гимназии № 1 имени А.С. Пушкина была проведена первая Межрегиональная олимпиада по русскому языку и литературе. В олимпиаде приняли учащиеся 9–11 классов из пятнадцати регионов Украины (всего 43 участника). Участники олим-

пиады и руководители команд проживали на базе школы-интерната № 1. Для школьников были организованы тематические литературно-исторические экскурсии по городу.

Олимпиада проходила в два этапа: русский язык и литература. Первый этап по русскому языку включал устный тур и письменные задания, связанные со знанием основных разделов русского языка, стилистики, культуры речи. Задания второго этапа по литературе касались понимания и толкования художественного текста. Победителями среди учащихся 9–11 классов стали 22 ученика из тринадцати регионов. Участники олимпиады из Севастополя заняли первое место среди учащихся 9-х классов, второе – среди 10-х классов и второе – среди 11-х классов. В состав жюри олимпиады входили ведущие преподаватели гуманитарных кафедр СГУ, НТУ, учителя-словесники общеобразовательных школ города.

По итогам прошедшего в марте 2007 г. городского этапа олимпиады по русскому языку и литературе была сформирована команда для участия в VI Международной олимпиаде школьников по русскому языку государств-участников СНГ и стран Балтии, которая проходила с 30 октября по 02 ноября 2007 г. в г. Санкт-Петербурге. В состав команды вошли учащиеся 9–11 классов школ № 22, 49, гимназии № 2 (4 человека). Руководителем команды являлась Л.Э. Солодухина, учитель русского языка и литературы, заместитель директора по УВР. Одной из победительниц олимпиады стала Ольга Третьякова, ученица 10 класса школы № 49, занявшая третье место.

Городской конкурс «Учитель года» в номинации «Русский язык и литература» был проведен в 2 этапа:

1) на заочный этап (с 15 октября по 02 ноября 2007 г.) учителя представили материалы с описанием собственного педагогического опыта;

2) на очном этапе (16 ноября 2007 г. на базе гимназии № 1 им. А.С. Пушкина) учителя проводили открытые уроки и презентации своих методических разработок, отвечали на вопросы жюри, связанные с актуальными проблемами преподавания русского языка и литературы в современной школе.

В конкурсе участвовали 5 человек (учителя школ № 29, спец. шк. № 3, гимназии № 2, 7, лицея № 1). Победителем стала В.Г. Бескровная, преподаватель русского языка и литературы гимназии № 7, учитель высшей категории, «Старший учитель».

В рамках реализации региональной программы Севастопольским городским гуманитарным университетом были запланированы и проведены три научно-практические конференции.

Международная научно-практическая конференция «Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения» была проведена с 11 сентября по 13 сентября 2007 г. В работе конференции приняли участие более 70 представителей учреждений системы образования (преподаватели высших учебных заведений Украины, России, Таджикистана, Эстонии, учителя общеобразовательных учреждений г. Севастополя, представители общественных и других организаций).

В первый день конференции состоялось пленарное заседание, в работе которого приняли участие первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации доктор филологических наук, профессор В.П. Казарин, заместитель начальника Севастопольского городского управления образования и науки Ж.В. Слюсарь, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и мировой литературы Института иностранной филологии НПУ им. Драгоманова (г. Киев) Л.Ф. Мирошниченко, доктор педагогических наук, профессор Е.А. Исаева (г. Киев) и др.

Второй день конференции – работа секций:

- «Проблемы преподавания русского языка и литературы в школе и вузе»;
- «Современные проблемы русской лингвистики», «Актуальные проблемы современного литературоведения: научные исследования, взгляды, оценки».

В работе секций приняли участие 44 докладчика из России, Украины, Таджикистана (в том числе, 10 докторов наук, 22 кандидатов наук, 12 аспирантов украинских и российских университетов), учителя города, студенты и слушатели СГГУ.

По материалам конференции был сформирован сборник STUDIA METHODOLOGICA (Студия методологика), который издан и поступит в библиотеки системы образования города во втором семестре 2007–2008 учебного года.

Научно-практическая конференция «Проблемы преемственности преподавания русского языка и литературы в школе и вузе в свете кредитно-модульной системы организации учебного процесса» была проведена 31 ноября – 1 декабря 2007 г. В ней приняли участие учителя из более 30 общеобразовательных учреждений г. Севастополя, преподаватели и студенты филологических специальностей Севастопольского городского гуманитарного университета, представители общественности города.

В ходе двухдневной работы (пленарного и секционных заседаний) поднимались вопросы адаптации выпускников школ-студентов 1-х курсов, к новой рейтинговой системе в вузе в процессе изучения рус-

ского языка; шел поиск вариантов взаимодействия учителей русского языка и преподавателей кафедр филологического факультета СГГУ в плане проведения совместных мероприятий, повышающих уровень знаний современного ученика и студента, его культуры и способствующих воспитанию духовно-развитой личности. Участники конференции получили для библиотек школ города пакет научных и учебно-методических материалов, подготовленных работниками СГГУ. Авторы: Л.В. Адонина, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы СГГУ; В.Е. Храброва, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и зарубежной литературы СГГУ; Ю.Л. Ситько, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы СГГУ; В.Д. Миленко, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и зарубежной литературы СГГУ; О.В. Маслова, методист по русскому языку и литературе ИПО СГГУ и др.

Научно-практическая конференция «Проблемы преподавания русского и украинского языков в условиях билингвизма» была проведена Севастопольским городским гуманитарным университетом 7–8 декабря 2007 года с участием преподавателей и студентов СГГУ, учителей общеобразовательных учреждений г. Севастополя.

В ходе работы конференции был поднят ряд важных для системы образования проблем, связанных с функционированием, изучением и преподаванием близкородственных языков, были выработаны практические рекомендации по методикам обучения русскому и украинскому языкам.

На конференции обсуждались важные научно-методические вопросы, такие как:

- интегрированные приемы обучения украинской орфографии учеников школ с русским языком обучения; лингвистические и психолингвистические условия обучения украинскому языку в русскоязычной среде;
- формирование культуры речи студентов-филологов в условиях билингвизма;
- сохранение «чистоты» русского языка у учащихся общеобразовательных школ;
- проблемы языковой интерференции у учащихся школ и студентов вузов и др.

Совместно с Всеукраинской общественной организацией «Русская школа» обеспечено пополнение фондов школьных библиотек и библиотеки СГГУ литературой для программного чтения на сумму 110 тыс. грн.

О.В. ЛЕЩАК
**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА
СЕВАСТОПОЛЯ КАК
СЕМИОТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА**

«Городская жизнь – это не фестивали и не карнавалы; не супермаркеты и рестораны. Это даже не красивые и суетные главные улицы городского центра. Город – это, прежде всего, особым образом организованное, обитаемое, жизненное пространство-время. Оно создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют социальную подоснову сотворения рукотворных городских ландшафтов».

Т.М. Дридзе

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Город как место жительства и функционирования современного человека является ключевым фактором формирования цивилизации. Именно здесь сосредоточены основные экзистенциальные, социальные, экономические и информационные составляющие его жизнедеятельности. Современный человек – это, прежде всего, человек культуры и цивилизации, человек в значительной степени искусственный, для которого информация и знаки часто становятся более важной средой бытия, чем энергоматерия, а интеллектуально-духовные формы деятельности преобладают над предметно-манипулятивными. Технологическая искусственность и информационная виртуальность стали типологическими чертами современного человека-горожанина. Даже сельские жители в связи с урбанизацией современной цивилизации все чаще на ментальном уровне ориентируются на городские культурные, правовые, хозяйственно-экономические и поведенческие стандарты. Немалый вклад в этот процесс вносят средства массовой информации и поп-культура (производимые, естественно, в городах). По мнению томских исследователей сущности

города, «город – конструкт, а не продукт цивилизации: город не возникает в результате тотального перехода социальной системы к цивилизации, город есть процессуально-индивидуальная (локальная) форма перехода к цивилизации»¹.

Изучение феномена современного города стало объектом целого ряда наук, среди которых особо выделяется урбанистика. За многие годы исследований урбанисты собрали большой материал, касающийся структуры города как целостного явления и структуры его отдельных подсистем, динамических процессов, происходящих в городах, отдельных функций опыта городской жизни. Урбанистика поставила целый ряд фундаментальных проблем, требующих обсуждения и решения. Это и само определение города, и выявление причин возникновения, факторов и тенденций изменения города как системы и эволюции его отдельных функций и составляющих; это и целый ряд проблем, связанных с расчленением города как среды обитания и установлением отношений между его частями. Но особенно важными являются проблемы функционирования города как пространства межличностного взаимодействия, как культурно-социальной, экономической, социально-политической и информационной среды жизнедеятельности человека, т.е. антропологическое измерение городского бытия. В связи с этим важным объектом исследования становится изучение особенностей городского образа жизни и последствий урбанизации. Исследованием проблем города как среды обитания и как места жизнедеятельности человека занимались в разное время довольно известные философы, культурологи, социологи, психологи, семиотики, искусствоведы и филологи, как зарубежные (Т. Гоббс, Ш. Бодлер, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Ф. Теннис, К. Фишер, З. Бауман, Ж. Бодрильяр, Э. Вильсон, З. Гидион, И. Гоффман, Д. Грегори, Д.Б. Кларк, С. Лайман и М. Скотт, Ж. Ле Гофф, К. Линч, С. Милграм, И. Мусил, Л. Уирт, У. Эко), так и отечественные (Ю.Г. Абрамова, А.И. Алексеев, А.С. Ахиезер, Е.Л. Беляева, С.Я. Бронин, О.И. Вендина, Е.И. Виноградова, А. Глазычев, Т.М. Дридзе, Т.В. Ефимова, Н.В. Зубаревич, О.А. Иванова, Т.В. Иванова, А.В. Иконников, А.Е. Карпов, Г.З. Качанов, Г.А. Ковалев, Л.Б. Коган, Ю.Л. Косенкова, Ю. Лотман, С.В. Пирогов, Л.З. Подберезкина, С.Н. Полтораки, М.Г. Рабинович, Э.В. Сайко, А.А. Сванидзе, В.Е. Семенов, А.С. Сенявский, И.А. Страутманис, В.Н. Яргина).

Понятно, что все эти исследователи освещали различные аспекты бытия города, по-разному понимали сам объект своего исследования, различным образом членили его информационное и семиотическое пространство, выделяли в нем различные аспекты и пользовались разнообразными методиками анализа.

Именно поэтому комплексное исследование города Севастополя требует определения, во-первых, базовых оснований методологии исследования, а во-вторых – четкой дистрибуции проблемных аспектов по тематическим (предметным) блокам.

По мнению С.В. Пирогова, в урбанистической проблематике можно выделить следующие предметные ракурсы: 1) территориально-поселенческий (город как местность, как место жительства), 2) экономический (город как место работы), 3) градостроительный (город как совокупность архитектурных строений), 4) психологический (город как среда информационного бытия личности), 5) историко-культурный (город как средоточие следов исторических событий и культурных институтов, а также как сфера культурной деятельности), 6) семиотический (город как текст), 7) философско-методологический (город как мировоззренческо-идеологический феномен) и 8) социологический (город как среда общения и межличностного взаимодействия)². Как видим, данное членение совмещает в себе обе проблемы, поскольку в один перечень попадают аспекты, выделяемые по тематическому (география, экономическая жизнь, архитектура, психологическое состояние, история, культура, социальные проблемы) и собственно методологическому принципу (семиотика, философия). В нашем исследовании эти два аспекта принципиально разводятся.

А. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе методологии исследования города Севастополя лежит антропоцентрическая концепция функционального прагматизма, согласно которой город (как, впрочем, и каждый объект исследования) рассматривается как:

- а) среда реализации человеческого опыта;
- б) функциональное единство энергоматериальных и информационных характеристик социально-психологической деятельности человека;
- в) совокупность целесообразных и ценностных функций коллективного опыта.

В связи с этим следует подчеркнуть, что всевозможные попытки очистить понимание сущности города от человеческого, социально-психологического, деятельностного или прагматического факторов должны быть признаны неприемлемыми. Поэтому речь здесь следует вести не столько об объективном феномене города или о городе как пространственно-материальном объекте, сколько о представлении о городе, складывающемся в ходе коллективного взаимодействия горожан и жителей других населенных пунктов, касающегося различ-

ных аспектов их жизни, связанных с данным городом, будь то проживание или временное пребывание в нем или же только функционирования сведений о нем в каких-либо текстах. Такое понимание города требует выдвижения на передний план понятия **когнитивного** (или семантического) **пространства города** (совокупности всех сведений о городе), а также смежных с ним понятий **городского локуса** (идеи города как места), **городской субстанции** (сведений о городских энергоматериальных объектах), **ментальной карты города** (понимания пространства города), **локодицеи** (осознание идеологии, «духа» города), **ментально-деятельностного образа города** (информации о жизнедеятельности людей, связанной с данным городом) **социогенома города** (совокупности городских традиций, передаваемых горожанами из поколения в поколение), **урбонимии** (типично городских наименований), **семиосферы города** (совокупности типичных знаков, функционирующих в городском информационном пространстве).

Город как семиотическая функция содержит в себе одновременно элементы когнитивные (содержательные) и дискурсивно-знаковые (выразительные), инвариантно-системные и актуально-событийные, индивидуально-психологические и социально-стереотипные. Понимаемый таким образом город представляет собой своеобразную семиотическую динамическую систему, в состав которой входят:

- **когнитивное пространство города** (т.е. сведения о городской субстанции, истории города, локодицеи и о сферах функционирования людей в городе),

- **когнитивная модель городского образа жизни** (т.е. модели поведения в разных сферах жизнедеятельности города), а также

- **семиотические проявления** обеих составляющих.

К семиотическим проявлениям когнитивного пространства города следует отнести всевозможные знаковые феномены как вербального (тексты), так и невербального плана (изображения, звуки, жесты, запахи и под.). Некоторые исследователи даже предлагают выделять особую область семиотических исследований – «**лингвистическое градоведение**», связанную с изучением текстов городской среды – номинаций городских объектов, торговых вывесок, афиш, рекламных текстов, объявлений, граффити и т.д.: «Лингвистическое градоведение как объект филологических исследований предполагает обращение к языку города как фрагменту городской культуры, важнейшей из подсистем городской семиотики, которая рассматривается в контексте других семиотических подсистем (городская архитектура, атмосфера общения, история, быт, мода, городские праздники и т.д.)».³

Роль семиотики в формировании когнитивного пространства города непереоценима. Сложно сказать, в какой степени представления о городе проявляются в текстах, а в какой сами тексты формируют такое представление. Можно сказать, что в современную эпоху информационной цивилизации не столько среда формирует коммуникацию, сколько коммуникация структурирует пространство. Как пишет социолог А.Е. Карпов, «то, как мы говорим, в конце концов, неизбежно определяет то, как мы видим город и ходим по его улицам, т.е. – городское пространство. Вроде бы очевидно, что наши жизненные миры определены коммуникацией».⁴

Именно поэтому столь важным оказывается вопрос об источниках информации о Севастополе, которые должны быть подвергнуты анализу. Это могут быть собрания легенд о городе, исторические источники, краеведческие и экскурсионные тексты, журнальные публикации, телепоток, интернет-ресурсы, статьи в местной прессе, сплетни и частные разговоры, результаты опросов и специальных экспериментальных исследований, городской фольклор и художественные произведения (в т.ч. региональных авторов). Изучение семиотического поведения горожан можно осуществлять методами: текстуального анализа, дискурс-анализа, интервью, ситуативных наблюдений или провокативных экспериментов.

Исследования семиотики города предполагает выделение в его структуре трех традиционных аспектов: **семантики, синтактики и прагматики**.

Обычно исследователи обращают внимание только на первые два аспекта.

В первом случае говорится об исследованиях в области **семантики города**. Здесь, в первую очередь, обращается внимание на историко-архитектурный ансамбль, реже – на психологический аспект его восприятия:

- «[...] для дешифровки семантики города нам необходимо понять, и на какие образцы ориентировались данное здание, интерьер, парк или градостроительный прием, и то, как воспринимала эти образцы и стоявший за ним шлейф ассоциаций каждая последующая эпоха»;⁵

- «При чтении текста архитектурной топографии города стоит взять на вооружение опыт архитектурной герменевтики (искусство толкования – греч.). Она ищет истолкование самобытных текстов архитектуры в архетипах, то есть в дорефлексивной сфере сознания, являющейся тысячелетним «осадком коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг), извечным достоянием культуры в целом и мира архитек-

туры, в частности. Смысловой феномен города создается как результат формирования в его топографии (благодаря архитектурным доминантам) архетипической памяти о порядке мироздания либо о его (порядка) нарушении»;⁶

- «Теперь, под ментальной картой понимается образ города, формирующийся в сознании человека под влиянием важных лично для него социо-культурных, исторических, архитектурных особенностей города, а также в силу личностных черт самого человека и сложившихся у него установок по отношению к городу»;⁷

- «Топонимический фактор сознания и поведения населения: как конкретная физическая территория воспринимается проживающими на ней людьми в связи с теми образами, которые содержат названия данной местности (социокультурная типология территории, «ментально-географическая технология картирования местности» – интерференция семантики территории и структур восприятия территории)»;⁸

-- «Семантические объекты города вплетаются в жизнь и биографию горожан как лично освоенные и биографически запомнившиеся, становятся *лично значимыми местами, частью личности, локусами личного бытия*. Если у горожан много таких мест, то, значит, они живут вместе с городом и для города, но в городе всегда есть какое-то количество людей, просто находящихся в нем, проживающих. Если их становится все больше, то город умирает как среда обитания и со временем исчезнет как поселение»;⁹

-- «Каждый элемент, носитель знаковой функции, имеет свою зону семантического влияния, определяемую территорией, на которой знак (знаковая система) способен оказывать воздействие на зрителя, а также территорией, несущей смысловую нагрузку данного знака, совокупности знаков или символов».¹⁰

Самое важное в семантических исследованиях города – представление его как ментального, информационного пространства, как некоего образа в картине мира человека, как «живой психо- и биокультурной системы, совокупности духовных энергий, воплощающихся в различных сферах жизнедеятельности человека и городского сообщества».¹¹ Сложно, а подчас и невозможно провести четкую грань между ментальным образом города и городом как ментальной средой существования человека: «Ментальность формируется средой обитания человека, социальными условиями его жизни, базовыми ценностями национальной культуры, по отношению к которым она является их носителем, источником и причиной».¹² Семантика города, его собирательный образ является органичной составляющей городской

ментальности: «Образ города – это проявление группового сознания горожан; его элементы отражают пространственно-временные особенности города с учетом характеристик его объемности и динамичности: символы города (достопримечательности, исторически значимые объекты), психологические районы, пути, этажность и темпоритм. Элементы образа города, являясь параметрами провинциальности, входят в общую структурную схему городской ментальности».¹³

Во втором случае – при исследовании **синтактики города** – обычно внимание сосредотачивается на составляющих самой городской субстанции, т.е. опять-таки на архитектонике города, хотя иногда исследования структурного плана могут касаться отдельных подсистем городской жизнедеятельности:

- «Композиционные оси плана формируются линейными элементами семантики столичной среды города: основными направлениями, транспортными магистралями, главными улицами, проспектами, развитыми линейными центрами, элементами ландшафта. При пересечении между собой они образуют узлы, на которых располагаются «ориентиры», формирующие своеобразную сеть из акцентов и визуальных связей. Наибольшая концентрация элементов семантики столичной среды наблюдается на территории правительственного центра общегосударственного значения, который является наиболее важной и содержательной частью семиотического каркаса»;¹⁴

- «С точки зрения семиотики город можно рассматривать как невербальный текст. У него слоистая структура, в нем различимы напластования многих культур»;¹⁵

- «Именно в рамках экономической географии городов начался процесс осмысления *оснований структуризации* городской территории. Так основой секторального подхода является социально-экономический статус горожан, основой концентрической зональности территории являются демографические процессы, а множественность городских центров имеет своей предпосылкой культурно-символические различия горожан. Выявление данных обстоятельств уже говорит о *полифоничности городской морфологии* и ставит задачу интеграции различных подходов и знаний о городе, показывает необходимость использования для объяснения процессов одного типа феноменов другой качественной природы».¹⁶

С точки зрения функционально-прагматической методологии, ключевым аспектом, определяющим сущность объекта, является именно **прагматика города**. Именно прагматика, целеположение, иерархия ценностей представляет сущность города. Для определения, чем является данный город, каковы его семантические признаки и какова

его субстанциональная и деятельностная структура, необходимо установить его прагматическую и аксиологическую **значимость** как для самих горожан, так и для приезжих или просто для носителей информации о нем. Категория значимости занимает ключевое место в прагматической методологии. Здесь важны не столько беспристрастное описание и анализ объекта, сколько установление степени важности, ценности объекта для человека (людей), который (которые) имеет дело с этим объектом, важны не все детали и аспекты, а соотношение важности и полезности этих деталей и аспектов для людей, которые имеют к данному объекту отношение. Совершенно верно отметил Умберто Эко, что «семантика города постигается не тем, кто смотрит на него как на порождающую означаемые структуру, но тем, кто в нем живет, участвуя в конкретных процессах означивания».¹⁷

Выдвижение на первый план фактора прагматики ставит вопрос о носителе системы оценки и целеполагания, т.е. о том, с чьей точки зрения должен оцениваться город как целостный феномен и его субстантивные или деятельностные составляющие. Интересное предложение выдвинул уже цитировавшийся выше А.Е. Карпов, различающий два принципиально отличных, но взаимно дополняющих друг друга типа прагматических субъектов – активно-творческий и пассивно-репродуктивный: «Одни люди умеют различать пространство, территории в городе так, что для них существенны и значимы многие детали, другие – не придают этому значения, им присущ своего рода дальтонизм к городскому пространству. Представляется уместным для социологических целей определить эти «расы» людей как два конца континуума, которые описываются как установочные комплексы. Итак, два противопоставленных комплекса – «знать-пользоваться» и «выполнять-понимать» (первые – нетерриториальны, вторые – территориальны). Их рядоположенность очевидна, а противопоставление – нет. Противопоставление, возможно, происходит из того, что комплекс «знать-пользоваться» имеет отношение к понятиям структуры и актора, а «понимать-выполнять» – к системе действия и агенту».¹⁸

Различие между субъектами, знающими город, его специфику, особенности и активно пользующимися этими знаниями, и субъектами, пассивно принимающими «правила игры» и констатирующими городские стереотипы, крайне важно при исследовании семиотики города, поскольку оценки городской семантики и синтактики могут радикальным образом отличаться, кроме того, в первом случае оценки могут быть сильно субъективизированы, а во втором – они могут быть просто неосознаваемы или амбивалентны. В любом случае, «целью изучения образа города является обнаружение релевантных

(субъектно различимых, значимых) семантических средств для различных субъектов городской жизни, что позволит прогнозировать характер и направленность их активности».¹⁹

Важным компонентом исследования прагматики городской ментальности является определение ее функций. Важнейшими из них являются функции пространственно-временного плана.

По пространственному признаку можно выделить значимостные функции **интеграции** (объединения горожан по характеру деятельности и ценностных ориентиров) и **дифференциации** (сохранения отличительных особенностей жизни людей того или иного города). Город по отношению к окружающему его пространству может выполнять различные функции интегративности – от регионализма и государственности до космополитизма. Одновременно с этим город может быть в большей или меньшей мере обособленным (как от региона, в котором он находится, так и от других городов). Факторами, влияющими на развитие единой городской ментальности, являются «этнические особенности жителей, природно-климатическое своеобразие окружающей среды, особенности городской застройки, стиль городского управления и самоуправления, городские традиции, стиль городского поведения и особенности городской дисциплины и т.д.».²⁰ Одними их основных свойств, интегрирующих горожан, являются искусственность (ненатуральность) образа жизни и виртуализация (в т.ч. семиотизация и информатизация) деятельности. Отношение горожан к предметам природы (натурфактам) опосредовано не только обменным эквивалентом (как товары), но и семиотически (как тексты). Эта черта многими исследователями определялась как «техно-космополитизм», «пресыщенность» или «урбанизм» и обычно оценивалась как упадок или разложение естественной социальности. Еще одним характерным специфическим признаком города является социально-культурная разнородность или же диспропорция между социальной и физической близостью (в селах обычно соседство и землячество сопряжено с культурно-социальной близостью).

По временному признаку город выполняет одновременно функции **культурно-исторической стабилизации** (закрепления особенностей городского образа жизни) и **культурной инновации** (обеспечение свободного саморазвития любого города в его культурно-историческом своеобразии). К временным факторам городской ментальности можно отнести высокий темпоритм жизни, демократичность и либерализм поведения горожан, индивидуализация потребностей сопряженная с психологической деперсонализацией (унификацией), формализация отношений, десакрализация и рационализация труда и

досуга. Одной из основных темпоральных черт городской ментальности, чаще всего отмечаемых исследователями-урбанистами, является инновационность: «Город живет и развивается, пока он продуцирует что-то новое. Урбанизм всегда напрягает и истощает общество, но этот процесс совпадает с процессом исторического развития, т.е. социокультурные изменения осуществляются в рамках процесса урбанизации».²¹ Именно город стал средоточием научно-технической и информационной революции. Обратной стороной инновационности становится специфический феномен городского стресса, вызываемого конфликтом естественности и искусственности, индивидуализма и социализации, свободы и формализма, стремления к гомеостазу и стремления к переменам.

Б. ТЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Для каждого исследования крайне важным оказывается способ расчленения объекта на составные, а также принципы выделения аспектов его описания и объяснения. Членение объекта никогда не бывает очевидным. Оно зависит от двух базовых факторов: представлений о структуре объекта, наличествующих в социальной картине мира – в городской ментальности жителей Севастополя, а также методологических установок исследователя.

Наиболее общим членением является размежевание города как физического пространства и города как жизнедеятельности людей. Первую часть данного когнитивного пространства можно определить как **городскую субстанцию** или **пространственный образ** Севастополя, вторую – как **ментально-деятельностный** или же **антропологический образ** города. Понятно, что, говоря о физическом пространстве или субстанции города, следует иметь в виду не сами энергоматериальные объекты, но лишь их функциональный образ в сознании горожан и посетителей города.

Со структурной точки зрения городскую субстанцию как полевое образование лучше всего представить по принципу сужения от **периферии к ядру** в виде трех концентрических кругов – **макроуровня** (город в окружающем пространстве), **локального уровня** (город в своей внутренней структуре) и **объектного уровня** (городские объекты как ядра полевой структуры).

Ментально-деятельностный же образ города можно представить в виде **сферы**, измерениями которой являются, соответственно: **реальный – виртуальный, рациональный – эмоциональный и индивидуальный – социальный** характер деятельности. Пересечение всех

трех типологических измерений позволяет выделить шесть сравнительно самостоятельных типов жизнедеятельности: три реальных – **быт** горожан (синкретический тип), **хозяйственно-экономическая** (рациональный тип) и **культурно-политическая** (эмоциональный тип) жизнь города, и три виртуальных – **научная** (рациональный тип), **артистическая** (эмоциональный тип) и **философско-мировоззренческая** (синкретический тип) жизнь горожан.

В каждом из выделенных объектов исследования (в городской субстанции и в городском образе жизни) согласно функционально-прагматической концепции сферической типологии можно выделить три аспекта описания:

- - **сущностно-экзистенциальный** (содержащий сведения о том, что собой представляет объект, в чем его сущность, каково его место в общей системе предметного поля исследования и в картине мира);
- - **историко-генетический** (содержащий информацию о происхождении объекта, о причинах его возникновения, факторах, детерминирующих его бытие);
- - **функционально-целевой** (содержащий данные о целевом предназначении объекта и его функционировании).

I. ГОРОДСКАЯ СУБСТАНЦИЯ

Если применить данные три измерения изучения объекта к понятию городской субстанции, можно будет выделить собственно **субстанциальное географическое пространство** города (на макроуровне, на уровне структурных блоков и на уровне отдельных объектов), **историко-культурные места** (т.е. места, выделяемые субъектами, знающими научную или художественную историю города) и, наконец, **функционально-целевые пространства** (места, имеющие синхронную деятельность значимость для современников). Два последних фактора могут быть объединены в единое понятие **культурного ландшафта** города.

1. ГЕОГРАФИЯ ГОРОДА

(экзистенциально-сущностное измерение пространственного образа)

Наиболее явным аспектом феномена города можно считать его пространственно-физическое измерение. Город в самом общем понимании – это некий локус, некая более или менее очерченная местность, совокупность построек и цивилизационно освоенных пространств. Говоря о городе как о пространстве, нельзя не остановиться на специфике его ландшафтного окружения (фактор макролокализации),

на способе его расчленения на географические (и топографические) части, а также на способе вычленения в нем отдельных объектов (фактор микролокализации).

1.1. Макротопография города

С.В. Пирогов отмечает, что «города возникают не на любом месте: функциональная специфика города связана с геоландшафтной спецификой места». ²² Поэтому геоландшафтный фактор является одним из ключевых в понимании пространственного образа города. В случае Севастополя это и его расположенность в Крыму у Черного моря, и наличие гор, и подробная структура пейзажа, в который «встроен» город (наличие многочисленных бухт), это и свойственные городу природные и климатические условия, макроэкологические факторы, касающиеся Крыма и Черноморского побережья вообще и этого региона в частности. К макротопографическим (геоландшафтным) факторам пространственного образа следует отнести и сезонную специфику (характер и количество осадков, специфика ветров, температурный режим, количество солнечных дней, специфика звездного неба). Понятно, что при исследовании макрогеографических аспектов образа города следует, в первую очередь, брать во внимание не только (и не столько) то, что об этом всем знают и пишут ученые, но именно то, что знают и как об этом говорят авторы устных и письменных текстов о Севастополе, как эти их знания отражаются на поведении и привычках горожан и приезжих, какое отражение эти факторы находят в их образе жизни, а также в мнениях людей, говорящих и пишущих о Севастополе.

По мнению С.В. Пирогова, роль геоландшафтного фактора в понимании образа города заключается в трех мотивационных детерминациях: во-первых, место расположения города может объяснить мотивы поселения людей в данном городе и лучше понять социальное поведение горожан; во-вторых, «информация об отношении населения к территории является важной для принятия проекторочных и управленческих решений; например, известны многочисленные случаи нежелания населения переезжать на другое место, обусловленное отношением к конкретным особенностям ландшафта»; и, наконец, в-третьих, «понимание геоландшафтных механизмов расселения позволяет более адекватно понимать и прогнозировать урбопроцессы». ²³

1.2. Топографическая структура (локальный уровень)

Городское пространство – это всегда пространство расчлененное, систематизированное. Часто это расчленение производится по раз-

ным критериям (географическому, административному, историко-культурному, социальному, чисто архитектурному и т.д.). Нередко различные способы членения города являются продуктом наслонившихся традиций, и современные горожане уже не могут объяснить логику выделения того или иного участка городского локуса.

В этом разделе нас интересует, прежде всего, чисто физическое, зримое, географическое структурирование городского пространства, т.е. выделение тех или иных географических частей (вроде северной или южной, горной или набережной части, учет рельефа и геометрии города, его конфигурации, расстояний между частями, величина городских пространств, отношения между частями и районами в аспекте «верх/низ», «далеко/близко»). Можно принять во внимание также оценку простоты или усложненности застройки тех или иных частей города, насыщенности их разного рода постройками или натуральными ландшафтными элементами. Сюда же следует отнести и наиболее характерные географические ориентиры городской топографии.

Важное место в топографическом образе города занимает явление **ментальной карты города**. Это более или менее целостное пространственные представления о городе как населенном пункте (понимание того, что где, в каком направлении и по отношению к каким ориентирам находится, каковы отношения расстояний, каковы изгибы и искривления ландшафта, где границы частей). Некоторые исследователи понимают явление ментальной карты дословно, как графическое схематическое изображение компонентов структуры городской субстанции. Е.И. Виноградова выделила четыре вида таких ментальных карт: фрагментарную карту («содержащую фрагменты реальной карты города, оторванные от всей остальной городской структуры»), фрагментарно-целостную карту («состоящую из одного или нескольких подробно прорисованных участков города, которые были вплетены в общегородскую структуру»), условно целостную карту («схематичное расположение некоторых районов города относительно друг друга») и фронтальную карту («совокупность городских объектов, никак не соединенных в рисунке между собой»).²⁴

Исследование городской структуры Севастополя должно учитывать как стандартное (узальное – общепринятое), так и нестандартные (социально-возрастные, профессиональные, периферийные) членения города. В первую очередь следует обращать на понимание структуры города жителями и приезжими, а также на их оценки тех или иным структурных частей города. Обязательному анализу следует подвергнуть языковые номинации частей города и их оценок (включая жаргонно-сленговую и стилистическую вариативность), а также просле-

дить специфику дискурсов на тему членения города и его внутренних геоландшафтных характеристик.

Прямое отношение к проблеме структурирования ментального образа городской субстанции имеют вопросы психо-социального членения пространства города. Социологи С. Лайман и М. Скотт ввели четырехступенчатую классификацию территориальности – персональное, телесное пространство (часто описываемое как «пузырь»); территория интеракции (непосредственного взаимодействия); домашняя территория и общественная территория (публичное пространство, которое группа воспринимает как свое).²⁵ Это членение уже трудно назвать чисто субстанциональным. Тем не менее, отношение горожан и приезжих к тем или иным частям городского локуса может оказывать влияние на развитие города и на его общий ментальный образ. При анализе общей геоландшафтной структуры города следует обратить внимание на то, как горожане и приезжие психологически трактуют те или иные части города.

1.3. Микротопография и градостроительные особенности города (объектный уровень)

Наиболее конкретным уровнем городского ландшафта является микроуровень, т.е. уровень вычленения отдельных ландшафтных или архитектурных объектов города как натурально-искусственной среды обитания: совокупности геоландшафтных объектов и архитектурно-инженерной инфраструктуры – построек, зданий, улиц, проспектов, переулков, площадей, набережных, перекрестков, мостов, дорог, отдельных точек местности, возвышенностей, ложбин, спусков/подъемов и под. Здесь особое внимание следует обращать на такие физические параметры объектов, как ширина улиц и площадей, протяженность дорог, прямота или извилистость улиц, высотность и размеры зданий и прочих построек, крутизна спусков и подъемов, цветовая гамма городской субстанции, и под. В этом ракурсе город осмысливается как форма социального конструирования, как опредмеченный социокультурный проект.

Исследователи градостроения отличают следующих четыре типа элементов городского ландшафта – линия, плоскость, объем, акцент: «Элемент „линия” представляет компоненты городской архитектурной среды с преобладанием параметра протяженности – оси, визуальные связи, границы, направления, дороги, тротуары. Элемент „плоскость” в архитектурной среде занимает вертикальное (ограждение, стена) или горизонтальное положение (планшет, площадка, подиум). „Объем” определяется элементом архитектурной среды, отве-

чающим характеристикам массы и емкости – здания, пространства площадей, скверов, улиц. „Акцент” – элемент среды с выраженной вертикальной составляющей (ориентиры, знаки, башни, вышки, арки)».²⁶ Спецификой города является, конечно, вертикальная плоскость. Современные большие города – это, прежде всего, многоэтажные дома, подземные переходы и вертикальный способ перемещения (лифты, эскалаторы).

Соотношение объектов в рамках частей города и соотношение частей в рамках единой городской субстанции создает функцию семиотического каркаса города. О.А. Иванова предложила типологию таких семиотических каркасов для столичных городов, однако ее можно применить и к анализу субстанции просто больших городов. Она выделяет «непрерывный» (последовательное или концентрированное распределение значимых пространств), «рассредоточенный» (точечно-островное распределение значимых пространств) и «комбинированный» тип семиотического каркаса (синтез обоих типов).²⁷

Так же, как и в предыдущем случае, анализ этого участка городской географии должен учитывать отношение горожан и приезжих к тем или иным объектам (знание их, узнаваемость, согласие в оценках их параметров и т.д.). Во всех случаях городская планировка отличается от деревенской рационализмом и логикой сорасположения. Установление этой логики для каждого конкретного случая – один из предметов анализа пространственного образа города. Важно также установить выражаемое в городском дискурсе отношение горожан и гостей Севастополя к отдельным его ландшафтным объектам и архитектурным объектам.

2. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ГОРОДА (ПРИЧИННО-ЦЕЛЕВОЙ АСПЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОБРАЗА)

Геоландшафтный аспект бытования объектов городской субстанции в ментальности горожан касается лишь их субстратных характеристик. Гораздо более важными факторами, определяющими сущность городских объектов, являются их функциональное предназначение и происхождение, т.е. культурно-цивилизационная и историческая значимость. В этом смысле городское пространство понимается не просто как совокупность сорасположенных в геоландшафтном пространстве объектов, но как система социально-функционального расселения: места работы, жилья, развлечения и т.п., а также как объект эстетического восприятия и познавательного интереса. Совокупность информации о целевом предназначении и истории городских пространственных объектов составляет культурный ландшафт

города. Изучение культурного ландшафта предполагает исследование взаимовлияния предметно-территориальных (архитектурных) и социокультурных сфер жизнедеятельности горожан, влияния архитектуры города на внутренний мир и поведение населяющих и посещающих его людей, влияния социокультурной атмосферы в обществе на форму и принципы градостроительного проектирования, а также «метафизического самочувствия» человека в символическом пространстве города.²⁸

2.1. Функциональный ландшафт города (целевое измерение)

Для современных жителей города, равно как и для людей, приезжающих сюда с экономическими, культурно-развлекательными или социально-бытовыми целями, настоящая значимость городских пространств носит синхронный характер и, как правило, совершенно не связывается с их историей. Поэтому анализ когнитивного пространства городской субстанции должен, в первую очередь, сосредоточиться на функциональном ландшафте города. Сюда входят, во-первых, формально-административное деление, а во-вторых, собственно социокультурное и экономическое пространство города.

2.1.1. Административное деление города (формальный аспект)

Каждый город как часть правового поля государства оказывается включенным в определенную административную структуру и внутренне сам обладает собственной административной структурой. В этом смысле можно говорить об указанном пространстве как о юридическом городе и о его институциональном измерении. К сведениям формально-институционального типа относится членение города на административные районы, сведения о его сателлитах, административная карта города, адресные названия объектов (улиц, площадей, набережных, бухт), наиболее значимые административные точки города (как управленческого, так и культурно-политического предназначения). К последним относятся места проведения политических собраний горожан, празднеств, демонстраций и манифестаций.

2.1.2. Социокультурно-экономическое пространство города (сущностный аспект)

Кроме собственно официально-правового расчленения города в когнитивном образе всегда присутствует параллельное, неформальное выделение объектов, их совокупностей, целых микрорайонов. В

первую очередь, с социокультурной и экономической точки зрения в каждом городе выделяют центр (один или несколько), районы (культурные, экономические и «спальные»), «зеленые» зоны, зоны отдыха, дачные районы, окраины, пригородные населенные пункты и местности. Иногда такого рода функциональное членение позволяет разделить город на «старый» и «новый», выделять в нем «богатые» (престижные, фешенебельные) и «бедные» районы (трущобы). Ключевыми вопросами для исследователя здесь становится установление значимых для горожан и приезжих городских ориентиров, обладающих характеристиками социо-культурного или экономического плана. Не менее значимым оказывается и изучение т.н. пороговых пространств, т.е. границ районов и отдельных объектов. Весьма важной тенденцией современного развития многих городов является фрактализация города, т.е. распад города на микрогорода, организованные вокруг каких-то градообразующих объектов (промышленных предприятий, учебных заведений, военных частей, а в последнее время также вокруг гипермаркетов). Как пишет Д.Б. Кларк, «Современная социальная жизнь порождена городом и городской реконфигурацией социального пространства. Постсовременная жизнь – это жизнь в городе, продолжающем свое существование во фрактальной форме. В числе моделей «пост-урбанистического» пространства, организуемого этой формой существования, мы находим гипермаркет».²⁹

2.2. Историко-культурный ландшафт города (причинное измерение)

Реальный, культурно-экономический и административно-политический характер объектов и их комплексов, однако, не исчерпывает всех сведений о городской субстанции. Значительная часть информации о ней содержится в исторических или литературных источниках. В определенном смысле это фиктивная или виртуальная информация (особенно та, которая содержится в текстах художественных произведений). Она известна исключительно специалистам или знатокам искусства. Тем не менее, фрагменты информации историко-литературного характера могут проникать в городской дискурс (например, через СМИ, школьную программу, массовое искусство или в форме городского фольклора). Именно эти фрагментарные сведения и должны составить основной объект исследования при изучении когнитивного пространства Севастополя. Особый интерес представляет их функционирование в городском дискурсе.

2.2.1. Историко-архитектурный ансамбль города

Одним из наиболее показательных историко-эстетических факторов, влияющих на формирование когнитивного образа пространства города, является его архитектурный ансамбль, взятый в его историческом и художественном аспекте. Здесь исследователи должны обратить внимание, прежде всего, на стили построек и планировок, сочетаемость объектов различных эпох, гармонию или эклектизм архитектурной организации исторической части города и связанные с этим сносы старых зданий и современная застройка старого города. Ученые-урбанисты обращают внимание на различные аспекты восприятия архитектурных ансамблей, в частности: психофизическое (масса, объем, цвет и т.п.), эстетическое (соответствие понятию красоты) и художественное (образная выразительность).³⁰ При этом интерес вызывают как преданные публичной огласке профессиональные оценки специалистов, так и распространяющиеся в виде слухов общепринятые стереотипы горожан, жителей пригородов и приезжих. Нередко именно в среде жителей региона (сел, пригородов, маленьких соседних городков) большой город как историко-архитектурный ансамбль обретает сакрализованные черты. Сергей Домников обращает внимание на мифологизированный статус большого города в глазах т.н. «народного сознания»: «Народное сознание демонстрирует нам бесчисленное множество образов города; наиболее распространенный среди них образ города на возвышенности. В свадебной поэзии город как объект брачного вожеления также неизменно помещается на горе. [...] Пространство города характеризуется всеми признаками священного пространства. По изображениям сказочных городов можно говорить об их уподоблении культовым пространствам племенных языческих святилищ. Каждый город обладает своим сакральным центром и периферией, замыкаемой священной оградой».³¹ Нередко народное сознание города как исторического архитектурного комплекса закрепляется в фольклоре и прецедентных текстах.

2.2.2. Исторические и литературные места

Еще более популярны и значимы для «культурного» горожанина места и постройки, связанные с историей города и художественными произведениями, воспевающими город (это и литературные произведения, и художественные фильмы, и театральные спектакли, и тексты песен). Информация, связанная с тем или иным городским объектом, может быть более или менее достоверной, вплоть до мифологизма или художественной фиктивности, но это не имеет никакого зна-

чения для носителей городской ментальности. Для исследователя проблемы важны сами стереотипы, влияющие на горожан и гостей города, когда они пытаются исторически оценить те или иные фрагменты городской субстанции.

II. МЕНТАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ) ОБРАЗ ГОРОДА

В основе понятия «образ города» лежит идея единства, взаимообусловленности среды и образа жизни. По мнению томских урбанистов, «образ города существует не в виде ясной когнитивной схемы, а в виде слаборефлексируемых ментальных структур, одновременно мыслительных, сенсорных и поведенческих». ³² Деятельностный образ города можно понимать одновременно как совокупную информацию о жизнедеятельности города и как представление о городском образе жизни.

Если три аспекта анализа – сущностный, целевой и причинный – применить к понятию ментально-деятельностного образа, касающегося городского образа жизни, т.е. различных сторон жизнедеятельности людей, имеющих отношение к Севастополю, можно выделить три информационных блока:

- а) **локодицея** Севастополя (идея, сущность города),
 - б) **жизнедеятельность** горожан (функционально-целевой аспект)
- и
- в) **история** города (причинно-генетический аспект).

1. ЛОКОДИЦЕЯ ГОРОДА (СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ)

Говоря о сущности любого города, следует обратить внимание на специфику городской ментальности и городской социальности. Исследователи социопсихологических основ урбанистики давно обратили внимание на то, что социальная сущность горожанина принципиально отличается от сущности сельского жителя. Известный социолог Ф. Теннис выдвинул идею формальной рациональности как основы нового типа отношений, особенно ярко проявивших себя в городах, и на ее основании развел понятия «общинности» («Gemeinschaft») и «общественности» («Gesellschaft»). Первый тип социальности характеризуется доминированием непосредственного контакта, личного примера и традиции, статуса родственных отношений, соседства и дружбы, роли личных убеждений, формирующихся в процессе первичной социализации. Так формируется сельское

общество. Исследователи сущности города должны обратить внимание на то, в какой мере в данном городе сохранились элементы общинности. Во втором типе социальности, названном Теннисом «общественностью», доминируют специализированные безличные отношения, основанные на расчете, формальная нормативность и деловая этика, индивидуально-личные статусные достижения, формально-механическое единство с другими и, как следствие, формальная организация и контрактные отношения.³³

Понятно, что в городах, в противоположность деревне, центр деятельности смещается:

- - с реально-бытового на виртуально-мировоззренческий (повышается роль информации, снижается значимость предметной сферы жизни),
- - с эмоционально-сущностного на рационально-формальный (повышается роль права и познавательной сферы в ущерб этике и межличностных связей) и
- - с социально-ритуального на индивидуально-психологический (повышается роль эгоцентризма в ущерб коллективизму).

«Городская ментальность, по мнению Т.В. Ивановой, – это групповое сознание, ограниченное историческим временем и географическим пространством, в качестве которого, в частности, выступает большой современный город».³⁴

Мерой исторического развития города, отражающей уровень общего развития данного города относительно других городов, по мнению того же автора, является фактор **провинциальности**. Степень провинциальности зависит именно от того, насколько «общественность» города сохраняет следы первичной «общинности».

Как и в случае с сельской «общинной» ментальностью, городская, культурно-цивилизационная, виртуальная, индивидуалистическая и рационально-технологическая ментальность передается из поколения в поколение, порождая функцию **социогенома** города – социокультурного механизма наследования и трансляции культурно-исторического опыта городского образа жизни. Выявление социогенома города становится главной задачей всякого исследователя его когнитивного пространства.

Каждый город для того, чтобы выделяться из ряда сходных населенных пунктов, должен обладать каким-то своеобразием и, следовательно, должен функционировать и развиваться не хаотически и самопроизвольно, а согласно определенной идеологии места – локодицеи. Не каждый город выкристаллизовал свою локодицею, непросто сформулировать идеологию города в виде конкретного высказыва-

ния, не всегда горожане или иногородние осознают генеральную идею данного города, но в тех случаях, когда такая идея существует, она так или иначе будет проявлять себя в отношении к городу со стороны горожан или приезжих, в их поведении в городе, в отношении к жителям данного города со стороны иногородних, а также в отношении к иногородним со стороны горожан. Сущность города может проявляться в характерных для его жителей видах деятельности (например, Севастополь может восприниматься как флотский город, как город-морская база), образе жизни, увлечениях, образовательном или культурном уровне и т.д. Понять локодицею города помогает понимание города как текста, как книги, которую ежедневно читают горожане и приезжие, которую можно и следует прочесть каждому, кто пытается понять его сущность. «Метафора города-книги не только красива. Она эвристична, даже технологична, потому что понуждает видеть город как целое. [...] Читая город, мы путешествуем по временам и судьбам. В сущности, город романичен, в нем сплетается множество сюжетных линий. У каждого города есть свой повествовательный потенциал: что-то тянет на рассказ, что-то – на повесть, а что-то – и на роман».³⁵

В понятии локодицеи можно выделить три аспекта – самосознание локуса (понимание идеи данного пространства), идеомифологию (собрание наиболее значимых идеологем и мифологем, касающихся данного города) и собственно «язык города» (сбор характерных семиотических средств городской коммуникации).

1.1. Самосознание локуса

Первым аспектом локодицеи является осознание города как значимого фрагмента опыта. Прежде всего, речь идет об осознании его значимости по шкале «мегаполис – большой город – провинциальный город – периферийный городок (ПГТ)». По степени провинциальности города могут обладать разными тенденциями. Одни города имеют тенденцию к стремительной урбанизации (приобретению свойств мегаполиса при сохранении провинциальных свойств), другие, наоборот, обнаруживают тенденцию к рустификации – «деурбанизации социальных порядков при сохранении городской формы поселений»,³⁶ наконец, третьи проявляют признаки застойности, реификации урбанистических черт (ритуализации городского образа жизни). Важно определить в ходе исследования, каковы тенденции развития Севастополя и как это проявляется в городском дискурсе и хабитусе (системе поведения).

Второй тип значимости города – административный («столица –

город прямого подчинения – областной центр – районный центр»). В этом смысле Севастополь с его административной выделенностью занимает особое место в административной структуре Украины.

Третий тип – прагматический – касается приоритетов рода деятельности горожан («центр промышленности – культурный центр – курорт – порт – железнодорожный узел – туристический центр» и под.).

Иногда писатели и философы, пользуясь в своих оценках городского образа жизни разнообразными метафорами, употребляют выражение «дух» или «психология» города, перенося при этом на город некоторые особенности антропологического плана. Так, Т.В. Иванова предлагает различать в городах индивидуальные, субъектные и личностные свойства.³⁷ По ее предложению, к индивидуальным свойствам можно отнести планировку, внешний облик, площадь, количество и состав жителей, а также все витальные характеристики – проблемы экологии, потребления, обеспечения жизнедеятельности (вода, канализация, энергия, озеленение, гигиена и под.). В этом ракурсе можно применять такие метафоры, как «возраст» и «здоровье» города. К субъектным признакам города относят городское хозяйство, экономику города, здравоохранение и строительство, транспорт, правопорядок, обеспеченность жителей работой, их правовая и медицинская защищенность. Сюда же относится и такой важный фактор городской сущности, как темпоритм жизни города. Здесь вполне применимы определения «благополучный» или «неблагополучный», «развивающийся» или «деградирующий», «богатый» или «бедный» город, а также можно употреблять метафору «профессии» города или же метафору его «жизни» или «смерти». Наконец, признаками личностного свойства называют статус города, доминирующие в нем политические и идеологические взгляды, царящие в нем человеческие отношения и иерархия ценностей. В этом последнем смысле иногда говорят о том, что города имеют «характер» и даже «пол». Как пишет Т. - Иванова, «Городские потребности связаны с улучшением „характера” города, выражающегося, прежде всего, в отношениях его жителей. Это потребности в добре, любви, доброжелательном общении, уважении, потребность гордиться своим городом, определять его политические и иные ориентиры. Город-индивидуальность – это его исторические памятники, объекты-символы, своеобразие внешнего облика, то, чем он когда-то прославился, чем знаменит».³⁸

Именно этот последний аспект имел в виду Сергей Домников, развивший идею городской локодицеи в столь художественной форме: «Город... Для человека он никогда не был просто скопищем домов, разделенных улицами и площадями. За сотни веков существова-

ния цивилизации человеческим воображением создано бесчисленное множество образов городов: город-тело и город-душа, город-государство и город-мир, город-храм и город-«казарма», город-крепость и даже острог, город-дворец и город-сад, город-остров, город-откровение, город-утопия, город-преисподняя и город-рай...»³⁹

1.2. Городские идеологемы и мифологемы

Ничто так не поддерживает «дух» и «характер» города, как бытующие в его ментальности идеологемы и мифологемы, т.е. легенды и мифы, связанные с героическим прошлым данного города, идеологические штампы и стереотипы, касающиеся значимых компонентов его современной жизнедеятельности или современные идеологические мифы, подогревающие какие-то распространенные в обыденном сознании горожан надежды на будущее. Именно в этих мифах, штампах и стереотипах обычно и заключаются основания городского патриотизма и именно с ними горожане обычно связывают свою веру в определенную миссию» города. Обнаружение этих архетипов городской идеологии – одна из сложнейших задач исследователя, поскольку большинство респондентов-горожан не может критически оценить мифологический характер своих убеждений. Поэтому одним из интереснейших аспектов исследования этого аспекта локодицеи является установление аргументов, к которым прибегают горожане, доказывая истинность распространенных в городе идеологем и мифов. Предметом исследования при этом может быть городской фольклор, ритуально-поведенческие комплексы и архетипы коренных горожан, а также символические референты городской субстанции и жизнедеятельности. Не менее важным источником познания городской идеологии является и художественная литература. Как пишет Владимир Абашев, «Город литературен, он просится в герои романов и образы лирических циклов. Литература – генератор городской мифологии».⁴⁰

1.3. Городская семиотика

Крайне важным фактором формирования городской локодицеи является и своеобразный «язык» города. Слово «язык» здесь употреблено нетерминологически, поскольку включает в себя как собственно вербальные, так и невербальные знаковые формы коммуникации и экспрессии. На первом плане изучения городского семиозиса – традиционные символы города – название, герб, карта-схема города, частные звуковые и изобразительные символы (например, городская эмблематика). Важное место в семиозисе города занимает также цветовая гамма города, типичные для города вывески и наружная рекла-

ма, а также характерные граффити. «Городская цивилизация – это цивилизация письменных текстов. [...] Город – машина по производству текстов: вывески, реклама, газеты, журналы, плакаты, граффити на стенах. Деревне в этом смысле письменность не нужна. В коммуникативном плане она однородна и монологична. Для жизни деревне достаточно устного предания».⁴¹ В этом плане важно подвергнуть особому исследованию роль письменности в жизнедеятельности горожан, степень их письменной грамотности, характер их пристрастия к иноязычной графике. Интересны в этом плане исследования ономастических пристрастий при назывании фирм и магазинов, товаров и значимых мест, поскольку здесь особо ярко проявляется узловая мода, господствующая в городе. Возможно, существует и своеобразие в моде нарекания горожанами своих детей. Урбонимия (т.е. совокупность типичных для городской ономастики имен собственных) – один из наиболее «благодарных» объектов семиотического исследования.

Особое место в исследовании следует уделить собственно языковой специфике городского дискурса (характерные синтаксические обороты, обращения, особенные или наиболее употребляемые фразеологизмы и прецедентные тексты, специфическая и значимая лексика, заимствования, варваризмы, усечения, аббревиатуры).

2. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (ЦЕЛЕВОЙ АСПЕКТ)

Основу ментально-деятельностного образа города составляет актуальная информация о его нынешнем населении, его социальном и этническом составе, быте, условиях жизни, труда и досуга, экономической, культурной и политической жизни, функционировании городских институтов, а также об идеологических пристрастиях горожан и психологических особенностях их коммуникации.

2.1. Этнический состав города, межнациональные и языковые проблемы

Когнитивная лингвистика, выдвинувшая на передний план исследований факторы ментальности и картины мира, своими истоками уходит в неогумбольдтианство и американскую этнокультурологию с их концепцией лингвистической относительности. Именно поэтому представители этого направления часто сужают проблему ментальности и картины мира до этнического фактора. В условиях Крыма с его полиэтничностью нужно говорить о смешанной ментальности, в ко-

торой, однако, можно и следует выявить этно-национальные черты. То же, хотя и в несколько иной мере, касается и исследования этноментальности жителей Севастополя. В ходе такого исследования следует обратить внимание на соотношение и характер этнического состава города (при этом иметь в виду, что паспортные данные и данные переписи могут не соответствовать действительности, тем более что равно русская, как и украинская ментальность разнородны). Важно определить специфику как «русской», так и «украинской» ментальности горожан. Показательным для описания межэтнических отношений в городе может оказаться фактор состояния национальных меньшинств и отношения к ним национального большинства. Должно также учитывать миграционные и ассимилятивные тенденции. Особое внимание нужно обратить на языковую проблему, поскольку нередко национально-этнические культурные компоненты картины мира передаются через язык (особенно через прецедентные тексты и речевые стереотипы). Важным фактором межэтнических сношений может оказаться языковая интерференция (причем как у этнических русских, так и у этнических украинцев).

Однако следует учитывать также тот факт, что этнос – это не только язык, но и социально-культурные стереотипы. Поэтому анализ этнической составляющей городской ментальности не может быть сведен к одному языковому анализу. Исследованию должны быть подвергнуты национальные традиции, характерный образ жизни, черты поведения, способ решения проблем и пр. Однако такой род расслоения и смешивания ментальных черт уже выходит за узкие рамки межэтнических отношений, поскольку этно-национальные характеристики при этом теснейшим образом перемешиваются с личностными, социально-статусными, культурными и экономическими.

2.2. Социальное расслоение города и социально-психологические проблемы

Самым важным и наиболее обширным фрагментом городской жизнедеятельности является социально-бытовая сторона жизни горожан, их семейная, личная жизнь, условия проживания и питания, состояние их здоровья, их обучение и трудоустройство, воспитание и образование их детей, а также целый спектр проблем, связанных с их общением по бытовым вопросам.

Первым, наиболее явным, признаком социальной составляющей деятельностного образа города можно считать количество населения и демографические показатели. Иногда именно с этими факторами исследователи связывают само определение города как такового (на-

пример, некоторые исследователи пытаются установить статус населенного пункта в зависимости от численности населения). Однако количество жителей – это чисто количественный фактор и вряд ли он может считаться показательным для размежевания сел и городов, а также периферийных городов и мегаполисов. Это следует делать только на основании оценки качественных показателей, что, однако, не значит, что демографический и количественный фактор может быть игнорирован. Томские исследователи сопоставили официальные и фактические данные по статусу города в некоторых странах: «Официальная практика различных государств в этом отношении не однородна. Статистика Германии считает городом всякое поселение свыше 2000 жителей; в Саксонии из 151 общины, имевших в 1900 г. более 4000 населения, 78 считались городами, а 73 – селами, из коих Лебтау насчитывает до 33 тысяч жителей. [...] Во Франции городом признается всякий центр административного округа независимо от численности населения и, кроме того, всякое поселение свыше 5000 жителей независимо от его административного значения; в Соединенных штатах поселение свыше 8000 жителей уже тем самым считается городом; в дореволюционной России городом признавалось всякое поселение, управляемое по городовому положению, независимо от численности, причем, с одной стороны, имелись города с населением менее 1000 жителей, и с другой – села, местечки, рудничные усадьбы с населением, превышающим 10 тысяч жителей».⁴² Все эти примеры указывает на всю шаткость количественного признака.

Гораздо более показательным фактором, определяющим городской статус населенного пункта, может считаться урбанизация жизни, социальная стратификация города и специфический характер межличностной коммуникации. Что касается последнего фактора, то в урбанистике известно понятие т.н. «гоббсовской проблемы», т.е. проблемы атомизации общества, кризиса традиционного нормативного порядка, а также проблемы утилитаризации и рационализации поведения и общения людей в городах, на которую впервые обратил внимание Гоббс в своем «Левиафане». Разрушение традиционного общинного уклада в городах и усиление эгоцентрических тенденций в межличностной коммуникации получило определение «каменных джунглей». Смысл данной метафоры заключается в том, что в городе человеку приходится бороться за свое существование как личности, искать и отстаивать свое место в сложном пространстве городской жизни, формировать и защищать свой человеческий облик. Исследование ментального образа городской жизни должно включить в себя изучение психологических характеристики городского дискурса, в

частности таких аспектов, как свобода или скованность поведения в общественной среде (степень комфортности города), психологическая дистанция между горожанами, культура общения горожан, выражение эмоций (как положительных, так и негативных), формулирование просьб и реакции на них, получение информации и помощи от незнакомых, знакомства, межличностные конфликты в людных местах, дифференциация поведения со знакомыми и незнакомыми людьми в общественных местах. В городе существенно ослаблен социальный контроль (его зачастую заменяют формальный правовой контроль и личный культурный самоконтроль). Город предоставляет больше возможностей для отклонений от традиционной нормы, как в отрицательную, так и в положительную сторону. Поэтому Куно Фишер определил город как «увеличительное стекло», усиливающее как положительные, так и отрицательные варианты поведения.

Следующим аспектом социальной жизни города является проблема социокультурной стратификации городского населения. В силу экономической и культурной специфики деятельности город оказывается местом совместного проживания и общения представителей самых разных социальных слоев – управленцев, предпринимателей, интеллигенции, рабочих, приезжих сельских жителей, люмпенов и т.д. Как заметил В. Абашев, «Город многоязычен не в узко-лингвистическом смысле, а в более широком – социально-культурном. Город обеспечивает взаимодействие самых разных социальных и профессиональных групп и свойственных им социальных диалектов, взаимодействие разных культур. Поэтому городской человек всегда полиглот, хотя порой и не подозревает об этом. То есть город живет как узел межкультурных коммуникаций. Соответственно возникает главная проблема коммуникации: проблема контакта и перевода».⁴³ Проблема стратификации городского населения связана с рядом смежных аспектов городского образа жизни, например, с формами социализации общественных групп (степенью их внутреннего единства и солидарности) и формами их сношений с другими группами (степенью демократизма общественных отношений в городе).

Исследовательская группа С.В. Пирогова, проведя анализ существующих в социологии города классификаций, предложила следующую типологию городских сообществ: **группы непосредственного общения** «лицом к лицу» (товарищества и дружеские компании), **коммуны** (community development – объединения людей с целью создания самоуправляющейся и самовоспроизводящейся структуры для развития личности, свободного волеизъявления индивидуальных интересов), **аномические сообщества** (группы, объединенные на основе

девиантных норм поведения); и, наконец, наиболее распространенная форма городского сообщества – **соседство**. В свою очередь, соседства подразделены на:

- диффузное – взаимодействие временно проживающих людей на одной территории без устойчивой структуры («двор»);
- оборонительное или проблемно-ситуационное – объединение людей на основе защиты среды обитания или местных интересов;
- «городская деревня» – этнически однородное сообщество, придерживающееся традиционной нормативности;
- приходское соседство – церковный приход как место обсуждения локальных проблем.⁴⁴

Понятно, что в задачи исследователей социальной стратификации Севастополя должно войти установление списка социальных типов горожан, их описание и выявление их характера с точки зрения типологии городских сообществ. Особое внимание следует уделить исследованию языковых и невербальных семиотических особенностей общения внутри этих сообществ.

Не менее важным моментом субкультурной стратификации города является степень демократичности отношений между представителями разных социальных групп (она может проявляться в общественной коммуникации, в семиотике города, в степени изолированности как территориальной, так и деятельностной, в частности, в том, какими общественными заведениями пользуются представители разных групп, в какие детские сады и школы посылают детей, в каких больницах и поликлиниках лечатся, где делают покупки и под.). Социальные отношения между представителями разных слоев городского населения может проявляться на семиотическом (как вербальном, так и невербальном) уровне, что не может быть упущено из вида исследователей.

Крайней формой межсоциальной коммуникации является общение с «чужими», каковыми в городах всегда являются приезжие. Но не только. По справедливому замечанию С.В. Пирогова, «„Чужак” может проживать на той же территории, но не разделять пространство взглядов других. „Чужак” – тот, кто непонятен, тот, кто не разделяет наших взглядов. Чужак может работать с нами, но он на дистанции. Эта дистанция – символическая конструкция группы. Он чужак потому, что – в другом пространстве. Здесь обнаруживается принципиальная связь между пространством и социальным смыслом. „Чужак” – феномен городского общества. В традиционном сельском обществе пришлый с другой территории либо ассимилируется (культурно-символически и нормативно-поведенчески) с теми, с кем не-

посредственно проживает и работает, либо – полностью отторгается – в пространственном и территориальном плане».⁴⁵ Западные социологи города используют для объяснения этого явления термин «посторонний». Появление «постороннего» в жизненном пространстве пробуждает особый вид социальной обеспокоенности, тревоги, которую известный философ З. Бауман назвал «протеофобией»: «Этим термином обозначается опасение, вызванное присутствием многообразных, аллотропных феноменов, которые упорно не поддаются привычному к ясности познанию, игнорируют свое предназначение и подрывают классификационные сетки».⁴⁶ Поэтому исследование ментально-деятельностного образа Севастополя не может не охватить аспекта отношения горожан к приезжим, а также к жителям, которые вносят инновации в привычный городской образ жизни или же переносят в Севастополь образцы поведения, принятые в других населенных пунктах (как украинских или российских, так и западных).

Одним из ярчайших аспектов городской коммуникации стал феномен специфического **городского стресса**, который формируется благодаря негативным факторам (шум, вибрации, загрязненность, многолюдие, повышенная этажность и пр.). Социopsихологи даже предприняли попытку упорядочить сведения, полученные в ходе наблюдения за этим явлением в других городах. Так, Т.В. Иванова выделяет такие проявления городского стресса: **аномия** (не подчинение правилам), **апатия** (безразличие друг к другу, уединенность), **вовлеченность и озабоченность** (излишнее возбуждение) и **отчуждение** (отклонение в поступках, например, вандализм).⁴⁷ Исследователи городского образа жизни должны не только установить типы и характер проявлений городского стресса, но и попытаться выяснить их источники, т.е. стрессогенные факторы севастопольской жизни.

Завершая тему социальной дистанции города (степени единства или отчужденности горожан), можно еще вспомнить такой объект описания, как социальные урбомиграции (массовое переселение в город иногородних или сельских жителей) и непосредственно связанные с этим явления ассимиляции и сегрегации приезжих, а также **рурализация, псевдоурбанизация и субурбанизация**.

Рурализация – это усиление аграрного компонента в культуре, сознании и поведении горожан, проявляющееся, кроме всего прочего, также в продовольственном самообеспечении, негативном восприятии частной собственности и социального неравенства, негативном отношении ко всему новому, особенно иностранному (см. исследования А.С. Ахиезера, А.И. Алексева, Н.В. Зубаревича).

Псевдоурбанизацией называют тенденцию к утрате городом своей

культурно-цивилизационной функции, снижению креативного компонента в культуре и степени самоорганизации сообществ. По мнению урбаниста А.С. Сенявского, «города перестали быть центрами и сосредоточением региональных интересов, местом концентрации разнообразной, прежде городской деятельности и превратились в инструмент обслуживания ...производства, ...в поселения при предприятиях».⁴⁸

Разновидностью псевдоурбанизации является «слободизация», сопряженная с радикальным изменением качества и стиля жизни горожан в связи с переносом в город социальных отношений, более свойственных дачной жизни. Формальным проявлением «слободизации» является известный феномен «кухонного образа жизни».

Наконец, субурбанизация – это отток городского населения в пригороды и связанный с этим рост пригородной зоны. При этом сами города остаются населенными некоренными городскими жителями. Все это прямо влияет на уровень провинциальности города. С точки зрения С.В. Пирогова, «ментальность провинциальных городов характеризуется разрывом между традиционным и новым „укладом жизни“. В силу этого обстоятельства сознание и поведение провинциалов амбивалентно и антиномично».⁴⁹

Кроме коммуникативно-психологической стороны в социально-бытовой сфере городской жизни следует выделить следующие ключевые «материальные» составляющие:

- жилищные проблемы (обустройство быта, покупка, снятие и строительство жилья, обстановка квартир, домашний быт, ремонт жилья, жилье в частном секторе, приусадебные постройки, новоселья, проблемы соседских отношений, проблемы бездомности, люмпенизация);
- семейные проблемы (брак, свадьба, отношения между супругами, родня и близкие, рождение и воспитание детей, ясли, детсады, детские площадки, детские игры, семейные праздники, семейные ссоры, разводы, смерти и похороны);
- возрастные проблемы (молодежные субкультуры, положение и проблемы молодежи, проблемы старшего поколения, жизнь пенсионеров);
- гендерная проблематика (отношения между мужчинами и женщинами, положение женщин, знакомства, свидания, сексуальная жизнь горожан, сексуальные меньшинства);
- проблемы здоровья горожан (микрoэкология города, наиболее частые заболевания, лечение, положение инвалидов);
- трудоустройство горожан (места работы горожан, рабочий

день, зарплата, дополнительные доходы, уровень безработицы, положение безработных);

-- образовательный уровень горожан (школьная и студенческая жизнь, самообразование);

-- потребление горожан (хождение за покупками, шоппинг, городской конsumerизм, еда, одежда, хозяйственные, радиотелевизионные и электротовары, личный транспорт);

-- городская специфика нормативности, девиации и безопасность горожан (преступность, хулиганство, проституция, алкоголизм, наркомания).

Каждая из этих проблем нуждается в отдельном исследовании, как с точки зрения хабитуса (привычек и стереотипов поведения горожан), так и с позиции дискурса (наиболее характерных черт общения в данной сфере и наиболее характерных высказываний горожан на данную тему).

2.3. Экономическая жизнь города и хозяйственные проблемы

Значительную часть времени современный горожанин проводит на работе. Экономическая сфера городской жизни существенно отличается от сельской. Это и промышленность, и административно-политическая деятельность и экономическое управление, и коммерция, и здравоохранение, и обучение, и все виды виртуальной деятельности в сфере науки, искусства и идеологии. Экономическая деятельность горожан специализировано, рационализировано и наукоемко. Их трудовые отношения в гораздо большей степени формализовано, чем деятельность сельскохозяйственных работников.

Томские исследователи предложили типологизировать города по производственно-экономическим функциям (моногорода, полифункциональные города, диверсификационные центры, «информационные города», финансовые центры, «глобальные города» и др.), а также по морфологической структуре городской экономической территории: («зоны», «сектора», «ядра», «центры», «микрорайоны» и др.).⁵⁰

Исследование городской экономики должно включать в себя изучение урбоэкономического баланса, городского бюджета города, уровня и степени специализированности городской промышленности, уровня и характера занятости населения и состояние безработицы. Особое внимание следует уделить такому типично городскому сектору экономики, каковым является коммунальное хозяйство (водообеспечение, канализация, освещение, тепло- и энергообеспечение, городское строительство и транспорт, в частности городские пассажирские перевозки). Интересный материал может дать также исследование городского медицинского обслуживания, городской торговли и,

особенно, сферы услуг. Интерес для исследователя представляют как принятые в городе модели поведения в каждой из указанных сфер, а также характерные для них формы коммуникации, так и городской дискурс на их тему.

2.4. Культурная жизнь города

Второй стороной реального человеческого опыта (обратной трудовой деятельности) является культурный общественный досуг. Оригинальность городской ментальности ярче всего проявляется не в экономической области, а именно в области культуры. В отличие от сел, городской досуг более разнообразный, более информативный, гораздо более индивидуализированный и более продолжительный. В селах досуг главным образом связан с воскресеньем и религиозными праздниками, а также с окончанием сезонных работ. В городах, где рабочий день не унифицирован и часто ненормирован, возможность досуга существует круглые сутки. Именно с городом связано явление т.н. «ночной жизни». Однако и в городах есть свои социализированные формы досуга, например, государственные и светские праздники, традиции городских гуляний. Постепенно в города возвращаются также религиозные праздники и вообще религия как форма духовного досуга. Исследователи когнитивного пространства Севастополя должны обратить внимание на фактор религиозности населения и роли религии в их культурном досуге. Следует обратить внимание на деятельность религиозных общин, религиозные конфликты, экуменические процессы, при этом акцент следует делать на дискурсивные практики идеологического воздействия и противодействия.

Традиционными формами культурного досуга в городах считаются посещение зрелищных мероприятий, чаще всего артистического характера (театр, концерты, кино, шоу, дискотеки, клубы). Их характер существенно изменился в последнее время, поэтому важно определиться с предпочтениями горожан, чтобы понять, каков культурный уровень и каковы культурно-духовные потребности жителей Севастополя.

В современном информационном обществе значительную часть досуга поглощают СМИ. Важно определить, какие именно СМИ популярны среди горожан, каким источникам информации они доверяют, какие радиостанции слушают, какие телеканалы смотрят. Интересно также определить приоритетные рубрики и тематику любимых передач.

Непосредственное отношение к деятельности СМИ имеет феномен общественного мнения. Однако СМИ – это не единственный источ-

ник формирования городского общественного мнения. Не менее важным фактором являются также слухи и сплетни. Исследование господствующих в городе слухов может составить интереснейший объект исследования городского образа жизни.

Кроме собственно информационной, городской досуг обладает и энергоматериальной стороной, называемой также активным отдыхом. Речь идет о физической культуре, спорте и туризме. Однако спортивная жизнь города – это не только индивидуальные занятия спортом, но и культурное потребление, т.е. участие в качестве зрителя (болельщика) на спортивных зрелищах.

Будучи культурно-историческим центром, Севастополь привлекает туристов из других городов и стран. Поэтому важным компонентом городской культурной жизни является экскурсионная практика и информация о памятниках и достопримечательностях города, отношении горожан к экскурсантам и культурному наследию города. Прямое отношение к пассивному туризму имеет феномен фланерства – праздношатания. Это типично городское явление, немислимое в условиях сельской жизни. Как пишет Дэвид Б. Кларк, «фланер – незаинтересованный наблюдатель, искатель удовольствий, праздно шатающийся по улицам города XIX столетия, убивающий время бездельник – стал ключевой фигурой в критической литературе по вопросам современности и урбанизации, фигурой, которая, как можно думать, персонифицирует отношение к миру, в конечном счете, более правдивое, чем страсть к порядку городского реформатора».⁵¹ Обычно фланерством занимаются приезжие, отпускники и молодежь, т.е. люди, не отягощенные бременем трудовых обязанностей. Кроме того, города приспособлены к фланерству с архитектурной и социально-бытовой стороны. Это и культурные объекты (памятники, архитектурные достопримечательности, музеи), осматриваемые чаще всего приезжими, и многочисленные пункты питания и развлечения (кафе, бары, рестораны, пиццерии, казино, дискотеки, игорные дома).

Существенной частью культурной жизни города являются также всевозможные формы активного творчества горожан – равно художественного (развитие искусств), как и познавательного (развитие науки и философии). Как очень точно заметил В. Абашев, «Городская культура книжная. Поэтому писатель, профессионально пишущий человек – сугубо городское явление. Горожанин – это человек с книгой или газетой. [...] Есть такое понятие в морфологии культуры Шпенглера – псевдоморфоз. Он взял его из геологии. Это такая странная порода: кристаллическая решетка у нее одна, а заполняющее вещество чужое. В этом смысле некнижный город псевдоморфичен. По

форме город, а по социально-культурному веществу, ее наполняющему, – нечто иное. Недогород».⁵² Поэтому важно проследить за местом и ролью книги, научного знания, художественного восприятия в системе культурной жизни Севастополя. Исследователю особо интересным может оказаться изучение такой темы, как город в разных формах искусства (в литературе, кино, театре, музыке, изобразительном искусстве). Не менее важной частью культурного фона города является и образование. Здесь интересно описание системы образовательных институтов и их роль в культурном потенциале города.

Последний момент, на который можно обратить при исследовании культурного облика Севастополя, это дачная жизнь горожан, место дачи в структуре их досуга, степень рурализации и слободизации севастопольской городской культуры как целостной системы жизнедеятельности.

Отдельно стоит рассмотреть проблемы идеологии, политики и отношения горожан с властью, в частности с городской администрацией.

2.5. Административно-политическая жизнь города и идеологические проблемы

Смещение акцента с реальной цивилизации на информационно-консумпционную влечет за собой усиление роли манипулятивно-идеологических инструментов политического регулирования жизни общества. В этих новых условиях демократизации избиратель постепенно превращается в клиента (потребителя политико-идеологических услуг), а электорат – в развлекаемую пиар-технологами и политическими копирайтерами публику. Поэтому весьма интересным объектом изучения является городской политический пиар, способ ведения идеологической борьбы, предвыборной агитации, деятельность политических и общественных организаций в городе и, соответственно, связанные с этим идеологические стереотипы и политические пристрастия самих горожан. Интересно отследить поведение (в том числе речевое) жителей города во время длительных политических событий и отдельных акций.

Второй стороной политической жизни города является работа городских властей и отношения горожан с администрацией. Интересны особенности поведения горожан в административных заведениях, фактор коррупционности города, бюрократизма или демократизма как стиля управления.

3. ИСТОРИЯ ГОРОДА

Последним измерением образа городской жизнедеятельности является история города, понимаемая как совокупность событий, происшедших на протяжении определенного времени с жителями данной территории (зачастую все три фактора – жители, место и время оказываются мифологичными, поскольку: а) современные жители могут не иметь ничего общего с жителями, прежде населявшими этот город, б) место, на котором сейчас расположен город, может существенно отличаться от места, где данный город находился прежде и в) время истории города может оказаться либо неопределенным, либо фальсифицированным, либо разорванным до такой степени, что сложно вести речь о единстве города). Тем не менее, большинство исследователей и рядовых «потребителей» исторических сведений активно поддерживает миф об объективной истории города: «Город, как носитель ментальности и субъект культуры, выполняет функцию демиурга собственной истории, формирует определенные культурные смыслы и воспроизводит ментальные линии, воплощающиеся в литературных текстах и воздействующих на все пространство отечественной культуры».⁵³

3.1. Основание и фазы развития города

Наиболее мифологизированной обычно оказывается история основания города, поскольку большинство старых городов возникло еще в дописьменную эпоху и сведения об их возникновении всегда обрывочны и чаще всего содержатся в фольклорных источниках (легендах, поверьях и сказках). Исследователи городской ментальности должны обратить внимание на то, что знают горожане об основании своего города, ступенях его развития, откуда черпают эти сведения, как к ним относятся и какую роль эти сведения играют в их сознании. Интересно узнать, насколько целостны представления горожан об истории своего города, насколько исторически целостен сам город в их представлениях. Отдельно можно отследить функционирование сведений об основании и фазах развития города в городской семиотике (в устном и письменном дискурсе), особое внимание при этом уделить бытующим на этот счет мифам и стереотипам.

3.2. Наиболее значительные события в истории города

Обычно исторические сведения (даже у многих специалистов) носят фрагментарный, обрывочный и эклектический характер. Поэтому, как правило, люди знают не исторический процесс становления

города или поток происходивших в нем событий, а лишь отдельные, часто не связанные друг с другом, события из истории своего города. В ходе анализа следует определить (быть может, даже в форме рейтинга) наиболее значимые для горожан события из истории Севастополя, проанализировать и сопоставить сведения, имеющиеся у них об этих событиях, описать способ представления этих сведений в общественном и частном дискурсе. Как и в предыдущем случае, следует особое внимание уделить анализу источников информации и бытующих в общественном мнении города мифов и стереотипов, касающихся указанных исторических событий.

3.3. Выдающиеся личности, связанные с городом

Характерной чертой исторических сведений является их персонализация. Исторические события воспринимаются как более конкретные и зримые, а также легче запоминаются, если их представить как поступки конкретных людей и события, с ними происходившие. Это больше напоминает бытовые события, с которыми люди встречаются в повседневной жизни, и сплетни, в которых люди сообщают друг другу о таких событиях. Кроме того, психологи отмечают подсознательное стремление людей ориентироваться на лидера (Г. - Тард выделил два фактора конституирования общества – инновации, создаваемые талантливыми личностями, и подражание им со стороны всех остальных). Поэтому не удивительно, что чаще всего история, в том числе история города, ассоциируется у большинства людей с именами наиболее выдающихся личностей, родившихся, живших или имевших хоть какое-то отношение к их городу. Как и в случае с историческими событиями, сведения о жизни таких личностей исполнены вымышленными и мифологизированными данными. Наиболее мифологизированным является отношение к людям, родившимся в данном городе, но не жившим в нем и никак в своей последующей жизни не продемонстрировавшим свое к нему отношение. Тем не менее, часто они включаются в перечень лиц, входящих в историю города. Столь же мифологична историческая функция известных людей, бывших в городе проездом и никак не повлиявших на ход его истории. Исследователи истории города как составной его когнитивного пространства должны внимательно отслеживать такого рода мифы. Следует сопоставить сведения различных респондентов на тему выдающихся лиц городской истории, проверить их достоверность, установить источники получения этих сведений и, что самое главное, выявить ценностный потенциал этих сведений как для формирова-

ния образа города, так и для формирования образа жизни горожан. Отдельно надлежит исследовать городской дискурс и семиотический облик города на предмет присутствия в нем данных о выдающихся личностях. Можно также попытаться установить рейтинг наиболее известных исторических персон Севастополя и найти ему объяснение в менталитете горожан.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ севастопольской картины мира (образа мышления и общественного мнения), севастопольского образа жизни (хабитуса) и севастопольского дискурса (языка и коммуникации горожан), проведенный на последовательных функциональных и прагматических методологических основаниях, позволит, во-первых, понять сущность города, во-вторых, создать представление о положительных и отрицательных сторонах жизни его жителей, понять его функциональный потенциал и осознать его проблемы, и, в-третьих, сохранить целостные и комплексные сведения о городе для последующих поколений. Кроме этого, комплексная информация о когнитивном образе города может быть без труда дигитализирована и представлена в интерактивном виде в сети Интернет, что, несомненно, активизирует гражданскую позицию горожан, станет фактором, подпитывающим городской патриотизм, поможет обратить внимание власти на насущные проблемы города и привлечет к городу внимание потенциальных туристов и инвесторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Конспект лекций по курсу Социология города, сост. С.В. Пиров, Томск 2003.

2 Там же.

3 Л.З. Подберезкина. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска), http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070417.pdf.

4 А.Е. Карпов. Различение. Пространство в городе, в: Социологическое обозрение 2001, № 2. Том 1, С. 64.

5 Пять мифов Петербурга, в: GIF.RU, http://www.gif.ru/texts/txt-lurie-5mifov/city_876/fah_1201/.

6 И. Кобзев. Камо грядеши, Ижевск: «День», № 10 (0808) / 15 марта 2007 г., <http://www.dayudm.ru/article.php?id=4778>.

7 Е.И. Виноградова. Представление о ментальных картах города Екатеринбурга, http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2006_022/print.html?pr=K21-40/k25.

- 8 Конспект лекций по курсу Социология города.
9 Там же.
10 О.А. Иванова. Семиотический аспект формирования архитектурной среды столичного города, http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2007_1/print.html?pr=TA/ta2.
11 Т.В. Ефимова. «Петербургский текст» как ресурс формирования городской ментальности, http://old.gup.ru/aspirant/files/k602.004.01/ar/1_07.doc.
12 Там же.
13 Т.В. Иванова. Социально-психологические проблемы городской ментальности: Автореф. дисс. ... д. психол. наук, <http://www.geocities.com/gazetka/avt-ivat.html>.
14 О.А. Иванова, указ. соч.
15 В. Абашеев. Где она, пермская книга? «Business Class», № 10 (505) от 27.04.2007, <http://www.bsfera.ru/public/bpress/view.php?id=505>.
16 Конспект лекций по курсу Социология города.
17 У. Эко. Функция и знак. Семиология архитектуры, в: Библиотека Гумер, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko_Funk/03.php.
18 А.Е. Карпов, указ. соч., С. 66.
19 Конспект лекций по курсу Социология города.
20 Т.В. Иванова, указ. соч.
21 Конспект лекций по курсу Социология города.
22 Конспект лекций по курсу Социология города.
23 Там же.
24 Е.И. Виноградова. Представление о ментальных картах города Екатеринбурга, http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2006_022/print.html?pr=K21-40/k25.
25 См. А.Е. Карпов, указ. соч., С. 67.
26 О. А. Иванова, указ. соч.
27 Там же.
28 См. Конспект лекций по курсу Социология города.
29 Д.Б. Кларк. Потребление и город, современность и постсовременность, <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/03.pdf>.
30 См. Т.В. Иванова, указ. соч.
31 С. Домников. Царь-город. Русский город в мифологическом пространстве, «Человек без границ», http://www.manwb.ru/articles/simbolon/mith_and_simbol/RusTownMit_SergDomni/.
32 Конспект лекций по курсу Социология города.
33 См. там же.
34 Т.В. Иванова, указ. соч.

- 35 В. Абашев, указ. соч.
36 А.Е. Карпов, указ. соч.
37 Т.В. Иванова, указ. соч.
38 Там же.
39 С. Домников, указ. соч.
40 В. Абашев, указ. соч.
41 Там же.
42 Конспект лекций по курсу Социология города.
43 В. Абашев, указ. соч.
44 Конспект лекций по курсу Социология города.
45 Там же.
46 Z. Bauman, Postmodern ethics. Blackwell, Oxford, 1993, p. 164.
47 См. Т.В. Иванова, указ. соч.
48 Цит. по: Конспект лекций по курсу Социология города.
49 Там же.
50 Там же.
51 Д.Б. Кларк, указ. соч.
52 В. Абашев, указ. соч.
53 Т.В. Ефимова, указ. соч.

Т.В. ШМЕЛЕВА
ЯЗЫК ГОРОДА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
ИСТОРИЯ КАК СЕРИЯ ОТКРЫТИЙ

Язык города как объект изучения и описания в отечественной науке открывался неоднократно. Хотя здесь важно сделать одну важную оговорку: история изучения начинается с признания объекта существующим и собирания материала, к нему относящегося. Поэтому начальные периоды этой истории – это скорее предыстория.

Первое открытие города совершается в рамках **ономастики**. Традицию изучения московской топонимии ведут от книги с названием «Описание императорского столичного горда Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая, собранное в 1755 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем описания Санкт-Петербурга г. н. с. В.Г. Рубаном», изданной, тем не менее, в 1782 г. [Соколова 1985, с. 180]. Хотя топонимические сведения этого издания оценивают как скудные [там же], уже в названии дается интересный перечень городских объектов онимического наименования: ворота, мосты, улицы и переулки, монастыри и церкви, дворцы и казенные места (учреждения или офисы, если по-нынешнему).

Историю научного описания московской топонимии ведут с работ историка И.М. Снегирева «Памятники московской древности» (1842–1845), «Московские урочища, древние и новые» (1852), «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (1865, 1873), хотя названия публикаций говорят о том, что топонимический аспект в них был не главным. Начиная с работы А.А. Мартынова «Названия московских улиц переулков с историческими объяснениями» (1878), главными, если не единственными, героями ономастических описаний становятся улицы [123, с. 182–186].

Столетие спустя формируется ономастическая терминология для обозначения городских онимов. В словаре ономастической терминологии находим специальный термин *урбаноним* (от латинского *urbanus* ‘городской’), которым обозначается имя любого городского топографического объекта, и производные от него *урбанонимия*, *урбанонимика*, *урбанонимизация*, *урбаноним поэтический* [102, с. 139–140].

Судя по данным этого словаря, а также других источников [107, с. 198], термин *урбаноним* впервые используется Н.В. Подольской в 1972 году на совещании «Топонимия Центра», материалы которого изданы в 1974 году [103]. Ею же намечена типология урбанонимов: *годоним, агороним, хороним, ойкодоним, экклезионим* [102, с. 139].

Хотя термин *урбаноним* поддержан в фундаментальной монографии по ономастике [131, с. 167, 187, 196], он не получил тогда широкого распространения, о чем говорят материалы особого номера «Вопросов географии», посвященного топонимии Москвы [17]: ни во вступительной статье «Изучение московской топонимии» (с. 9–11), ни в названии статей термин *урбанонимия* не встречается, рабочие термины *топонимия, гидрономия Москвы или наименования московских улиц*.

Следует отметить, что в этой коллективной работе круг городских имен собственных (именовать их урбанонимами или нет) понимается шире, чем городские географические названия; к ним предлагается относить не только имена улиц (как уже было сказано, излюбленный объект краеведов и ономастов), но и «названия физико-географические, унаследованные городом от территории, на которой он возник и развивался. Это имена рек, ручьев и озер, гор, холмов и оврагов, лесов и рощ, лугов и полей, болот и т.д. Другим важнейшим компонентом внутригородской топонимии являются названия, возникшие уже в самом городе. Сюда относятся наименования объектов сферы обслуживания населения: промтоварных и продовольственных магазинов, кинотеатров, спортивных объектов, музеев, библиотек, кафе и ресторанов, остановочных пунктов городского транспорта» [17, с. 10].

Таким образом, первый подход к городу как предмету изучения и описания можно назвать **ономастическим**. Он связан с историей, краеведением, географией (недаром масса публикаций по топонимии города – в «Вопросах географии» и других изданиях Географического общества).

Второе открытие языка города происходит в 1920-е годы [61, 61]. С сетованием по поводу запаздывания в разработке проблемы приводятся ссылки на публикации европейских лингвистов с выразительными названиями «Парижский язык XIX века», «Язык немецких мошенников», «Язык немецких студентов», «Язык моряков» [61, с. 182, 184].

В изучении языка города на первый план выдвигается его многоязычие, проявляющееся в двух аспектах – этническом и сословно-групповом. В статьях Б.А. Ларина перспектива лингвистического исследования языка города обсуждается в теснейшей связи с языковой политикой. Для него важно, чтобы государство не стало культивировать одноязычие как символ социальной однородности общества, он

говорит о необходимости «пропаганды полиглотизма» – «всеобщего и уравновешенного», в противовес «захолустному языковому кругузору», согласно которому идеал – единый мировой язык, победивший в языковой борьбе [60, с. 195].

Б.А. Ларин не напрасно опасался и говорил о полиглотизме со страстью: в последующие годы обозначилось не только торжество единогоязычия как проявления единомыслия, но и запрет на всякое изучение несанкционированного многоязычия. Удивительно, как не закрыли диалектологию под предлогом того, что она изучает язык кулаков. Но городские социолекты, тем более речь «языкового дна» города [61, с. 176] в сфере лингвистического внимания были просто не представимы. О причинах свертывания изучения «городской диалектологии» говорилось [54, с. 3; 176, с. 6–7]; подчеркну только еще раз: тогда наступила эпоха не изучения реальности, а ее формирования, в том числе и насильственного.

Итак, цель второго подхода к изучению языка города – увидеть в языке города сложное отражение социальной структуры городского населения, языковую историю города как отражение языковой борьбы, ассимиляции, полиглотизма, в том числе соотношение в речевой практике горожанина жаргонов, просторечия и книжного литературного языка. Думается, именно пафос исследования социальной реальности сквозь призму языковой дифференциации и обрек его на неосуществимость до некоторых пор.

В современных лингвистических понятиях это направление можно было квалифицировать как **социолингвистическое**: для него исходной реальностью является население города, его демографические, этнические, профессиональные и гендерные характеристики, степень урбанизированности и однородности. А собственно языковые факты ценны как свидетельства социальных сходств/различий.

В третий раз язык города был открыт примерно через 40 лет – в рамках **коллоквиалистики**. Показательно, что во Введении к первой фундаментальной коллективной монографии по проблемам разговорной речи работа Б.А. Ларина упоминается в первых же абзацах [111, с. 5]. Упоминается, однако, для того, чтобы от нее дистанцироваться: коллоквиалистов интересует не город, а интеллигентные горожане. В речи же горожан их интересует не языковая дифференциация, а специфическая языковая **система**, которая открылась внезапно и привлекла лингвистов как не известный до этого материк. Увлекало и другое – новый способ добывания языкового материала: не из письменных текстов, а из мимолетной и неуловимой устной речи.

Такая устремленность позволяет третий подход к изучению языка

города назвать **системным**. Нельзя не отметить, что построенное в основном на изучении речи москвичей, это направление отечественной коллоквиалистики исходило из презумпции несущественности различий между городами, предмет интереса здесь – культурный горожанин вообще в отличие от сельского жителя и от не владеющего литературной нормой носителя просторечия, или «мещанского говора», как сказали бы в начале века. Вместе с тем значимость этого открытия городского языка для нашей проблематики состоит в том, что устная речь простых горожан была признана легитимным объектом лингвистического внимания, практически потеснив единственный до того времени объект – авторитетный письменный памятник. Кроме того, началось коллекционирование текстов устной речи, часть из них была издана [112], за этой публикацией последовали подобные на материале Москвы и других городов [20, с. 179–188; 49,50; 37]. Интересно отметить, что примерно в это же время в Польше выходит сборник текстов жителей Кракова [224], что означает обращение к живой городской речи в рамках разных национальных лингвистик.

Итак, в рамках коллоквиалистики в городской речи изучается, прежде всего, устное, спонтанное неофициальное. Однако языковые различия городов взывали к лингвистическому вниманию, и поэтому происходит четвертое открытие языка города – точнее, лексики города, как обозначено в названии статьи с характерным подзаголовком «К постановке проблемы» [42].

Авторы ставят проблему изучения специфической городской лексики – апеллятивов и урбанонимов, относя к последним вслед за Н.В. Подольской названия «*мостов, площадей, торговых рядов, улиц, переулков, проездов, парков, кладбищ, памятников, знаменитых чем-либо домов, дворцов, каналов, стадионов*».

При этом лингвисты подчеркивают ряд важных моментов, которые, как выяснилось в дальнейшем, имеют принципиальное и, можно сказать, программное значение.

Во-первых, урбанистические стандарты номинации разных городских объектов имеют ареальные границы: так, слово *тракт* принадлежит сибирскому ареалу [42, с. 284]. Территориальное варьирование характерно для предметной лексики: проездной билет в Москве, Ленинграде и Харькове именуется *проездной, карточка, постоянный* [42, с. 288].

Во-вторых, городские наименования имеют тенденцию к двойному существованию: официальное (номенклатурное) и неофициальное (разговорное, бытовое): магазин с вывеской МЯСО в речи горожан фигурирует как *мясной* [42, с. 287].

В-третьих, предметные номинации, для которых характерна «быстротекучесть», отражают языковые вкусы и привычки «момента», поэтому авторы призывают лингвистов быть «хроникерами города» – фиксировать все новые номинации [42, с. 289]. При этом они обращают особое внимание на «точность социальной, профессиональной и возрастной паспортизации фактов», ведь, например, используемое старыми петербуржцами вовсе не известно их юным согражданам, как слова *драгомань* или *лабазные* отделы [42, с. 290].

Такой – четвертый в нашем перечислении – подход можно назвать **дифференциально-лексическим**, так как в центре его внимания оказывается лексика, а главная установка – найти различия, будь то различия городов или жителей одного города по линии возраста, профессиональной принадлежности, социального статуса. При этом городская лексика толкуется широко: это все, что связано с наименованием городских реалий (урбанизмы), в том числе имена собственные (урбанонимы) – номенклатурные и бытовые.

Так в моем восприятии выглядит первоначальная история, или первый этап истории изучения языка города. Она занимает два столетия – от 1782 до 1982 года, и уже сама по себе показывает сложность нашего объекта: он обнаруживался с разных филологических и, даже можно сказать, гуманитарных позиций: истории и ономастики, коллоквиалистики и лексикологии, психологии и диалектологии, социологии и урбанистики. Воспринимаю начало 80-х как рубеж потому, что именно в это время сложился проект словаря города, в котором, как нам казалось, моно было соединить все названные подходы, добиваясь того, чтобы результаты их применения выглядели как лексикографическое описание города.

Словарь города

Эта идея, родившаяся в разнообразных и многочисленных обсуждениях еще новой для меня речевой стихии Красноярска, была изложена сначала в тезисах [185], а затем в статье для журнала «Филологические науки», написанной с коллегой из Красноярского педагогического института Киной Петровной Михалап (ныне, к сожалению, покойной) [69].

Думая о Словаре как о описании языка Красноярска, мы сразу отказались от идеи классического алфавитного принципа его построения. Такой тип лексикографических описаний хорош, когда читатель знает слово и хочет что-то узнать о нем, будь то значение, произношение или грамматические характеристики. Если же мы хотим представить не массу слов, а **язык города**, структура словаря должна быть иной:

он должен быть путеводителем по языку города, значит, он может быть только идеографического типа. Но не тезаурусного – по смыслам, а по **сферам бытования** слова в городе.

Мы предложили трехчастную структуру словаря, отражающую три сферы жизни городского слова:

- - устная стихия обиходной речи;
- - городская среда в ее официальном и неофициальном отражении;
- - относительно замкнутая среда определенного круга лиц.

В языке одного человека эти сферы могут быть противопоставлены приблизительно как «дома», «на улице», «в своем кругу».

Оглавление словаря предполагалось в таком виде.

1. Обиходная лексика
 - 1.1. Незнаменательная
 - 1.2. Имена лиц
 - 1.3. Имена предметов
 - 1.4. Предикатная лексика
 - 1.5. Оценочная лексика
2. Слово городской среды
 - 2.1. География города
 - 2.1.1. Ориентиры
 - 2.1.2. Районы города
 - 2.1.3. Улицы
 - 2.1.4. Учреждения
 - 2.2. Транспорт
 - 2.2.1. Названия видов транспорта
 - 2.2.2. Транспортные реалии
 - 2.2.3. Транспортные ситуации
 - 2.3. Городской этикет
3. Корпоративные языки
 - 3.1. Молодежи
 - 3.2. Скалолазов
 - 3.3. Металлургов
 - 3.4. Медиков

В качестве комментариев к этой рубрикации приведу краткие характеристики лексических групп и иллюстрации, в основном красноярские, с учетом современных данных.

Раздел первый – «Обиходная лексика». Эта часть словаря охватывает речь, звучащую в городской квартире, на улице и в магазине, в приятельской беседе на службе. Вот фрагменты таких текстов из красноярской речи: *Играй в о г р а д е / не уходи никуда / я щас приду; Да*

что его расстирывать [белье] / пожулькай маленько и ладно; Это у тебя бабушка / а у меня кто будет с ребенком водиться? Мама работает / а свекровке я своего ребенка не отдам.

Заметную часть этого раздела словаря составляет незначительная и строевая лексика: *ну* – эквивалент *да*; *сильно* в значении *очень*; *всяко-разно* в значении *по-всякому*, *так и эдак*; *сколь* рядом со *сколько*. Здесь может быть отмечена и некоторая экспансия предлога *на*: *побелить на четыре раза*, *перечитал на два раза*; см. также фразеологизм *на сто рядов*: *все это переговорили на сто рядов*, *методичку изучили на сто рядов*.

Среди знаменательной лексики следует отдельно описывать имена лиц, предметов и ситуаций. Первая группа многочисленна – это имена родства, например: *сродный брат*, *свекровка*, *родова*; здесь же можно поместить и единичные соматизмы: *норки* (ноздри), *взъем* (подъем ноги).

Не многочисленна и предикатная лексика: *стряпать*, *парить* (белье), *попроведать*, *наругать*, *насмелиться*, *запурхаться*; особого внимания требуют оценочные слова, например, активно используемое слово *путний*.

Сразу обращает на себя внимание предметная лексика: *ограда*, *стайка*, *гомонок*, *лаврушка*, *черемша*. Предметная лексика постоянно меняется за счет номинации новых реалий и ухода устаревших. Довольно часто в быту приходится говорить о деньгах. В 1980-е годы в Красноярске для обозначения монет была продуктивна модель с суффиксом на *-ик*: *десятик*, *пятнадцатик*, *пятидесятик*. От пассажиров в транспорте, где, как призывал водитель, «производили обмен между собой», можно было услышать вопрос *У вас желтенькие есть?* (о меди). Сегодня это глубокая старина.

Раздел «Обиходная лексика» не предполагает сплошного описания бытовых номинаций – важно показать городскую специфику. Для этого необходимо иметь фон – опыт наблюдений за речью в других городах. Упомянутые красноярские слова та-кой фон имеют, ср. пары: *ограда* – *двор*, *стайка* – *сарай*, *свекровка* – *свекровь*, *свекруха* и т.д. Интересно, что расхождения обнаруживаются и на небольших расстояниях: *черемшу* в Кемеровской области называют *колбой*, *жарки* на Алтае – *огоньками*.

Словарные статьи, посвященные обиходной лексике, можно представить как «портреты» слов – с указанием их лингвистических фиксаций и описаний, ситуаций использования и примеров употребления. Например, в статье к слову *ну* нельзя не отметить, что его использование в смысле *да* отмечено в письме А. Илличевского В. Кю-

именами, напр., в Петербурге: *Ро, Рико, Такса-кофе, Золотая турка, Белый кофе, Зерно истины, Кофе Дэ Фэ, Чайкофф, Coffe inn, Schumli* (это список журнала «Город» из рубрики «Где нас можно почитать»). Наряду с уже привычными магазинами появляются *салоны, галереи и бутики*. Так, в статье о бутиках в Петербурге (Известия 8.02.2007) упоминаются такие их имена: *Дефиле, Урбаномания, Ангел, Винчи, Версаче, Бабочка, Цезарь, Хьюго Босс, Милано*. В Красноярске бутиками называют не только магазины одежды, уже привычны для горожан *винные бутики, мебельный бутик*.

В наших городах при выборе урбанонимов сильна географическая тенденция. Так, в Красноярске на вывесках можно увидеть *Красноярск, Красноярье, Енисей, Енисей батюшка, Огни Енисея, Таймыр, Эвенкия*. В последнее время география таких наименований расширилась: на вывесках города появились *Калифорния, Мартиника, Кейптаун*. Современный русский город мыслит себя в координатах мирового пространства. Интересно отметить, что кроме прямых географических номинаций, получили развитие косвенные – кафе чешской кухни *Ратуша*, иногда вывески исполняются на двух языках – русском и языке бренда, например, *бутик Бон тон Boutique Bon ton*. Это делает словарь современного города многоязычным.

Новый пласт урбанонимов – слова с семантикой детства, которыми называют магазины товаров для детей: *Малыш, Мальчики и девочки, Кроха, Забияка, Шалунишка, Эни-Бэни*. В Новосибирске это *Танечка+Ванечка, Кенгуру, Малыш и папа, Малышок, Арлекино, Левушка, Буратино, Топтышка, Сказочная страна*.

Словарная статья этого раздела словаря может содержать более двух наименований, интересны их хронологические или функциональные отношения. Из улиц, у которых есть неофициальное название, нельзя не указать в Красноярске *Красраб* (проспект имени газеты «Красноярский рабочий» и *Круну* (улицу Крупской). Больница скорой медицинской помощи (при обозначении маршрутов городского транспорта – БСПМ) в обиходе зовется *тыщекоечной*, а у студентов-медиков, часто работающих там на практике, – *тыщей*.

Глава «Транспорт» включает описания наименований видов транспорта, маршрутов, транспортных реалий. Зафиксированы различные наименования, например, автобусов, в том числе экспрессивные: двухсалонный «Икарус» называют *мама с папой, венгерский холодильник*. Среди широко распространенных нумеративных обозначений маршрутов специфичные: *однерка, спичка* (троллейбус № 1), *полставторой, полтинник* (автобусы № 52, 50). Здесь наряду с предметной важна лексика, описывающая и типичные транспортные ситуации;

зафиксировано более десятка глаголов, обозначающих действия с абонементами: прокомпостировать, прокомпосцировать, пробить, погасить, чикнуть, проды-рвать (подобный челябинский список см. в [145, с. 25]), но сегодня их не услышишь: появились коммерческие автобусы, вернулись кондукторы.

А вот названия остановок проявляют удивительную устойчивость, людям нужны привычные ориентиры: Дом одежды на проспекте Свободном уже не раз превращался в разные магазины, а остановку продолжают именовать именно так.

Таким образом, городская среда получает в словаре свое многократное отражение.

Раздел третий – «Корпоративная лексика». В нем предполагается представить языки отдельных групп жителей города, или социальные диалекты. В Красноярске среди непрофессиональных корпораций особое место занимают столбисты – скалолазы, проводящие свой досуг в заповеднике «Столбы»; основу их словаря составляют названия элементов рельефа заповедника: *Пыхтун* (дорога на Столбы), *Дед*, *Перья*, *Монах*, *Чертов палец* (скалы); и ситу-аций скалолазания: *выходить*, *шкурять*, *кани-фолиться*, *плыть*.

Подобную Структуру – име-на реалий, лиц и ситуаций – имеют и другие корпоративные языки.

Итак, проект был разработан и опубликован. Надо честно сказать, что откликов эта публикация не вызвала, хотя и была в столичном журнале. Ссылок на статью я не видела. Да и нами этот проект выполнен не был, однако считать его напрасным я бы не стала. Дело в том, что в ходе работы над ним изучение языка города стало одной из устойчивых традиций красноярской лингвистики. Опубликована масса работ в разных жанрах – от популярных статей в газете до кандидатских диссертаций [101], а выработанная рубрикация определила линии, по которым мы стали вести исследование языка города.

Попытаюсь представить эти линии, соотнося сделанное нами с тем, что опубликовано другими, отметив, что серьезный интерес к проблеме языка города обозначился в таких городах, как Челябинск, Саратов, Екатеринбург, Пермь, Омск, Иркутск, разумеется, Москва и Петербург. Буду также иметь в виду публикации интересующей нас тематики в Великом Новгороде, Пскове и других городах.

3. Корпоративная линия

Корпоративная линия исследования городского языка напрямую соотносится с социальным подходом, провозглашенным Б.А. Лариным. Уклоняясь от терминологических споров, в частности, о том,

социолекты, жаргоны или аргы составляют «языковой ландшафт» города [16, с. 26], мы избрали нейтральный, как нам казалось, термин *корпоративный язык*.

Один из таких языков – столбистский – стал объектом исследования Л.З. Подберезкиной, завершившегося защитой кандидатской диссертации в Институте русского языка РАН [96]. В ходе этой работы была собрана лексика объемом более тысячи единиц, систематизированы работающие и предпочитаемые способы номинации – и казалось, вот уже рукой подать до словаря столбистов. Но логика исследования потребовала изучить речевое общение столбистов, в котором видна жизнь каждого слова, а оттуда – к культурным принципам корпорации. В итоге Л.З. Подберезкина стала знатоком субкультуры столбистов, истории этого уникального культурного сообщества, опубликовала массу материалов в научных статьях [99]; подробнее см.: [101], дает интервью даже в глянцевых журналах, напр., [Закирова 2006]. Но словаря столбистов в свет не выпустила.

Одну из причин этого можно видеть в том, что подход к вопросу о паспортизации слов, поиску качественных иллюстраций оказался очень серьезным. Так, в названном интервью Л.З. Подберезкина уверяет, что нужно собрать не менее 50 контекстов употребления слова, чтобы доказать, что оно – факт словаря столбистов (с. 67). Может быть, это и завышенные требования, но ясно, что создание словаря они не приближали. Тем более что, как говорится в том же интервью, актуальность словаря ставит под сомнение появление сайта www.stolby.ru «где есть все».

Корпоративные языки других сообществ – профессиональных, досуговых – изучаются в разных городах, статьи с результатами публикуются время от времени, см. напр., о языке металлургов [105], солдат [23] или гомосексуалистов [58].

Однако эта «ларинская», если обозначить ее по фамилии открывателя, линия изучения языка города, получив широкое распространение, несколько изменила свое направление. Изучение жаргона (сленга, аргы) и составление жаргонных словарей сформировались в особые области лингвистических занятий. Для наименования ее предлагался термин *аргология* [27, с. 636–637, 672–673] и *арговедение* [Там же, с. 615], но, кажется, закрепились наименования *жаргонология* и *жаргонография* [18; 71; 139].

Надо сказать, что развитие жаргонографии не совсем отвечает замыслу Б.А. Ларина. Если появляются описание отдельных социальных групп горожан, напр., молодежи, [74, 76, 77, 78, 9], футбольных болельщиков [75], уголовников [7] и даже политиков [Моченов и др.

2003], то они не привязаны к конкретному городу. С другой стороны, опубликованы описания сленга/арго одного города, что ставит под сомнение понимание социолекта как языка ограниченной группы людей [26; 74]. Еще более странными на фоне программы Б.А. Ларина выглядят описания общего жаргона [216, 218; 28; 71].

Несомненно, развитие жаргонографии обогатило отечественную лингвистику массой невиданного до тех пор материала, объемы которого даже по данным в наименовании изданий впечатляют: тысячи слов! Оно открыло лингвистам окно в некодифицированные сферы функционирования языка. Вместе с тем оно показало, что сущность жаргона в новой социальной реальности изменилась. Он перестал быть языком замкнутой корпорации: преодолевая ее замкнутость, он становится либо надтерриториальным языком корпорации (уголевники это или футбольные болельщики), либо неофициальным территориальным (Москва это или Псков) внекорпоративным языком, в котором видят «структурирующий фактор национального языка» [26, с. 672], либо стилистически маркированным лексиконом, присутствующим в письменных текстах всеобщей доступности [28].

Важно отметить и то, что если в основе коллекционирования фактов московское арго лежит «слуховой принцип фиксации материала» [26, с. 4], то среди источников футбольного сленга присутствуют Интернет-ресурсы – сайты, где представители описываемого сообщества свободно обсуждают корпоративные проблемы [75, с. 11–22]. Общий жаргон описывается, как уже было сказано, исключительно по материалам прессы [28, с. IV]. Это говорит о том, что бытование жаргона претерпело существенные изменения, и это не может не учитывать лингвист.

Что же объединяет эти три понимания жаргона, или три его ипостаси? Противопоставленность или внеположенность литературному языку и официальной культуре? Наверное, так. Хотя не перестают обсуждаться факты настойчивого проникновения жаргонизмов в тексты массовой коммуникации, самым выразительным примером чего может служить слово *беспредел* [55, с. 260]. Особое смеховое начало, которое является образующим арго согласно концепции В. Елистратова? Если это так, то смех этот часто уничтожающий. Во всяком случае, новые описания жаргонов, новые и новые исследовательские работы выявляют новые вопросы, связанные с тем, какое место занимает жаргон/жаргоны в языковом ландшафте современного города, как их изучать и описывать.

И выходит, что программе Б.А. Ларина соответствует только работа Л.З. Подберезкиной как исследование одной корпорации одного

города. Но уникальный характер этой корпорации неоднократно подчеркивался Л.З. Подберезкиной и не может подвергаться сомнению. Стоит отметить, что под ее руководством были проведены и опубликованы студентами исследования языка спелеотуристов и спелеологов, водных туристов и толкиенистов, даже охотников одного села [101, с. 154–160]. Это значит, что принципы изучения корпоративных языков, выработанные в ее диссертации, работают, дают результаты. Но ни одно из этих исследований не превратилось в лексикографическое описание. Однако материалов о языке городских корпораций, главным образом досуговых (рекреативных, по Елистратову) – накопилось немало. Есть надежда, что словари и словарики корпоративных языков красноярцев еще увидят свет.

Другой вариант осуществления программы Б.А. Ларина можно видеть в книге о старом Петербурге [54]. Ссылаясь на обсуждаемые нами статьи Б.А. Ларина 1926 и 1928 годов в первых же абзацах «Вступления», автор начинает с того, что 60 лет спустя в лингвистическом изучении города ничего не изменилось. И предлагает свой опыт портретирования Петербурга XVIII–XIX веков. Существенные черты этого портрета намечаются уже названиями глав этой книги: *Речь дворянства, чиновников, военных, разночинцев, купцов, молодежи... Французская, немецкая, финская речь в Петербурге ... Петербургское просторечие*. В каждой из этих интересных глав, во-первых, свидетельства современников; во-вторых, несколько ярких языковых примет – чаще всего выразительных словечек. Понятно, что представления автора основаны исключительно на письменных текстах и из них же извлекаются языковые факты, речевой и культурный опыт автора выступает как верификационный фильтр (что сохранилось, что бесследно исчезло).

Так, например, в главе о финской речи приводятся свидетельства из текстов К.С. Аксакова (*немцы да чухна*), П.Д. Боборыкина (*мямлит на своем чухонском диалекте*), Ю. Нагибина; анализируются словечки финского происхождения – топонимы *Шушары, Карповка, Лиговка, Мойка, Нева* и обиходные слова *финка, вейка, чухонское масло*. Итогом этого рассмотрения становится заключение о незначительном влиянии финской речи на язык петербуржцев в силу ее непривлекательности как речи беднейшего населения [54, с. 67–69].

Или глава о языке разночинцев. Она начинается с характеристики этого уникального сословия из поповичей или мещан, которое сыграло свою особую роль в русской культуре. Интерес автора привлекают прежде сего те слова, которые из речи разночинцев-семинаристов, бурсаков – вошли в литературный язык: *великоленно, учеба*. Дру-

гие узнаются по современным жаргонам: *сбондить, слямзить, облапошить, обьегорить* [54, с. 87–89].

Пытаясь определить место рассматриваемого издания в исследовании языка города, можно сказать, что оно очень ценно как опыт реализации программы Б.А. Ларина. Однако это пример опосредованного портретирования городского языка – как минимум сто лет спустя по отражениям в литературе. Можно сказать, что это портрет Петербурга в зеркале русской литературы. Для современного – непосредственного – наблюдения речевой стихии города он дает немного. Современный лингвист не может ждать, когда о какой-то языковой черте напишут писатели или журналисты, перед ним стоит задача быть «хроникером города», извлекать и осмысливать факты одновременно с их появлением и бытованием.

Вторая особенность книги В.В. Колесова – это взгляд с позиций современного литературного языка: каждый из фрагментов петербургского языка интересен ему как бы не сам по себе, а тем, что осталось от него в литературном языке. Наконец, книга далека от лексикографического описания – это серия интересных очерков.

Ретроспективное описание городского языка Москвы представлено в виде словаря [27].

Какие же выводы можно сделать из анализа корпоративной линии исследования языка города, напрямую соотнесенной с программой Б.А. Ларина?

Социальная структура современного города невероятно сложна и одновременно негерметична, тяготеет к интеграции: появляющееся в одной среде, скажем молодежной, распространяется по разным линиям многоканальной массовой коммуникации и, подкупая новизной и выразительностью, становится знакомым всем, и всеми используется хотя бы даже дистанцированно, цитатно. Как это произошло с «олбанским языком», или языком «падонкаф»: их *превед*, растиражированный газетными заголовками, стал всеобщим достоянием.

Существенно и то, что жаргонизированная речь, как неоднократно отмечалось, очень мобильна, изменчива. Есть наблюдения над одним школьным классом, в речи которого в течение одного учебного года известная формула согласия *без базара* превратилась в *базара нет*, потом – в *базара ноль* и, наконец, в *без бэ*. При этом все мгновенно узнавали, что модно сегодня, и следовали этой классной моде.

Это, как кажется, говорит о том, что изучение корпоративной/жаргонной линии городского языка никогда не потеряет актуальности. Факт фиксации слова или идиомы в упоминавшихся здесь словарях не закрывает проблему его изучения, новых фиксаций и наблюдений

над динамикой его жизни в лоне корпоративных языков, языка города или языка медиа и литературы.

1. Линия городской среды

Эта линия изучения языка города стимулируется динамичностью современного города, что зримо и выразительно отражает городская среда. В ней сосуществуют устная речевая стихия и письменные тексты, совокупность которых предложено именовать городской эпиграфикой, или письменностью городской среды [170; 1997].

Так сложилось, что приоритетным источником для лингвиста оказывается городская письменность. Вообще говоря, лингвисты обратили внимание на эту сферу бытования языка довольно давно, см. напр. [Букчина, Золотова 1968], но традиции ее лингвистического изучения тогда не сформировалось, возможно, потому, что языковая среда советского города не давала для этого интересного материала. Советская власть внесла в городскую среду два взаимосвязанных момента – стандартность и идеологическую выдержанность, исключив тем самым присутствие в ней сколько-нибудь живого и оригинального слова.

Постсоветская городская среда пережила несколько процессов с разной скоростью и интенсивностью проходивших в российских городах.

Прежде всего, расширилось физическое пространство городской письменности: если двадцать лет назад оно ограничивалось табличками на стенах и лозунгами на фасадах зданий, то теперь текст можно прочесть на растяжках и рекламных щитах, которые видны издали, иногда буквально заслоняют дорогу; на бортах автобусов, трамваев и троллейбусов; по обе стороны от эскалатора и в вагоне метро, на маркизах, без которых не позволит себе открыться приличное заведение, на специальных выносных щитах, стоящих перед магазином... Тексты буквально преследуют горожанина, стараются захватить и удержать его внимание, иногда кажется, превосходя возможности восприятия.

Кроме того, она переживает освобождение от советского официоза, или дезофициализацию. В поисках альтернатив объекты городской среды, прежде всего, устремляются к слову, дистанцируясь от тотальной пронумерованности советского города. Так, аптеки, которые мы различали исключительно по номерам, теперь обзавелись красивыми названиями типа *Старый лекарь*, *Панацея*, *Арника*... Детские сады стали *Солнышками*, *Ручейками*, *Колосками*... Второй путь отрыва от официоза – поиск новых слов, с другими стилистическими

эффектами, например, домашности, которая достигается использованием диминутивов, например, вместо КАФЕ (уже официального, а в 60-е воспринимаемого как экзотическое и почти заграничное) на вывеске можно написать КАБАЧОК.

Иногда этот поиск альтернатив приводит к вульгарности и просто непристойности. Так, Красноярск летом 2007 года запестрел рекламными щитами новой сети рыбных ресторанов «Самогон» со слоганом «ВЫ УХУ ЕЛИ?», при этом первая буква глагола была графически отделена от слова, чем создавался оптический эффект единства остальной части текста. Местное управление Федеральной Антимонопольной Службы по рекламе сочло такой текст оскорбительным для горожан, разбирательство это факта продолжаются в суде. Журналисты помещают информацию об этом в рубрике «Казусы» (Русский репортер № 14, 2007. – С. 14). А столичный ЦУМ наказан денежным штрафом за рекламный слоган в своих витринах накануне учебного года «Кто в не PRADA, тот – лох». Реклама была воспринята как эпатажирующая и осуждена не только ФАС, но и рекламным сообществом («Эксперт Online» / 9 августа 2007 <http://www.expert.ru/articles/2007/08/09/tsum/>).

За этими разными фактами в далеких друг от друга городах просматривается одна тенденция – рекламщики хотят, чтобы реклама говорила на языке своих читателей, для которых и жаргонизмы, и непристойные слова – совсем не экзотика. При этом они идут на преодоление еще не забытых табу, но, преодолевая табу официоза, переходят и грань приличия.

В стремлении к обновлению и престижности городская среда расширяет свои языковые возможности: если в советские времена наши города принадлежали исключительно кириллице, то сейчас она вынуждена делить городское пространство письма с многочисленными надписями на латинице и даже в иероглифике.

Стилистика городской среды – в постоянном поиске, поэтому так важно вести лингвистический мониторинг ее текстов. Наблюдения при этом должны учитывать типологию этих текстов, противопоставляющую в первую очередь *названия, объявления, рекламные слоганы, граффити*. Эти тексты решают множество задач – от чисто практических (ориентировать, указывать, предостерегать) до культурных (хранить память об истории города и страны, служить энциклопедией и своеобразным учебником культуры во всем ее многообразии).

Даже перечисление жанров письменности городской среды показывает, что современная городская среда, в отличие от советских времен, – не монологична, то есть авторство текстов не монополизировано государством и городской властью.

Так, автором объявления, например, могут быть муниципальные власти, фирмы или владельцы магазинов, а также практически любой горожанин (в последнем случае классика жанра – объявление о пропаже собаки или кошки, о желании снять или сдать квартиру). Хотя в реальности осуществить монополию не удастся, власть стремится к ней и даже борется за нее: характерны в этом отношении объявления о запрещении частных объявлений и акции по их срыванию со стен и столбов. В Москве полем сражения оказались стены вагонов метро: в этом пространстве стремительного движения можно наблюдать молодых людей, успевающих за время движения между двумя станциями расклеить порцию объявлений и затем бесследно исчезнуть среди выходящих пассажиров. Жанр городского объявления показывает, как город и горожанин конкурируют за авторство в пространстве городской среды.

Что касается устной речевой стихии – «языка улицы», то ее фиксируют исследователи разговорной речи. При этом коллоквиалистов, как уже было сказано, интересует скорее грамматическая сторона разговорного языка. Но наряду с этим они выявили речевые клише городского общения – стереотипы для различных ситуаций городской жизни. За этими стандартными формулами обращений, вопросов и просьб, отказов и благодарностей стоит этикет городской среды, который, в отличие от литературного этикета в основном XIX века [3], не описан с такой подробностью для каждого города и не вручается приезжему на вокзале или в аэропорту.

К устной речевой стихии относится и городское красноречие – расхожие присловья, присказки, поговорки и пословицы, так сказать, современный городской **паремийник** (такое понимание термина *паремия* см. в [62]). Здесь среди общегородских формул типа *На такси надо ездить* обязательно найдутся специфические паремии у каждого города.

Попыткой сбора такого рода паремий можно считать словарь [8], однако там нет установки на выявление специфики отдельного города и, кроме того, кажется, преобладает мужской взгляд на вещи и мужское (часто брутальное и циничное) остроумие, которому лучше проявляться в замкнутой мужской среде, не прорываясь в городскую среду, ср. красноярский опыт рекламы про уху.

Конечно, письменная и устная речь городской среды не являются «несообщающимися сосудами», известно, как афористичные рекламные слоганы становятся паремиями, «разбираются на поговорки», а реклама стремится включить в свой дискурс реальные присловья. И все-таки это две специфические формы существования языка города,

заслуживающие особого внимания, отдельного собирания и описания.

Своеобразным стержнем языка городской среды является лексикон городских названий – самая лаконичная и при этом центральная часть языка городской среды. Она постоянно звучит в устной речи горожан, обсуждающих свою городскую жизнь, перемещения по городу, самые бытовые вопросы. Она отражается на указателях, табличках с названиями улиц, городской рекламе и, выходя за пределы городской среды, в прессе, литературе о городе и даже беллетристике.

В ней нельзя не учитывать противопоставленности терминологической и ономастической лексики. Так, любое городское наименование строится по формуле «термин+оним»: *улица Льва Толстого, шоссе Энтузиастов, ресторан «Проходимец», кафе «Остров сокровищ», суши бар «Ямакаси», аптека «Витаминка», остановка автобусов «Школа»...* В большей степени внимание горожан и лингвистов городской привлекает ономастикон – совокупность онимов, он требует особого рассмотрения и в этой работе, тем более что, как было сказано в начале, именно с него началось изучение языка города.

3.1. Городской ономастикон

Первое, что необходимо ответить, – мощный рост городского ономастикона в постсоветский период. Если в 70–80-е гг. в каждом городе собственного имени удостаивались буквально единицы магазинов, как их именовали, «флагины советской торговли», то в 90-е каждый ларек обзаводился именем собственным в соответствии с притязаниями и вкусами владельца. Появление частной собственности привело к тому, что количество именуемых субъектов возросло в невероятных масштабах. Онимически стали именовать аптеки и лечебные заведения, в первую очередь стоматологические, детские сады и школы. Кроме того, появились новые городские объекты – турфирмы, ночные клубы, дискотеки, салоны красоты и массажные салоны. Все это повлекло за собой расширение ономастического пространства города и его, если можно так сказать уплотнение (число онимов на единицу городского пространства возросло, как теперь говорят, в разы).

Эти интересные обстоятельства социальной и языковой жизни русского города позволили говорить об **онимическом взрыве** как одной из характеристик эпохи [199]. Сегодня можно сказать, что этот процесс не прекращается, и городской ономастикон остается самой подвижной частью языка города, он обновляется постоянно в силу, прежде всего, экономических причин: меняются владельцы заведений. При

этом, редко оставляя неизменным их наименования, появляются новые заведения и заявляют о себе необычным и потому привлекательным именем, наконец, заведения имеют обыкновение менять наименования с целью обновить свой имидж и привлечь новых клиентов. Вот некоторые иллюстрации этого процесса из жизни городской среды Великого Новгорода. В середине 90-х появилось кафе БЛИНОК с почти домашней кухней; вскоре оно модернизировало свое имя, прибавив ему «заграничности», – БЛИН'ОК; совсем недавно одно из кафе этой фирмы после ремонта и изменения дизайна при сохранении логотипа украсилось вывеской СЛАВЯНСКИЙ БУФЕТ. Кафе АЙСБЕРГ почему-то переименовалось в ОСТРОВ СОКРОВИЩ, а салон телефонной связи АЛЛО! превратился в продуктовый магазинчик МАКАРОШКА.

Интересно отметить, что устная речевая стихия сопротивляется этой сверхподвижности городского ономастикона. Например, магазины долго именуют по-старому, хотя письменность городской среды не подпитывает этих воспоминаний. Так, в Валдае продуктовый магазин в старом здании с красивым названием ОРФЕЙ все называют КЕРОСИНКА: в незапамятные времена здесь действительно продавали керосин (информация К. Бужова). Города, где в начале 90-х переименованы улицы, до сих пор живут в двойной системе координат (об этой проблеме будет сказано далее).

Все эти факты приведены к тому, что ономастическое изучение города должно быть не плоским, а многоаспектным, учитывающим исторический момент – смену названий, соотношение официальных и разговорных версий наименования одних и тех же объектов городской среды. В этой непростой реальности вырастает еще один объект исследования – ономастическое сознание горожан, исследование которого можно вести путем опросов, анкетирования. Практика изучения этого феномена в Красноярске – в ходе лингвистических практик студентов, в частности, а также в ходе подготовки курсовых и дипломных работ – показывает, что в этих исследованиях можно выявить причины неуспешности отдельных наименований, «неприживаемости» их в устной речи, возмущение горожан некоторыми названиями. Именно здесь открывается тема языкового насилия, которое может восприниматься как неуважение города к своим жителям, пренебрежение к их языковым и эстетическим вкусам и даже этическим принципам.

Структуру городского ономастикона можно представить в виде входящих друг в друга окружностей. О ней уже приходилось писать [199, 153, 169], ее отдельным фрагментам посвящены популярные пуб-

ликации в прессе [198, 200, 208, 209; 158, 159; 190; 150 и др.]. Кроме того, работа над этим объектом составляла содержание курсовых и дипломных сочинений, часть которых включена в Библиографию [101], в том числе и в виде публикаций [2].

Центр городского ономастикона – имя города, или астионим [102, с. 41]. Имена городов – традиционный объект внимания ономастики, они изучаются, прежде всего, в историческом аспекте [73], в плане происхождения, см. напр., [21]. Особый сюжет из жизни астионимов – их смена, переименование городов, чему посвящен специальный словарь, включающий данные об именах 2500 городов [106].

Между тем, имя любого города представляет интерес и в современном плане, оно может быть представлено как основной структурообразующий элемент городского ономастикона [14]. Оно встречается приезжающего в город на въезде, повторяется в городе многократно, отражаясь в вывесках в виде прилагательного или абброморфа.

Так, в Красноярске множество названий повторяет астионим – гостиница *Красноярск*, включает производное от него прилагательное *Красноярский государственный университет* или абброморф *Крас-*, как в официальных наименованиях типа *КрасТЭЦ*, так и сленговых типа *Красраб* (=проспект имени газеты «Красноярский рабочий»).

Подобным образом астионим Новгород повторяется в названиях кинотеатра, изданий типа «Весь Новгород», присутствует в виде прилагательных в названиях, напр., учреждений, университета, газет «Новгородские ведомости» и «Новой новгородской газеты», и абброморфа *нов-* в названиях учреждений и форм. Аналогичные факты из ономастикона других городов широко известны, как «эпоха Москвошвея». Интересно, что в связи с переименованием Ленинграда в Петербург в названиях учреждение абброморф *Лен-* заменился на *Пет*, например, молокозавод *Петмол*.

Интересно, что прозрачная семантика астионима *Новгород* (что характерно совсем не для любого города) обыгрывается в названии фирм *Старый город*, *Старгород*, *Новый торг* (Торгом именуется часть города, которая под таким именем фигурирует уже в летописях).

Вокруг ономастического ядра, которое представляет собой астионим, располагаются имена **городского пространства** – районов города, улиц и площадей, переулков и остановок городского транспорта. Для всех этих типов онимов существуют особые термины: имя улицы – *годоним*, имя городского района – *хороним*, площади – *агороним*, дороги – *дромоним* [102]. Наиболее известны термины *годоним/годонимия* в связи с тем, что, как уже указывалось, улицы – излюбленный объект изучения краеведов и лингвистов.

Годонимия российских городов сохраняют фрагменты годонимии советской поры, восстановленной дореволюционной и новой. Надо сказать, что советская власть придавала большое значение годонимии, которая была витриной советского города – при невыразительности иных витрин. Поэтому принципы советской годонимии нельзя не учитывать при исследовании современного ономастикона.

Сформулированные в [191], они могут быть представлены здесь следующим образом.

В изучении годонимии важно различить три момента.

Первый – собственно **грамматический** – предполагает выявить круг моделей годонимического наименования. Надо сказать, что таких моделей в русском ономастиконе города выработалось немного, их буквально можно перечесть по пальцам, покажем их на примере московских улиц, хорошо известных и жителям других городов.

Первичная модель наименования улицы – производное существительное типа *Волхонка, Пречистенка, Петровка* – характерны для официальной годонимии Москвы и неофициальной устной годонимии в разных городах; эту – субстантивную – модель нельзя считать продуктивной для настоящего времени, ее присутствие в городе – скорее знак архаичности его ономастикона.

Вторая – адъективная – модель в названиях типа *Тверская улица, Хлебный переулок, Ленинский проспект, Алтуфьевское шоссе* значительно более продуктивна, она представляет наименования разных эпох и легко приживается в устной речи горожан.

Третья – генитивная – модель наименований типа *улицы Льва Толстого и Двадцати шести Бакинских комиссаров, проспект Вернадского, шоссе Энтузиастов* порождена советской властью и в городской среде советской поры едва ли не подавляет все другие. Возможно, в ходе возвращения старых городских имен их доля несколько уменьшилась (здесь нужны точные подсчеты), но в сознании горожанина эта «генитивная травма» осталась надолго.

Свидетельства ее многочисленны. Название улицы *Новая Заря*, на которой я жила в Красноярске, постоянно искажалось на разнообразных бланках и почтовых отправлениях, даже мои корреспонденты с филологическим образованием норовили написать *ул. Новой Зари*: родительный падеж воспринимался как канон уличного имени. В Великом Новгороде, пережившем возвращение старых имен улиц, некоторые из них представляют собой притяжательные прилагательные [11, с. 335–368]: *Ильина и Чудинцева улицы*. Несмотря на то, что переименованию больше десяти лет, новгородцы не могут привыкнуть к новым именам и обращаются с ними как с генитивами: *Выхо-*

дите на Чудинцева? тогда как следовало бы на Чудинцевой. Интересно, что восприятию адъективной модели не очень способствует и лексикализованное наименование всемирно известной церкви *Спаса Преображения на Ильине*, то есть на Ильине улице – если речь идет о другом сооружении на этой улице, новгородцы говорят на *Ильина*. Другим средством исправить грамматику новгородцев могли бы стать таблички, в которых объясняется, что название *Чудинцевой улице* дали чудинцы – финно-угры, предки современных эстонцев, которые тут жили в летописные времена. Скажу еще, что специально этой проблеме городской речи – не только простых горожан, но и ведущих радио- и телепередачи, не говоря уже о водителях автобусов, объявляющих иногда остановки, – посвящены публикации в областной газете [160].

Еще одна проблема советской годоними – наличие в ней сложных наименований, нарушающих принцип наименования «один объект – одно слово»: Двадцать шесть Бакинских комиссаров – характерный пример таких наименований. Оказываясь неудобными для использования в устной речи, такие имена редуцировались если не до одного, то до двух слов. См. уже приводившийся пример: улица имени газеты «Красноярский рабочий» в Красноярске фигурирует в устной речи как *Красраб*.

Принципы удобства годонима должны быть сформулированы лингвистами и представлены в органы городской власти, регулирующие присвоение и смену имен, чаще всего это Топонимические комиссии при городских администрациях; опыт такого лингвистической работы см. [157].

Итак, грамматика улиц – один из первых, наиболее очевидных и наиболее тесно связанных с речевой культурой аспектов изучения этой части ономастискона.

Второй аспект изучения годонимии можно назвать **семантическим**. У годонима в принципе две семантические задачи: дифференцирующая – отличать свой объект от других; и информативная – сообщать о нем нечто. Первая задача – обязательна, иначе годоним «не работает», вторая факультативна, но желательна.

Исторически годонимия складывалась как система информативная: имена улиц служили как бы мини-путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях – главных городских ориентирах. Воспользовавшись данными их статьи [59], увидим: одни имена московских улиц начала XVII века информируют об их положении относительно церквей и монастырей – *Благовещенская, Ильинская, Сретенка*; другие сообщают о том, кто на них живет, – *Колач-*

ная, Конюшенная, Кормовая, Певчая, переулки *Оптекарский, Квасной, Кисельный*; трети ориентируют в пространстве вне города – *Тверская, Серпуховская*.

Подтверждают эту тенденцию и имена красноярских улиц XIX века, где находим не только *Вознесенскую*, но и *Тюремную, Гимназическую, Почтамтский переулок*, а также улицы *Большую, Узенькую, Песочную*.

Материал топонимии этих двух городов, по довольно очевидному предположению, типичный, дает возможность заключить, что информативные топонимы сообщают об именуемой ими улиц либо «где она», либо «какая она». Значит, их можно определить как ориентирующие и характеризующие. Ориентировать они могли относительно соборов, монастырей, торговых и учебных заведений, театра, бань и даже, как мы видели, тюрьмы. Характеристика же улиц, заключенная в ее имени, могла касаться ее размеров, ландшафтных особенностей, национальности и занятий жителей, в том числе по предметам, связанным с этой деятельностью: см. в Москве *Большая и Малая Грузинские улицы, Татарские переулки*, а также переулки *Молошной, Скатертный*.

Разумеется, информативный топоним выполнял и дифференцирующую функцию, она получает собственное воплощение только в Петербурге, где на Васильевский остров разделен не на улицы, а на линии, каждая из которых имеет свой номер: *9-я линия*. Эта система различения городского пространства не прижилась в России, хотя, как мы знаем, она действует в американских городах. Как вспомогательное средство нумерация применяется при наличии в городе ряда одноименных улиц: *10-я Парковая* в Москве или *26-я Рабочая* в Омске.

Советская топонимия не отвергла вовсе семантический принцип топонимии, поэтому в Красноярске есть такие улицы, как *Заводская, Мелькомбинатская, Карьерная* (имеется в виду не карьера, а карьер!), *Деповская, Фабричная, Складская, Лесопильная*. Однако этот принцип был явно отодвинут на второй план: даже не побывав в Красноярске, мы можем твердо сказать, что названные улицы не относятся к центральному, это индустриальные окраины города.

Потому что центральные улицы были переименованы в соответствии с принципом **семиотическим**. Это значит, что название улицы ничего не сообщало о самой улице, но информировало об основных идеологических ценностях государства, социально значимых реалиях.

О семиотическом подходе к ономастикону зарубежных городов писали более охотно [24]. Аналогичный подход к советской топонимии показывает такие результаты. Семиотический подход к называнию улиц осуществлялся в виде двух принципов – демонстративного и меморативного.

Топонимы-демонстративы вносили в городскую среду имена *Но-*

вая жизнь, Новая Заря, Красные Зори, Коммунизм, Диктатура пролетариата, Революция, Республика, Свобода, Мир (все эти имена присутствуют и сегодня в годонимии Красноярска). Демонстративный принцип казался советскому человеку естественным, так, журналист с радостью рассказывает о том, что в Париже есть «улицы Свободы, Равенства, Братства, Верности, Солидарности, Истины и Надежды» (Н. Попова // Советская культура, 13.05.1989).

Годонимы-меморативы призваны увековечивать имя исторического деятеля, тем самым быть средством хранения исторической революционной памяти. Годонимия города в результате превращается в городскую «доску почета» – она фиксирует имена и события, достойные того, чтобы храниться в общественной памяти. Понятно, что отбор имен для этой «доски» производится сквозь идеологический фильтр, что создает неминуемые катаклизмы для годонимии. Так, в Красноярске дореволюционный Театральный переулок стал сначала переулком Троцкого, а очень скоро – улицей Кирова. Главная улица города до того, как стать сегодняшним проспектом Мира, побывала Воскресенской, а затем улицей Сталина.

Если говорить о персоналиях меморативов, то следует отметить общесоюзный фонд и «свой» для каждого города. Последний составляют, прежде всего, уроженцы города, побывавшие в нем, так или иначе связанные с ним. Поэтому в Красноярске есть улица Сурикова (знаменитый художник родился здесь) и Гашека (бывал), а в Новгороде есть улица и бульвар Лени Голикова, прославившегося во время войны пионера-героя родом из Новгородской области. Знать тех, чьи имена названы улицы в городе, – значит быть своим в городе и считать город своим. В этом случае меморативность не исключает семантической: если улица носит имя того, кто на ней жил или работал, ее имя начинает нести реальную информацию об улице. В Красноярске 50 улиц из более чем 200 носят имена тех, кто так или иначе связан с городом, это делает его годонимию специфичной и информирующей, вносящей свой вклад в неповторимый языковой облик города.

Помимо персон, в годонимии стали увековечивать юбилеи. Так в Красноярске появились улицы 40 лет Победы, 60 лет Октября, 60 лет СССР и 60 лет образования СССР. В Томске была улица имени 300-летия присоединения Украины к России (не знаю, какова ее судьба сейчас).

Семиотика демонстративности и меморативности «отрывает» годонимию от именуемого ею города, делает все города похожими друг на друга – с обязательными улицами Ленина, Маркса, Гагарина...

Современная годонимия, как уже было сказано, сохраняет некото-

рые черты советской, но в разных городах соотношение советского и несоветского выглядит по-разному. Ряд городов пережил годонимические потрясения, вызванные возвращением улиц их старых имен. Из известных мне городов к ним относятся Москва, Петербург, Великий Новгород, Кострома, Ярославль, Елец... Значительность этих потрясений становится ясной, когда видишь, что в Ленинграде еще пришлось издать словарь переименованных улиц [19].

Последствия переименования лучше других мне видны на примере Великого Новгорода, обсуждению их уделялось место на одной из топонимических конференций [93; 87; 154]. Главное в этой ситуации состоит в том, что при переименовании улиц было принято компромиссное решение соединить старые (советские) и новые (возвращенные) имена на одной табличке.

В других городах эту проблему решили чисто технически: на доме помещают столько табличек, сколько имен имела улица.

В таких случаях, как, например, в Ярославле и Ельце, и историческая справедливость соблюдается, и принадлежность имен разным эпохам видна воочию.

Итак, на примере годонимии можно увидеть, сколько проблем встает перед исследователем языка города. Думается, каждый город заслуживает изучения его улиц и подготовки особого издания о них, потому что улицы города – это его зримая энциклопедия, это наиболее частотный фрагмент его звучащего словаря: сколько раз в день горожанин упоминает в своей речи названия улиц, рассказывая о своих передвижениях по городу, планах и воспоминаниях. Речевая культура города стала бы выше, если бы эти многочисленные упоминания были орфоэпически и грамматически верными, а, говоря об улицах, люди понимали бы смысл и историю их названий. Так можно обозначить социальную задачу изучения и описания годонимической части городского ономастикона.

Не имея возможности с такой же степенью подробности рассмотреть другие его части, отмечу только, что наиболее интересная и будоражающая его часть – имена торговых заведений, для которых был предложен (Е.В. Широной) термин *эмпороним* – от греческого *эмпория* 'торговля' [201, 159]. Надо отметить, что владельцы магазинов проявляют фантазию и лингвистическую подготовку, не только подбирая для своих заведений интересные слова, включая иноязычные, например, ШУЗ [205], но и сооружая новые слова, как ДЖИНСОДРОМ или МЕБЕЛЬВИЛЬ в Великом Новгороде. По моим наблюдениям, сейчас наиболее интересные в лингвистическом плане вывески украшают магазины обуви (ВАША ПАРА, ИДЕАЛЬНАЯ ПАРА, ШАГ

НАВСТРЕЧУ) и рыболовных принадлежностей (КЛЁВОЕ МЕСТО, ЩУКАРЬ, СУДАЧОК, РЫБИЙ ГЛАЗ). Собрание эмпоронимов могут быть представлены в рекламных изданиях, как, например, журнал «Сибирский покупатель от А до Я», № 2 за 2006 год я купила в Новосибирске и активно использую для поиска материалов о сибирской эмпоронимии и тенденциях развития языка городской среды вообще [205 и ряд статей в печати].

3.2. Терминологическая лексика городской среды изучается в меньшей степени, хотя есть работы этого типа исторической направленности [41].

В самом общем виде можно сказать, что интенсивные поиски нового и эффектного затрагивают и эту часть городского лексикона. Так, мало вероятно, что, открывая новое торговое заведение, его владелец вынесет на его вывеску банальное МАГАЗИН, скорее это будет ГАЛЕРЕЯ, СТУДИЯ, САЛОН, БУТИК...

Поиск новых номинаций для жанра заведения – один из способов обратить на него внимание, это маленькая рекламная акция или рекламный трюк. Так, заурядная мастерская, где новгородец привык видеть *Ремонт обуви*, останавливает вывеской *Клиника для обуви* – значит, поиск небезуспешен.

Терминологические словарики терминов городской среды с историческими комментариями могут стать интересными путеводителями по городу, который в отвлечении от имен собственных городских объектов может рассказать о том, как «кроится» городское пространство и каков «жанровый состав» городских заведений.

Завершая обзор возможностей лингвистического изучения городской среды, следует обратить внимание на два прикладных аспекта, которые по реальной значимости для реальной культуры города не уступают обсуждаемому теоретическому.

Первый аспект – языковой политики, в которой, на мой взгляд, лингвисты должны принимать самое активное участие, например, в составе Топонимической комиссии или в дискуссиях, которые в прессе и в Интернете время от времени вспыхивают по поводу городских именовании. При этом у лингвиста должна быть полная информация и внятная профессиональная позиция. В Красноярске накоплен опыт сотрудничества с городскими властями в этом плане, он может быть полезен для других городов [100, 98].

Второй я обозначила бы как дидактический. В самом деле, городскую среду можно воспринимать как большой и ненавязчивый УЧЕБНИК. Работая на педагогическом факультете, мне удалось подготовить серию дипломных работ с общей идеей «городская среда как учеб-

ник» на материале онимов Великого Новгорода. По материалам одной из них опубликована статья, где представлен подход к городской среде как учебнику географии [2], другие представляет материал для такого изучения словесности – жанровой терминологии, персонажей литературных произведений (А. Неволлина, 2005 г.), истории (Л. Мозгалева, 2004 г.), иностранных языков (И. Потехина, 2006 г.). Если дипломные исследования имели в виду младших школьников, то популярные статьи в газетной рубрике «Город в лингвистических зеркалах» призваны просвещать взрослых читателей. На дидактические возможности языка города обращалось внимание неоднократно, см., напр. [94].

Язык городского быта

Эта часть городского лексикона менее броская, и может быть, поэтому привлекает меньше внимания лингвистов. Тем не менее, можно обратить внимание на то, что собран материал по разным сферам городской жизни, каждая из которых обладает своим специфическим словарем и речевым этикетом.

Из таких сфер изучены в разной степени городской транспорт [45, 44; 92; 85] и рынок [89]. Разумеется, могут быть изучены и ждут своего исследователя парикмахерская и сауна, дискотека и аптека, школа и детский сад...

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что современный быт – и домашний, и городской – стремительно меняется, становясь фактором постоянного обновления языка. Не говоря уже о моде, которая вносит одни, исключает другие словечки в городском лексиконе.

Итак, учитывая все сказанное о развитии трех направлений изучения языка города, обозначенных в проекте «Словарь города», попытаемся оценить опыты лексикографического описания города, которые можно назвать городской лексикографией, неизбежно сопоставляя имеющиеся словари с задуманным 20 лет назад.

4. ГОРОДСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Говорить о городской лексикографии позволяет тот факт, что мы располагаем уже серией словарей, описывающих лексикон одного города; опыт анализа этого направления современной лексикографии см. в [206]. Надо сказать, что все эти словари не похожи друг на друга, что позволяет смотреть на них как на поиск путей лексикографического осмысления города.

В первом из таких словарей оказался зафиксированным язык **Москвы** [26]. Как видно из названия словаря, в нем представлена устная

стихия неофициальных номинаций, связанных в первую очередь с мужским бытом и время препровождением.

Объем словаря (700 стр. – 8 000 слов, 3000 идиоматических выражений) впечатляет. Достоинно удивления, что такой компендиум стал результатом работы одного человека. Вместе с тем словарь косвенно показывает, как огромен объект в целом – если таковы очертания его весьма ограниченной, хотя и вездесущей составляющей – арготической лексики.

О том, что создание словаря потребовало теоретической разработки ряда вопросов общекультурного масштаба, говорит вышедшая вслед за ним научная монография автора [Елистратов 1995].

Десятилетие спустя выходит в свет аналогичный по типу словарь Пскова, хотя его авторы предпочитают термин сленг [74]. Оказывается, что в небольшом Пскове арготических словечек около двух тысяч! Они-то и составляют собственно словарь (С. 32–316). Читая его, ловишь себя на ощущении, что в этом городе сленгом охвачено ВСЕ. У каждой улицы есть сленговое название, а иногда целый букет: Льва Толстого – *Толстуха, Толстушка, Львица, Львуха*; Карла Маркса – *Карлуха, Карлуша, Карлушка, Кырла-Мырла, Папы Карло*. Кроме улиц, чести иметь сленговое имя удостоены кафе и прочие питейные заведения, магазины, институты, гостиницы, детские сады... Даже часовни. Но чемпионом по числу таких имен, кажется, следует признать памятник Ленину: ему в словаре посвящено больше десятка статей (а в каждой из них есть варианты названий): *Вова, Вова, прячуций зарплату от Крупской, Вова-педик* (имеется в виду соседство с педуниверситетом), *Вова-цветовод, Вован, Вовка с кепкой, Вовчик, Владимир Ильич Телевизорсмотрящий*... Рядом с каждым из этих имен лексикографы ставят помету «шутл.»: так, мол, псковичи шутят. И дают примеры включения в речь таких имен: *Здесь не пройдете, у Вована малого пенсы бастуют* (пенсы – это пенсионеры).

Это впечатление подтверждается второй частью словаря – «Неформальный справочник туриста», где по типам городских объектов – начиная с «Кафе, баров, ресторанов, ночных клубов» и заканчивая «Школами и образовательными центрами» – перечисляются официальные наименования и их сленговые эквиваленты. Например, район города *Корытово* в сленге именуют *Зататуркино, Копытово, Корыто, Корытка, Корытов-сити, Рио-де-Корытово, Разбитово-Корытово, Разбитое Корыфтово* (С. 347). Конечно, не имея представления о городе (хотя можно посмотреть карты, любезно предоставленные авторами, но речь идет о погружении в городскую историю и мифологию), трудно понять, насколько мотивированы сленговые наимено-

вания и зачем их такое количество, даже сомнительно, чтобы горожанин держал в голове такой ряд переименований. Но другие – школа № 7 – *семера*, а № 23 – *двадцатьтреха*, *двадцатьтрюльник* – воспринимаются без вопросов. Прочитав словарь, представляешь себе Псков как город карнавальная культуры, а псковичей как больших шутников и остроумцев.

Как сленг преподносится и неофициальная топонимия Севастополя в [121]. Этот словарь представляет собой не отдельное издание, как предыдущие, а входит как часть Путеводителя по городу, напоминая Неформальный справочник туриста псковского словаря, но содержит, построен по обратному принципу: в нем толкуются сленговые слова, при этом дается более подробная информация об объекте, а не только отсылка к официальному наименованию. Правда, в обоих описаниях для туриста нет ударения, но читатель псковского справочника может обратиться к основной части словаря, где ударения есть, а приехавшему в Севастополь, видимо, ударения не нужны, потому что он слово сначала услышит, а потом станет искать, что же оно значит.

Хотя данные севастопольского словаря по числу данных уступают псковскому, они предьявляют образцы стремления к удобству и южного остроумия. Первое проявляется в обилии аббревиаций, что вообще-то не характерно для устной речи: *Примбуль* (Приморский бульвар), *ПОР* (проспект Октябрьской революции), *Цэ рынок* (Центральный рынок). Второе можно увидеть, напр., в урбонимах типа *Остряки* – ‘местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пр. Ген. Острякова’ или *Масики* – ‘монтажные блоки мола в порту в Камышовой бухты в *Камышах*’.

Совсем иначе выглядит словарь **Петербурга** [118]. Это описание менее лингвистично, если можно так сказать, оно более связано с культурой города, его специфическими реалиями. Показательно, что он разделен на две части – «Петербургский лексикон» и «Петербургские поговорки», где систематизированы разнообразные воспроизводимые в городской жизни речения. Обращение к этому слою городской речи кажется весьма привлекательным и перспективным в плане развития лексикографии города. Подготовленный известным знатоком истории и культуры города, этот словарь в качестве читателя предполагает не лингвиста, а культурного горожанина, интересующегося своим городом.

Он более историчен, представляя Петербург не только нынешний, но и времен минувших – настолько, насколько это запечатлелось в городском слове. Именно поэтому в некоторых статьях указаны хроно-

логические рамки, напр., **ТУЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ**. *Середина XIX века*. Так в Петербурге назвали жителей Васильевского острова (С. 184).

Список источников показывает, что автором язык города мыслится не только как устная стихия, но и как то, что зафиксировано в разнообразной городской литературе – от путеводителей до мемуаров, включая многочисленные статьи из прессы, где проблемы городской культуры обсуждаются часто и глубоко.

Таким образом, можно сказать, что в Петербурге сложился совершенно особый, на солидной историко-культурной основе словарь города. Возможно, ему не хватает, дыхания живой речи, что могли бы создать иллюстративные материалы в статьях к словам и выражениям.

Раздвигает географические границы лексикографии города словарь **Омска**. Изданный в Москве, в названии он не содержит прямого указания на конкретный город на титуле, но о региональной принадлежности говорится в первых же строках «Предисловия» [122].

Понятно, что именно этот словарь привлекает мое пристальное и, признаюсь, ревнивое внимание. Что же показывает знакомство с ним? Это издание ближе к диалектологическим словарям, здесь явно воплотилась идея «городской диалектологии»: алфавитный порядок расположения лексем, иллюстрации даются в транскрипции, что отделяет их от «рядового читателя», но прибавляет лингвистической достоверности, ссылки на словари или отсутствие в них описываемой лексемы напрямую соотносят издание с отечественной лексикографической традицией.

Правда, надо сказать, что собственно омская специфика просматривается с трудом. Предлагается принять точку зрения, что примерно таков любой современный город, но поверить в это трудно. Словарь не берется описать весь городской лексикон, а избирает его просторечный слой, и при этом придерживается позиций Бодуэна де Куртенэ, проявившихся в переиздании словаря Даля: грубая и даже непристойная лексика занимает в нем свое место.

С этих же позиций представлена стихия городской речи в словаре [138], материал которого формировался «от противного» – отсутствия в словарях, а не для отражения речи города, тем более конкретного. Между тем он представляет городскую речь – в ее устном бытовании и «осколочном» отражении прессой и литературой. Материалы словаря являют нам «просторечие как культурный феномен», теоретическое осмысление которого изложено автором в монографии, вышедшей до словаря [140].

Кроме того, мне известно о существовании словаря фирмонимов в **Кирове** [132] и рецензии на него в «Новом литературном обозрении»

(№ 34, с. 411) и «Знамени» (№ 11/1998), но с самим словарем познакомиться, к сожалению, не удалось.

Итак, названы словари, существование которых говорит о том, что сформировалась новая область отечественной лексикографии – лексикографии города, или городская лексикография. Каждый из них заслуживает отдельного анализа, еще более интересно их сопоставление, что невозможно в рамках этой работы. Попытаюсь только сформулировать выводы, касающиеся осмысления проекта «словарь города», о котором шла речь в начале статьи.

Прежде всего, необходимо отметить, что язык города сегодня – признанный лингвистический объект, чему способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, в ряде городов исследования городского языка начались с публикацией наблюдений и обобщений. Стоит указать и на то, что внимание к языку города и его лексикографическому описанию проявляют лингвисты и других стран, см. напр., польские публикации [223, 222].

Во-вторых, существование языка города доказано и ретроспективно, например, по отношению к Петербургу и Москве [54, 27]. Это означает, что проблема лингвистического осмысления города имеет как синхронный, так и диахронный аспекты.

В-третьих, вопрос о необходимости «целенаправленной регионально-словарной работы» [4, с. 181] ставится все более настоятельно. При этом приобретает все более ощутимую важность осмысление реального опыта лексикографического описания языка города на примере Москвы, Петербурга, Омска.

Нельзя отнести к общепринятым наименования этого лексикографического жанра – словарь города, регионализмов, локализмов, городского арго или сленга, городского койне? Обсуждение общих принципов городской лексикографии еще предстоит, пока еще полемика касается отдельных примеров или способов толкования слов. Будущие дискуссии, как кажется, откроют глубину ее проблем.

На сегодняшний день, как мы видим, лексикографически описаны «нижние» слои городской языковой жизни – просторечие, арго, жаргонизированная речь. Они с большей охотой фиксируются, поскольку составляют экзотический лингвистический объект и их описание восполняет лакуны русской лексикографии. Говоря о языке города в зеркале современных городских словарей, приходится заключить, что это «вид снизу». Хочется думать, что это издержки периода первоначального накопления лексикографического опыта. Ведь сегодня ясно, что язык города – это не только язык улицы и криминализованной молодежи.

Наконец, хотелось бы сформулировать два отношения лингвистов к словарю. Первое сводится к тому, что словарь города представляет итоги исследования городского языка; второе – к тому, что словарь это фиксация материала, с которой может начаться его исследование [43, с. 18]. Именно в этом можно видеть одну из причин «несозданности» словаря Красноярска и появления словаря Пскова, Омска. Иначе говоря, эти два подхода можно обозначить как финишное и стартовое. Какое из этих отношений к словарю более «правильное», судить не берусь, но то, что они имеют место, факт.

Что касается нашего проекта, то сегодня кажется целесообразным, не дожидаясь, когда будет готов весь словарь города, издавать разные по объему *словарики*, из которых, как из камешков, сложится мозаика городского лексикона. Теоретически рассуждая, можно предположить, что в каждом городе должны быть такие словари: **Городской ономастикон**, который также может быть рассыпан на Словарь улиц, Словарь фамилий и т.д. [169]; **Словарь обыденной лексики**; **Словарь городского просторечия** (для Омска он издан); **Словарь сленга** (изданы для Москвы и Пскова); **Городской афористикон** (его общероссийский вариант – [8]); **Словарь культурных реалий** (в качестве прецедента могу назвать такой словарь польского города Быдгощ [221]; корпоративные и словари. Отмечу на полях, что в Великом Новгороде, где начата работа над ономастиконном, подготовлены словарики городских имен собственных географической семантики [2], литературной, готовится словарь иноязычной части городского ономастикона.

В целом можно сказать, что городская лексикография стимулирует расширение внимания к языку города, о чем надо сказать особо.

Внимание к языковой жизни города в последние двадцать лет нарастает, но это не просто поступательное движение, а существенное расширение сферы внимания, что приводит к переосмыслению города как объекта научного исследования. Незаметно, но неотвратимо мы переходим от взгляда на город как на словарь к пониманию города как риторического пространства, города как текста и как особой семиосферы, если воспользоваться известным термином семиотики [65]. Поэтому сегодня можно говорить, что наряду с изучением языка города сформировались и развиваются **городское речеведение, городская словесность и семиотика города.**

Высказываются мысли о необходимости разрабатывать особую науку о городе – лингвистическое градоведение [97] или урбанолингвистику [129, с. 507] (я бы предложила лингвоурбанистику). Однако пока такая наука остается в области проектов и обсуждений, будем говорить о тех названных направлениях в изучении города, которые проглядывают из тематики конкретных работ.

5.1. ГОРОДСКОЕ РЕЧЕВЕДЕНИЕ

Речеведением города (о речеведении см.: [181]) можно назвать такой подход к нему, который предполагает взгляд на город как на коммуникативное пространство [57; 48; 49; 50; 97; 84; 14]. Интерес лингвистов в таком случае направлен преимущественно на речь – анализ ситуаций общения (очередь, касса, рынок), речевого поведения горожан, жанрового состава коммуникации, диалог власти и горожан). Исследователи отмечают в современных городских коммуникациях усиление двух начал – личностного, или персонификации, и карнавального [52, с. 347].

Такой подход можно воспринимать как естественное продолжение внимания к слову, только к слову не изолированному, а в составе речевых произведений, которые имеют хождение в городском общении. Так, новгородскую присказку *обошли Русу и Ладогу*, что значит в разных местах, повсюду мне приходилось слышать от знатоков истории города, диалектологов [117] и школьников. А красноярскую формулу упрека *Ты чо такой-то?* восприняла поначалу как остроумную находку собеседника, а затем слышала десятки раз в самых разных ситуациях и грамматических формах, в том числе и *Вы чо такие-то?* при обращении даже к незнакомому человеку. Такого рода формы городского красноречия могут быть собраны и систематизированы, как это сделано словаре петербуржца.

Реальность лингвистических исследований такова, что изучаются либо отдельные сферы городской жизни [45; 85] и отдельные жанры в них [108], либо общение отдельных корпораций горожан [95; 96; 115].

О популярности такого рода тем говорит, например, такой факт, что в Красноярском университете в 2005 году среди лучших дипломных сочинений отмечены: «Речевое поведение промоутера (на материале общения рекламных агентов в Красноярске)» Л.А. Карелиной и «Языковая игра в рекламных слоганах» Н.А. Парфенюк (науч. рук. доц. Л.З. Подберезкина); «Речевой жанр объявления о знакомстве: опыт лингвориторического исследования» Е.А. Гагарской (науч. рук. проф. А.П. Сквородников); «Речевой жанр объявления об оказании интимных услуг: опыт риторического анализа» Н.А. Емелиной (науч. рук. доц. Г.А. Копнина).

Занимаясь проблемами речеведения в его разных аспектах, я вижу одну из перспектив его развития в таком направлении, как городское речеведение.

ГОРОДСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И СЕМИОТИКА ГОРОДА

Подходя к городу как особому пространству, в котором постоянно совершается великое множество коммуникаций, выбрасывая в городскую среду массу текстовой продукции, понимаешь, что язык города – это «конденсат» городской словесности, ее верхний слой и одновременно путеводитель по всем ее магистралям и закоулкам [12; 155, 181].

Подходя к городу как тексту, можно увидеть такую черту городского текста, которую можно было бы назвать «мультийнность»: при его характеристике неоднократно придется обращаться к популярной сейчас морфеме *мульти*.

Начать можно с **мультифактурности** городского текста, наиболее очевидного его свойства. Понимая под фактурой текста способ его материализации [109, с. 8; 153, с. 305], трудно не согласиться с тем, что потенциально мультифактурен любой текст: устный фольклорный текст может быть записан, передан по телефону, радио или телевизору, с другой стороны, любому письменному и печатному тексту не заказано устное существование, он может быть «озвучен», как теперь принято выражаться в политических сферах.

Особенность городского текста можно обозначить как обязательную мультифактурность: он существует одновременно в виде устной городской стихии и письменности городской среды, библиотеки литературы о городе и городской прессы, городского телевидения и Интернет-страниц. Некоторые его фрагменты дублируются в разных (в предельном случае – во всех) фактурах, некоторые закреплены за одной или несколькими фактурами.

Второй можно назвать **мультикодовость** городского текста, понимая код и лингвистически, и семиотически. Языковая мультикодовость, или многоязычие современного города, о котором уже приходилось писать, видна, что называется, не вооруженным глазом: в пространстве города сосуществуют «язык родных осин» и американские бренды, немецкие надписи и французские рекламы. Ощущение многоязычия усиливается тем, что даже родной язык выступает в городском тексте во множестве стилей, шрифтов, орфографий. Семиотическую мультикодовость так же трудно не заметить: помимо вербального, собственно языкового воплощения, городской текст воплощается в пространственных формах – ландшафте, геометрии улиц и площадей, архитектуре и скульптуре, живописи настенных изображений и реклам в витринах.

Таким образом, выявляется множество кодов по характеру их восприятия, соединяющихся в тексте города:

- **визуальный**, в котором объединяются пространственные и языковые элементы, линия, краска, буква;
- **звуковой** (хотя лучше было бы *аудиальный*, ср. научный термин *аудивизуальный*), где звуки языка «вплетены» в массу иных звучаний города от марша духовых оркестров до воя сирен пожарных машин;
- **одорический**, который составляют запах моря и цветущей акации, вонь пивных и помоек;
- **температурный** (жар раскаленного асфальта, холод скованных морозом площадей);
- **тактильный** (ощущение брусчатки под ногой, гладкость мраморных ступеней).⁶

Можно сказать, что каждый город как текст вырабатывает собственную оптику, акустику и, если можно так сказать, одоратику, температуру и тактику, но существует постольку, поскольку кто-то воспринимает его всеми чувствами.

Иначе говоря, для города текстогенной фигурой оказывается адресат, а не автор, как для классического текста, где автор первичен, а адресат при всей его активности вторичен.

Это важно учитывать при рассмотрении следующей характеристики города как текста – его **мультиадресатности**. Задаваясь вопросом, кто же читает этот грандиозный текст, мы должны заключить, что это – каждый горожанин. Каждый, кто присутствует в городе, не может не быть его читателем/слушателем, это обязательная часть городского существования. Обязательная, но редко отмечаемая, слабо от-рефлектированная. Можно сказать, что это бессознательное чтение, если только оно не доставляет каких-то болезненных ощущений.

Горожанин растет как читатель своего города, и старшие его – первые филологи, если понимать филологию как «службу при тексте» – учителя, переводчики, интерпретаторы. Каждый может вспомнить адресатный дискомфорт (если не ужас) в незнакомом городе, где ты ничего не понимаешь. Знакомство с городом – это приобщение к его тексту, вхождение в него, освоение его оптики и акустики.

Итак, читатель – каждый. Потенциально. И вот здесь в городской коммуникации возникает проблема: текст есть, но вокруг него может создаваться ситуация причастности/непричастности к его функционированию.

Во-первых, восприятие городского текста все-таки дело добровольное, можно смотреть и не видеть, слышать и не слушать, не относить к себе, то есть собственно адресатом не становиться, оставаясь наблю-

дателем (на это обращено внимание в [Новоженова 2000]).

Во-вторых, не всякий горожанин может прочитывать текст города во всей его полноте.

По степени причастности горожан к чтению текста своего города в нем можно выделить четыре информативных слоя, представив их как разные жанровые образования в составе городского текста.

Для называния первого из них хочу воспользоваться польским словом *Elementarz*. Это часть городского текста, в которой собраны самые важные, основные, элементарные сведения о данном городе. Так или иначе, эта часть городского текста, с которого начинается знакомство с ним, читатель которого – самый массовый, практически все жители города.

Второй информативный слой назовем *Лексикон, или словарь города*, он включает большой объем информации, но открывается, например, для новосела постепенно, со временем, здесь информация об актуальном состоянии города и его истории в устном изложении горожан и преданиях, городском фольклоре. Читатель и пользователь этой части городского текста также массов, но это не столь обязательно, не столь поголовно, можно сказать. Здесь все зависит и от внимания горожанина, его любознательности.

Третий и четвертый информативные слои городского текста отличаются от первых двух тем, что круг их адресатов – уже, это либо профессионалы, например, архивисты, историки, работники городского самоуправления, либо любители и знатоки истории и культуры города. Для названия этих информативных слоев возьмем слова *Энциклопедия* и *Мифология*, предполагая, что в первой сосредоточена реальная информация, а во втором вымышленная – начиная от легенд о заложении города и включая художественные произведения, особенно оказавшиеся «текстогенными» для данного города.

Анализ городского текста с позиций адресата позволяет увидеть и несколько линий дифференциации городского текста.

Первая из них противопоставляет *актуальную* часть городского текста, в которой, как правило, располагаются *Элементарж* и *Лексикон*, и *память* города как текста, которую составляют *Энциклопедия* и *Мифология*. Стоит напомнить, что читатели последних, становясь авторами, постоянно стараются продвинуть информацию из них в первые два и сделать ее достоянием широких слоев городской общности, используя в первую очередь печать и книжные издания.

При этом продвижении происходит дифференциация собственно текста города и *метатекста* – той его части, которая служит объяснению собственно текста, помогает адресату его понять, сообщая нужные сведения о кодах и референтах. Главнейшие из жанров городского

го метатекста – путеводители, справочники, телефонные книги... К нему же относится любой рассказ о своем городе для приехавшего или инструкция в ответ на вопрос «как добраться?». Визуальная часть метатекста – дорожные указатели, вывески с названиями улиц и учреждений, карта города, открытки с видами ключевых мест города, задающие для горожанина оптику восприятия города – что в нем надо смотреть и видеть.

Наиболее сложен по отношению к городу как тексту и вопрос об авторе. Дело в том, что город «перемалывает» тексты множества реальных авторов, превращая их в анонимов, а анонимность давно зафиксирована социологами как важнейшая черта городской жизни. При этом город не просто «низвергает» авторов, но порождает новое авторство, заставляя читать себя, выступая как автор собственного текста. Характерно в этом отношении замечание В.Н. Топорова о том, что он «старался не упустить возможности прислушаться к тому, что город говорит о самом себе» [134, с. 452]. Разумеется, в отношении авторов городской текст обнаруживает дифференциации и противопоставления: четко различаются официальные и неофициальные стихийные «слои» городского текста, часто они проникают друг в друга, но еще чаще находятся в отношениях взаимной полемики, даже в пародийных отношениях. Феномен неофициальной письменной речи современных горожан – граффити – в последнее время привлекает все большее внимание с самых разных позиций.

Можно сказать, что авторство городского текста определяют действующие одновременно разнонаправленные тенденции – деперсонализации/анонимности и персонализации, последняя проявляется как в стихийных надписях-отметинах «Здесь был Вася», так и в наименованиях магазинов по имени хозяев «У Иванныча», «Георгий» (см. также [84]). Все это позволяет признать город текстом **мультиавторским**: в него вписаны тысячи строк многими поколениями горожан, многими знаменитыми и безвестными его жителями.

Наконец, приходится признать город как текст **мультидискурсивным**: он образуется серией дискурсов как объединений реальных текстов одной тематической направленности/приуроченности, проходящих сквозь время и разные пространства воплощения городского текста (оставляю в стороне вопрос о толковании термина дискурс, полагая, что предложенное укладывается в широчайшие рамки имеющихся толкований). В составе разных дискурсов может оказаться множество разных реальных текстов – от надписи на вывеске до художественных произведений.

В этом отношении текст города также обнаруживает дифференцированность: в нем есть дискурсивные *константы* – ономастический,

транспортный, торговый дискурсы – и дискурсы, возникающие и пропажающие (*мерцающие?*) – праздничные или возникающие по случаю – пасхальный, рождественский, юбилейные, связанные с важными визитами или трагедиями.

Помимо характера их присутствия в городе, можно увидеть и другие основания иерархии городских дискурсов; так, самым репрезентативным и цементирующим весь городской текст является **ономастический** дискурс. Он открывает текст города буквально – при въезде в город любым путем (отсюда журналистский штамп – *вокзал визитная карточка города*). Он включает в себя самые частотные слова городского лексикона, повторяющиеся не только во множестве текстов, но и во множестве городских имен. Он и за пределами города репрезентирует его наиболее часто и доступно.

Все остальные дискурсы не могут не пересекаться с ономастическим, в чем и проявляется его цементирующая роль.

Итак, город как текст характеризуется мультифактурностью, мультикодностью, мультиадресатностью, мультиавторством и мультидискурсивностью.

Многократная мультитийность не исключает существования городского текста как целостности со своей оптикой и акустикой, цементируемой прежде всего пространством города, локализованностью в городской среде. При всей индивидуальности положения в пространстве и судьбы городов, в организации их текстов существуют определенные традиции. Так, принцип организации европейского города – рынок и расходящиеся от него улицы, а русского – центр (укрепление, кремль, острог) и слободы вокруг него. В любом советском городе центральная улица носила имя Ленина, а Розы Люксембург – непременно окраинная. Знание этих общих текстообразующих моментов, конечно, входит в опыт горожанина и помогает ему быть читателем своего и чужого города.

Отметим тенденцию городского текста выходить за пределы своего пространства, формирования своего текста в культуре страны/континента/мирового сообщества. Это оказывается особой привилегией города, которая достается отнюдь не каждому, в России это, прежде всего, Москва и Петербург [133; 10; 91; 215; 53; 137; 1]. Однако каждый город стремится закрепить за собой, по крайней мере, некий особый знак, из которого может вырасти миф/текст в культуре.

Нельзя не обратить внимания на принципиальную *незавершенность* городского текста. Во-первых, его дискурсы постоянно пополняются, некоторые ежедневно, кроме того, он может «открывать» новые сюжеты, мотивы и актуализировать старые, находящиеся в

памяти. Во-вторых, он находится в состоянии постоянной редактуры и корректуры, к которым следует отнести и ремонт фасадов с обновлением декора, и сооружение одних объектов на месте других и переименование как самих городов, так и самых разных городских объектов (на это свойство города обращает внимание Паперный [91, с. 145]). Таким образом, у города как текста нет и не может быть канонической редакции, есть только действующая в текущий момент и множество ей предшествующих, представляющих разную степень интереса для современных жителей.

Об объективности текстовой ипостаси города говорят отношения **интертекстуальности** между разными городами, многочисленных цитат из одних городов в тексте других. И речь не только о таких очевидных фактах, как имена-цитаты, а о более существенных градообразующих моментах. Так, известно, Петербург был задуман и осуществлен в режиме интертекстуальности с Римом. Впрочем, Рим следует признать самым «цитируемым» городом в европейской культуре: многие города Европы, например, включают в свое пространство площадь для военных парадов – Марсово поле.

Петербург же интертекстуально связан не только с Москвой, но и с Новгородом [63; 10, с. 148]. Сам он стал «прецедентным текстом» для многих русских городов, например, Красноярска, Норильска, Железногорска...

ИТОГИ

Итак, все изложенное должно убедить читателя в том, что язык города как объект внимания гуманитарной науки состоялся и продолжает закреплять за собой эту роль. Едва ли не в каждом большом городе есть лингвисты, публикующие материалы с наблюдениями над речью своих земляков, помимо Красноярска и Новгорода, о которых в первую очередь шла речь, это Севастополь, Саратов, Челябинск, Лесосибирск, Ачинск, Киров, Псков, Омск, Элиста... [145; 120; 113; 114; 82; 143; 90; 121]. Все эти опыты, о многочисленности которых говорит Библиография, позволяют извлечь некоторые уроки.

Главный, как представляется, состоит в том, что язык города – сложный лингвистический объект, в изучении которого все обозначившиеся подходы не просто возможны, но обязательны. В перечислении этих подходов видна стратегия усложнения объекта: слово '! текст '! семиотические механизмы '! принципы культуры.

Такой путь проходит исследовательская мысль, двигаясь от наблюдения (слово городской среды) к выявлению контекста его существования (совокупность городских текстов, или городская словесность),

а затем к пониманию его значимости и отношения к действительности (семиотика и культурология).

Ни минуты не сомневаюсь в том, что каждый город должен быть предметом лингвистического внимания, изучения, описания. Лыщу себя надеждой, что написанное поможет кому-то проникнуться важностью этих задач и получить импульс к их решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь, 2000. – 404 с.
2. Анишина Л. Городская словесность как учебник: география // Первые шаги в науке. Вып. 1. – Великий Новгород, 2004. – С. 14–18.
3. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 тысяч этикетных слов и выражений. – М., 2004. – 681 с.
4. Беликов В.И. Задачи социальной лексикографии // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и мат-лы II Международного конгресса исследователей русского языка. – М., 2004. – С. 181–182.
5. Березуцкий И.В. Возможности номинативной политики в названиях торговых учреждений (на материале эмпоронимов Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. – Красноярск – Ачинск, 1998. – С. 30–32.
6. Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слова на вывеске // Русская речь. – № 3. – 1968. – С. 49–56.
7. Быков В. Русская феня. – Смоленск, 1994.
8. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб., 2005.
9. Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: ок. 5000 слов и выражений. – М., 2005. – 360 с.
10. Ванчугов В. Москвософия и петербургология. Философия города. – М., 1997.
11. Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород, 2005.
12. Венедиктова Т. Город как дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – № 3. – 2004.
13. Вепрева И.Т. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет», или О мифологизации имени города // Научные труды профессоров Уральского ин-та экономики, управления и права. Вып. 3. – Екатеринбург, 2005.
14. Вепрева И.Т. Человек в коммуникативном пространстве Екатеринбурга // Антропотекст – 1: Сб. статей / Отв. ред. Л.Г. Ким. – Томск, 2006. – С. 42–51.
15. Вертышева И.Г. Городские номинации в историческом аспекте (на материале г. Новокузнецка) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. – Красноярск, 2000. – С. 142–146.
16. Высотский С.С. О московском народном говоре (1972) // Городское про-

сторечие: Проблемы изучения. – М., 1984. – С. 22–37.

17. Географические названия в Москве // Вопросы географии. – № 126. – М., 1985.

18. Герд А.С. Жаргонология: предмет, аспект и типы единиц // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию В.М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 614–621.

19. Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика / Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. – Л., 1990. – 160 с.

20. Городское просторечие: Проблемы изучения. – М., 1984.

21. Добродомов И.Г. Город *Коломна* (топонимический этюд с историко-ведческими экскурсами) // Топонимия России. – М., 1993. – С. 55–73.

22. Дьяков А.И. Англоязычные варваризмы в языке города // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1. – Красноярск, 1999. – С. 113–120.

23. Дьячок М.Т. Солдатский быт и солдатское аргю // Russistik Русистика. – № 1. – Берлин, 1992. – С. 35–42.

24. Егорова Т.П. Название улиц в семиотическом аспекте общности стилей на материале скандинавских и английских урбанонимов // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М., 1988. – С. 112–119.

25. Елистратов В. С. Аргю и культура. – М., 1995.

26. Елистратов В. С. Словарь московского аргю (материалы 1980–1994). – М., 1994.

27. Елистратов В. С. Словарь языка старой Москвы. – М., 1997.

28. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общ. рук. Р.И. Розиной. – М., 1999.

29. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. – Пермь, 2005.

30. Ерофеева Е.В. Взаимоотношение идиомов в социуме и идиолекте // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2006. – С. 197–206.

31. Ерофеева Е.В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. – Пермь, 1997.

32. Ерофеева Т.И. «Речевой портрет» говорящего // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990.

33. Ерофеева Т.И. Нормы устной городской литературной речи в социолингвистической интерпретации // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2006. – С. 206–214.

34. Ерофеева Т.И. Опыт следования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). – Свердловск, 1991.

35. Ерофеева Т.И. Современная городская речь. – Пермь, 2004.

36. Ерофеева Т.И. Социальная стратификация речи горожан // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1993. – С. 83–92.

37. Живая речь уральского города: Тексты. – Екатеринбург, 1995. – 206 с.

38. Закирова А. О чем говорят камни. Интервью с Л. Подберезкиной // Городской формат. Красноярск, август 2006. – С. 66–68.
39. Иванов Е. Меткое московское слово. – М., 1989.
40. Игнаткина Л.В. Из речевых портретов русских городов (социолингвистический этюд) // Живое слово в русской речи Прикамья: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1993. – С. 77–82.
41. Кадаш Т.В. Годонимические термины Красноярска конца XIX–начала XX века // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. – Красноярск – Ачинск, 1998. – С. 32–33.
42. Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Лексика города (К постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 282–295.
43. Кестер-Тома З. Сферы бытования русского социолекта // Russistik. Русистика. – № 1–2. – Берлин, 1994. – С. 18–27.
44. Киселева Л.А. Вариативные наименования остановок городского общественного транспорта (на материале Красноярска) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 4–5. – Красноярск, 2003. – С. 150–155.
45. Киселева Л.А. Общение в городском транспорте (на материале Красноярска): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Новгород, 1997.
46. Киселева Л.А. Ономастикон красноярского транспорта // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. – Красноярск – Ачинск, 1998. – С. 33–34.
47. Китайгородская М.В. Еда в зеркале московских вывесок // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7. – № 1. – С. 55–76.
48. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. – 1994. – № 2–3. – С. 45–47.
49. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – М., 1999.
50. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – 2-е изд. – М., 2005.
51. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М., 1995.
52. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX века (1985–1995). – М., 1996. – С. 345–383.
53. Козубовская Г.П. Письма А.С. Пушкина и «московский текст» // Культура и текст – 99. Пушкинский сборник / Под ред. Г.П. Козубовской. – СПб. – Самара – Барнаул, 2000. – С. 60–81.
54. Колесов В.В. Язык города. – М., 1991.
55. Костомаров В.Г. Слово *беспредел* и активизация иных бессуффиксных существительных // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 254–261.
56. Красильникова Е.В. О различительных явлениях в языке жителей разных городов // Функционирование литературного языка в уральском городе. – Свердловск, 1990. – С. 4–12.

логизм и слово в языке и речи: Сборник статей. – Великий Новгород, 2007. – С. 253–264.

78. Никитина Т.Г. Ономастика в словаре сленга // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Третьи Жуковские чтения: Материалы Международного научного симпозиума 21–22 мая 2004 г. – Великий Новгород, 2004. – С. 76–79.

79. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1998.

80. Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. – М., 1996.

81. Никитина Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым: Ок. 2 000 слов. – М., 2003б.

82. Николаева Т.Н., Коршунков В.А. Новые названия в старой Вятке // Русская речь. – № 4. – 1997.

83. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: ретроспективный анализ // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Под ред. А.П. Сквородникова. Вып.7. – Красноярск, 1998. – С. 22–24.

84. Новоженова З.Л. Слово в городской коммуникации (К постановке проблемы о жанрах речи в письменной городской языковой коммуникации) // «...Siowa, siowa, siowa...» w komunikacji jkzykowej. – Gdansk, 2000. – S. 267–274.

85. Норман Б.Ю. В языковом микромире маршрутки // Антропотекст: Сборник статей, посвященных 60-летию проф. Н.Д. Голева. – Томск, 2006. – С. 70–77.

86. Ожегов С.И. О просторечии (к вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. – № 5. – 2000.

87. Орлова Е. О. Принципы номинации улиц Великого Новгорода в контексте культурологи // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001. – Великий Новгород, 2001б. – С. 59–64.

88. Осетрова Е.В. Речевая коммуникация в городе: тенденции развития // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 7. – Красноярск, 1998. – С. 24–26.

89. Осетрова Е.В., Чепкасова В.С. Городской рынок как коммуникативная ситуация: речевое поведение продавца // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 7. – Красноярск, 1998. – С. 26–28.

90. Падерина Л.Н. Языковая ситуация в г. Ачинске // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 94–103.

91. Паперый В.З. Московское сознание глазами иностранца // Знамя. – № 9. – 1997.

92. Перцева Т.В. Речевое поведение кондуктора в общественном транспорте // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 7. – Красноярск, 1998. – С. 142–146.

93. Петрова Л.Я. О функционировании возвращенных названий улиц Великого Новгорода // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001. – Великий Новгород, 2001. С. 29–32.

94. Подберезкина Л.З. «Лингвистическое градоведение» как региональный компонент филологического образования // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 7. – Красноярск, 2005. – С. 91–99.

95. Подберезкина Л.З. Заповедник природный и лингвистический (К проблеме изучения корпоративных языков) // Russistik. Русистика. № 1. – Берлин, 1992. – С. 82–85.

96. Подберезкина Л.З. Корпоративный язык. Принципы исследования и описания (на материале языка столбистов): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – М., 1995.

97. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. – Красноярск – Ачинск, 1998.

98. Подберезкина Л.З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык сегодня. Вып. 2. – М., 2003. – С. 511–529.

99. Подберезкина Л.З. Язык столбистов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 89–96.

100. Подберезкина Л.З. Языковая политика в системе городских наименований: теоретические и прикладные аспекты (на материале г. Красноярска) // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 94–103.

101. Подберезкина Л.З., Шмелева Т.В. Язык и речь города. Библиография // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. – Красноярск, 2000. – С. 148–161.

102. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. – М., 1988.

103. Подольская Н.В. Урбанонимия центральных областей РСФСР // Вопросы географии. – № 94. – М., 1974.

104. Поливанов Е. Задачи социальной диалектологии языка // Родной язык и литература в школе. – № 2, 4, 5. – 1928.

105. Полякова И.М. Профессионализмы металлургов, основанные на общеупотребительной лексике (на материале речи работников Магнитогорского металлургического комбината) // Живая речь уральского города: Сборник научных трудов. – Свердловск, 1988. – С. 110–127.

106. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь. – М., 1993. – 250 с.

107. Поспелов Е.М. Юбилей московской топонимики – 1985 // Географические названия Москвы. – Вопросы географии. – № 126. – М., 1985. – С. 187–201.

108. Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Диссертация

- на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Омск, 2005.
109. Рождественский Ю В. Введение в общую филологию. – М., 1979.
110. Розина Р.И. Чужие и свои слова на московских улицах. Опыт социолингвистического анализа // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 491–505.
111. Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1973.
112. Русская разговорная речь. Тексты / Под ред. Е.А. Земской, Л.А. Капанадзе. – М., 1978.
113. Саджи-Гаряева З.С. Некоторые особенности устной речи г. Элисты // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 253–257.
114. Саджи-Гаряева З.С. Просторечные элементы в устной речи жителей г. Элисты // Городское просторечие: Проблемы изучения. – М., 1984. – С. 167–173.
115. Самотик Л.Г. О языке бардсплава // Русский язык в Красноярском крае. Вып. 1. – Красноярск, 2002. – С. 100–111.
116. Свешников Н.В. Неофициальные микропотонимы г. Саратова // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002. – С. 154–159.
117. Сергеева Л.Н. Информативный и этимологический потенциал диалектного фразеологизма (об одной из версий этимологии слова Ладога) // Фразеологизм и слово в языке и речи: Сборник статей. – Великий Новгород, 2007. – С. 273–276.
118. Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. – СПб., 1997.
119. Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. – СПб., 2002.
120. Сиротина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. – М., 1988. – С. 247–253.
121. Ситько Ю.Л. ЯЗЫК «ТУЗЕМЦЕВ» (словарь севастопольского сленга) // Севастополь: путеводитель. – Севастополь, 2005. – С. 171–177.
122. Словарь современного русского города: Ок. 11 000 слов, ок. 1000 идиоматических выражений / Под ред. Б.И. Осипова. – М., 2003.
123. Соколова Т.П. Обзор литературы о топонимии Москвы // Географические названия Москвы. Вопросы географии. – № 126. – М., 1985. – С. 179–187.
124. Сперанская А.Н. «Исторические» семейные рассказы: проблемы жанра // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: Сборник материалов Междунар. конф. – Красноярск, 2005. – С. 75–87.
125. Сперанская А.Н. Семейные ценности в семейном дискурсе (на материале устных рассказов красноярцев начала XX в.) // Успехи современного естествознания. – № 2. – 2005. – С. 42–43.
126. Стамбровская А.А. Возможности ассоциативного эксперимента в изучении ономастического сознания (на материале эргонимических номинаций Красноярска) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. – Красноярск, 2004. – С. 193–196.
127. Степанов Е. Н. Русско-еврейское языковое взаимодействие в речи одес-

ситов (лексика) // Русистика и современность. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Мат-лы VII междунар. научно- практ. конф. – СПб., 2005.

128. Степанов Е.Н. Интонационные особенности русской речи одесситов // Мова. – № 7. – Одесса, 2002. – С. 226–234.

129. Степанов Е.Н. Норма городского койне // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2006. – С. 506–518.

130. Степанов Е.Н. Факторы формирования одесской урбанотопонимии // Записки з ономастики. Вип. 4. – Одеса, 2000. – С. 12–22.

131. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 363 с.

132. Тайна именования: Словарь фирмонимов – новейших наименований коммерческих предприятий Вятского края в конце XX века. – Киров-на-Вятке, 1998.

133. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М., 1995.

134. Топоров В.Н. Петербургские тексты и петербургские мифы (Заметки из серии) // Сборник статей к 70-летию Ю.М. Лотмана. – Тарту, 1992. – С. 452–486.

135. Трапезникова А.А. Эргонимическая номинация в аспекте эффективности (по данным ассоциативного эксперимента в Красноярске) // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 2 (9). – Красноярск, 2007. – С. 182–186.

136. Филинкова Е.О. Графико-орфографические иноязычия в языковом пространстве г. Читы // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. – Красноярск, 2004. – С. 196–204.

137. Финк О.Ф. Петербургский миф в творчестве А.А. Ахматовой // Культура и текст – 99. Пушкинский сборник / Под ред. Г.П. Козубовской. – СПб. – Самара – Барнаул, 2000. – С. 180–188.

138. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.

139. Химик В.В. Жаргонное слово, жаргон и жаргонология как наука // VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 2006. – С. 11–19.

140. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

141. Шарифуллин Б.Я. Герменевтика и прагматика современной русской эпиграфики // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). – Красноярск, 2002а. – С. 94–103.

142. Шарифуллин Б.Я. Формы речевой субкультуры в городском ойколекте (на материале речи г. Лесосибирска) // Русский язык в Красноярском крае. Вып. 1. – Красноярск, 2002б. – С. 116–123.

143. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 5. – Красноярск, 1997. – С. 8–26.

144. Шарифуллин Б.Я. Языковое пространство русской Приенисейской Сибири // Ежегодник регионального лингвистического центра. Вып. 2. – Красноярск, 2003.

145. Шкатова Л.А. Специфика городского общения // Живая речь уральского города. – Свердловск, 1988. – С. 19–28.

146. Шмелева Т.В. «Два в одном» // Антропотекст – 1: Сборник статей / Отв. ред. Л.Г. Ким. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006з. – С. 77–92.

147. Шмелева Т.В. «Семиотический мусор» городской семиосферы // *Studia Literaria Polonico-Slavica*. 4. *Utopia czystosci i gory ńmieci*. – Утопия чистоты и горы мусора. – Warszawa, 1999. – S. 33–37.

148. Шмелева Т.В. Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. 2006е. Вып. 1 (8). – Красноярск, 2006. – С. 6–12.

149. Шмелева Т.В. Город как текст: *Bydgoszcz / Быдгощ // Dzieio literacke jako dzieio literacke*. Литературное произведение как литературное произведение. – *Bydgoszcz*, 2004а. – С. 493–507.

150. Шмелева Т.В. Города не любят, чтобы у них были тезки... // *Город и горожане* № 41, 14 окт. 1994е.

151. Шмелева Т.В. Город-полиглот // *Новая новгородская газета* № 33, 16 августа 2006 г.

152. Шмелева Т.В. Греческий текст // *Новая новгородская газета* № 41. 11 октября 2006 г.

153. Шмелева Т.В. Диалекты и язык города // *Русские народные говоры: история и современное состояние: Тезисы докладов межвузовской научной конференции*. – Новгород, 1997. – С. 99–100.

154. Шмелева Т.В. Древние топонимы в современной городской среде // *Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001*. – Великий Новгород, 2001б. – С. 32–35.

155. Шмелева Т.В. Заметки о речи новгородцев (В связи с проблемой лингвистического портретирования современного города) // *Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: Межвуз. сборник научных трудов / Отв. ред. Б.И. Осипов и М.П. Одинцова*. Вып. 1. – Омск, 1997. – С. 30–36.

156. Шмелева Т.В. Заметки о языке красноярцев // *Русский язык в Красноярском крае: Выпуск 1. Сборник статей*. – Красноярск, 2002. – С. 76–83.

157. Шмелева Т.В. Золотая лихорадка; Позолота на красном; По-домашнему может звучать и название ларька // *Очевидец* № 43, 10.06.1995а.

158. Шмелева Т.В. Имя улицы // *Красноярский рабочий*, 09.07.1989д.

159. Шмелева Т.В. Как называют магазины. Три аспекта проблемы // *Региональные проблемы культуры речи: Сборник научных трудов*. – Элиста, 1990а. – С. 90–105.

160. Шмелева Т.В. Как обращаться с Чудинцевой улицей, или Чудеса с окончаниями, падежами и прилагательными // *Новгородские ведомости* № 4, 16 января 2007е. Рубрика «Извините, вы ошибаетесь!».

161. Шмелева Т.В. Как узнать красноярца? // *Красноярский рабочий*, 18.06.1989в.

162. Шмелева Т.В. Красноярск: есть ли у вас родственники за границей? // Очевидец, № 79. 02.09.1995б. – С. 25б.
163. Шмелева Т.В. Летопись переименований, или История государства советского в зеркале топонимии // Свой голос № 32, 16–23 сентября 1993б.
164. Шмелева Т.В. Магазин: имя и прозвище // Красноярский рабочий, 30.09.1989з.
165. Шмелева Т.В. Магазин: число или имя? // Красноярский рабочий, 23.09.1989ж.
166. Шмелева Т.В. Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры: Тезисы докладов международной научной конференции. – Екатеринбург, 1998. – С. 153–155.
167. Шмелева Т.В. Нескончаемый диалог // Аргументы и факты. Енисей. – № 51. – 1993в.
168. Шмелева Т.В. Никак хлеба не куплено... Изголодавши! (грамматика новгородцев) // Новгородский университет. – № 29. – 13.09.1996. – С. 17–18.
169. Шмелева Т.В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова. – Великий Новгород, 2001а. – С. 187–193.
170. Шмелева Т.В. Новые улицы: от А до Я // Вечерний Красноярск, 28.07.1994б.
171. Шмелева Т.В. Ономастикон // Красноярск и красноярцы. Спецвыпуск газеты «Городские новости», 22 окт. 1994а.
172. Шмелева Т.В. Ономастикон современного города // Международный съезд русистов: Тезисы докладов. – Красноярск, 1997а. – С. 146–147.
173. Шмелева Т.В. Памятка о правилах и особенностях образования городских названий Красноярска // Красноярск современный: Справочник. / Сост. Г.Ф. Быконя. – Красноярск: Книжное изд-во, 1995в. – С. 197–204.
174. Шмелева Т.В. Переименование улиц: мода или торжество справедливости? // Свой голос. – № 36, 14–21 октября 1993 г. – С. 2.
175. Шмелева Т.В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Красноярск, 1997. – С. 114–123.
176. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. – М.: Наука, 1992. – С. 5–15.
177. Шмелева Т.В. Под знаком возрождения ... // Аргументы и факты. Енисей. – № 1. – 1994.
178. Шмелева Т.В. Под знаком возрождения: не именем единым... // Аргументы и факты. Енисей. – № 2. – 1994д.
179. Шмелева Т.В. Предисловие // Практическая грамматика русского языка: Материалы для занятий с иностранными студентами. Вып. 2. Общение в городском транспорте / Сост. Л.А. Киселева. – Красноярск, 1993д. – С. 3.
180. Шмелева Т.В. Речеведение в современной русистике // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологичес-

кий факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004б. – С. 29–30.

181. Шмелева Т.В. Речеведение в современной русистике // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004б. – С. 29–30.

182. Шмелева Т.В. Речь и норы // Красноярский рабочий, 02.07.1989 г.

183. Шмелева Т.В. Робеспьер в Плацпарадном переулке // Красноярский рабочий, 29.03.1990в.

184. Шмелева Т.В. Словарь города // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала: Тезисы докл. обл. конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени. 2–4 октября, 1986. / Отв. ред. Н.К. Фролов. – Тюмень, 1986. – С. 64–65.

185. Шмелева Т.В. Словарь города // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала: Тезисы докл. обл. конференции, посвященной 400-летию образования первого в Сибири русского города Тюмени. 2–4 октября. 1986. / Отв. ред. Н.К. Фролов. – Тюмень, 1986. – С. 64–65.

186. Шмелева Т.В. Словарь города: мечта, идея, перспектива // Филология – Журналистика 2006ж. Сборник научных статей, посвященных 25-летию факультета филологии Красноярского государственного университета. – Красноярск, 2006. – С. 168–179.

187. Шмелева Т.В. Словарь города: мечта, идея, перспектива // Филология – Журналистика 2006ж. Сборник научных статей, посвященных 25-летию факультета филологии Красноярского государственного университета. – Красноярск, 2006. – С. 168–179.

188. Шмелева Т.В. Слово городской среды // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А.С. Шишкова). Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004) / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во «САГА», 2005а. – С. 19–21.

189. Шмелева Т.В. Слово городской среды // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А.С. Шишкова). Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2004) / Отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во «САГА», 2005а. – С. 19–21.

190. Шмелева Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991б. – С. 33–37.

191. Шмелева Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1991б. – С. 33–37.

192. Шмелева Т.В. Современная городская эпиграфика // Язык и культура. Третья международная конференция: Доклады и тезисы. – Киев, 1994в. – С. 107.

193. Шмелева Т.В. Современная городская эпиграфика // Язык и культура.

Третья международная конференция: Доклады и тезисы. – Киев, 1994в. – С. 107.

194. Шмелева Т.В. Старое и новое в языковом облике современного города // Речь города: Тезисы докладов всероссийской межвузовской научной конференции. Ч. 1. – Омск, 1995. – С. 22.

195. Шмелева Т.В. Старое и новое в языковом облике современного города // Речь города: Тезисы докладов всероссийской межвузовской научной конференции. Ч. 1. – Омск, 1995. – С. 22.

196. Шмелева Т.В. Стилистика города // Аргументы и факты. Енисей. – № 50. – 1993а.

197. Шмелева Т.В. Топонимика Сибири // ЯЛИК № 36. – Ноябрь 1999. – С. 11.

198. Шмелева Т.В. Традиции и мода // Красноярский рабочий, 27.08.1989.

199. Шмелева Т.В. Ул. им. Переименования всех улиц // Красноярский комсомолец, 19.10.1991в.

200. Шмелева Т.В. Улицы Красноярска: Руководство к лингвистической практике студентов 2 курса филологического факультета. – Красноярск, 1989а.

201. Шмелева Т.В. Улицы Красноярска: Руководство к лингвистической практике студентов 2 курса филологического факультета. – Красноярск, 1989а.

202. Шмелева Т.В. Уличная латынь // Новая новгородская газета № 48, 28 ноября 2006д.

203. Шмелева Т.В. Уличная энциклопедия // Красноярский рабочий, 23.07.1989е.

204. Шмелева Т.В. ХАРИЗМА // Новая новгородская газета № 36, 6 сентября 2006в.

205. Шмелева Т.В. ШУЗ для тех, кто носит трузера // Новая новгородская газета № 34, 23 августа 2006б.

206. Шмелева Т.В. Язык города в зеркале лексикографии // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сборник научных статей, посвященный В.Д. Черняк. – СПб., 2005б. – С. 22–26.

207. Шмелева Т.В. Язык города в зеркале лексикографии // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии: Сборник научных статей, посвященный В.Д. Черняк. – СПб., 2005б. – С. 22–26.

208. Шмелева Т.В. Язык города. Наименование магазинов: Методическая разработка к практике студентов филологического факультета. – Красноярск, 1989б. – 40 с.

209. Шмелева Т.В. Язык города. Наименование магазинов: Методическая разработка к практике студентов филологического факультета. – Красноярск, 1989б. – 40 с.

210. Шмелева Т.В. Язык города. Пространственные ориентиры: Методическая разработка к практике студентов филологического факультета. – Красноярск, 1990б. – 20 с.

211. Шмелева Т.В. Язык города. Пространственные ориентиры: Методическая разработка к практике студентов филологического факультета. – Красноярск, 1990б. – 20 с.

212. Шмелева Т.В. Языковой облик сибирского города // Русский язык в

- Красноярском крае: Выпуск 1. Сборник статей. – Красноярск, 2002. – С. 1.
213. Шмелева Т.В. Языковой облик сибирского города // Русский язык в Красноярском крае: Выпуск 1. Сборник статей. – Красноярск, 2002. – С. 1.
214. Шукин В. Откуда пошла есть Красная Москва? Судьбы московского мифа на рубеже XIX и XX веков // Przegląd Rusycystyczny. – nr 3. – 2000.
215. Шукин В. Откуда пошла есть Красная Москва? Судьбы московского мифа на рубеже XIX и XX веков // Przegląd Rusycystyczny. – nr 3. – 2000.
216. Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–90-х годов. – М., 1994.
219. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / Под ред. А.Н. Баранова. – М., 1997.
221. Pruss Z. Abecadio co w Brdk wpadio. Leksykon skojarzec. – Bydgoszcz, 1996.
222. Siownik gwary miejskiej Poznania. – Warszawa, 1997.
223. Supranowicz E. Nazwy ulic Krakowa. – Kraków, 1995.
224. Wybór tekstów języka mywionego mieszkaców Krakowa. – Kraków, 1979.

д. филол. н. И.А. СТЕРНИН,
к. филол. н. Л.В. АДОНИНА

**КОНЦЕПТ «РУССКИЙ ЯЗЫК»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ**

Данное исследование посвящено комплексному анализу концепта «русский язык» в языковом сознании севастопольцев.

Исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного направления когнитивной лингвистики, развиваемого теоретико-лингвистической школой Воронежского университета.

Актуальность работы обусловлена интересом современного языковедения к проблеме отражения в языке основных концептов национальной концептосферы; важностью разработки лингвокогнитивной методики исследования и описания языкового сознания, в том числе группового; важностью разработки экспериментальных методов изучения концептов.

Объектом исследования являются языковые средства объективации концепта «русский язык» в языковом сознании севастопольцев.

Предметом исследования являются структура и содержание концепта «русский язык» в языковом сознании жителей города Севастополя.

Основной целью исследования является моделирование лингвистическими средствами содержания и структуры концепта в общезыковом и групповом когнитивном сознании.

Методы исследования. В данном исследовании использованы психолингвистический метод (свободный ассоциативный эксперимент), лингвокогнитивный метод (описание когнитивных структур через анализ языковых средств их объективации), описательный метод.

Материалом исследования послужили данные, полученные в результате ассоциативного эксперимента с 1020 жителями г. Севастополя, принадлежащих к разным поло-возрастным группам.

Теоретической основой работы послужили:

- семантические и когнитивные концепции и методики концептуального анализа, представленные в работах А.П. Бабушкина; Н.Н. Болдырева; А. Вежбицкой; В.В. Воробьева; С.Г. Воркачева, –; Г.В. Гафаровой; И.А. Зимней; Т.Л. Калентьевой; В.И. Карасика –; Т.А. Кильдибековой; А.В. Кириллиной; В.В. Колесова; Е.С. Кубряковой; Д.С. Лихачева; С.Х. Ляпина; В.А. Масловой; М.В. Никитина; М.В. Пименовой –; З.Д. Поповой –; О.Г. Почепцова; А.В. Рудаковой; И.А. Стер-

дополнительных средств вербализации концепта на основе анализа фразеологизмов, афоризмов, паремий и художественных текстов, предполагающее максимально полное выявление средств его языковой объективации;

2) описание макрокомпонентной структуры концепта: отнесение выявленных когнитивных признаков и когнитивных классификаторов к образному, информационно-понятийному компонентам и интерпретационному полю концепта;

3) описание категориальной структуры концепта «женщина»: выявление когнитивных классификаторов, получаемых на основе обобщения отдельных когнитивных признаков;

4) описание концепта «женщина» в виде полевой структуры, состоящей из ядерной зоны (центральной ядерной зоны и окооядерной зоны) и периферийной (дальней, ближней и крайней периферий) зон;

5) выявление групповой специфики концепта: особенностей языковой объективации концепта в гендерном и возрастном аспектах.

Рассмотрим последовательно процедуру и результаты анализа концепта *русский язык* по выделенным этапам.

1. Построение номинативного поля концепта

Для данной цели были выделены и проанализированы различные номинации исследуемого концепта *русский язык*. Основными способами прямой номинации данного концепта в русском языке оказались такие единицы, как устойчивое словосочетание *русский язык*, реже используемое *родной язык*, разг. *русский*, лексемы *речь*, *слово*, дейктические обозначения *язык*, *наш язык*, *наше слово*, а также метафорическая номинация «*великий и могучий*».

Ключевой номинацией выступает устойчивое сочетание *русский язык* как наиболее частотное, стилистически нейтральное.

Номинативное поле исследуемого концепта, образуемое прямыми номинациями, невелико, у ключевой номинации нет развернутой синонимии и симиларов, мало устойчивых единиц с данным значением, в связи с чем развернутое лексико-фразеологическое поле ключевой номинации построить не представляется возможным. Деривационное поле ключевой номинации также невелико: *русский язык* – *русскоязычный*.

В связи с этим основными приемами построения номинативного поля концепта *русский язык* оказываются: экспериментальные методики, анализ публицистических текстов, фразеологизмов и паремий.

В качестве основной экспериментальной методики был использован ассоциативный эксперимент.

При изучении языкового сознания одной из самых эффективных и широко используемых методик является ассоциативный эксперимент, позволяющий смоделировать концепт на основе его когнитивных признаков, объективируемых ассоциатами.

Использование свободного ассоциативного эксперимента для выявления особенностей языкового сознания в зависимости от пола и возраста респондентов не является новым (Е.И. Горошко, Т.И. Доценко, А.А. Залевская, А.В. Кирилина, А.В. Рудакова, И.А. Стернин, Л.А. Тавдгиридзе, Ж.И. Фридман и др.). Ассоциативный эксперимент, по мнению лингвистов, является лингвистическим источником и инструментом анализа языковой способности человека, методом исследования языковой картины мира, раскрывающим принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов. Анализ ассоциаций является основанием для понимания природы «не только традиционно сложившихся моделей ассоциативного поведения с точки зрения специфики реализации и существования этих моделей» [25, с. 191], но и когнитивной структуры сознания.

Задача нашего исследования – провести массовый свободный ассоциативный эксперимент, позволяющий описать лингвокогнитивными методами и приемами концепт, как экспонент языкового сознания.

Массовый ассоциативный эксперимент предполагает процедуру группового теста, способного охватить значительное число участников. Эксперимент проводился в течение июля–ноября 2007 года среди жителей Севастополя. В ходе свободного ассоциативного эксперимента было опрошено 1020 человек.

Количество информантов, участвующих в свободном ассоциативном эксперименте, определялось исходя из нашего положения, согласно которому 1000 информантов (по 500 респондентов женского и мужского пола) «достаточно, чтобы поле набрало искомое количество слов-реакций, семантизирующих напрямую опорное слово» (2002, с. 294).

При отборе респондентов учитывались такие экстралингвистические факторы, как пол (мужской – женский), возраст (возрастной срез каждой группы составлял 5 лет), образование (среднее, средне-профессиональное, высшее).

Испытуемым коротко объяснялась суть свободного ассоциативного эксперимента и ставилась задача: «Написать первую, пришедшую в голову, реакцию на предъявленное слово». Ответ заносился интервьюерами в анкету вместе с данными о поле и возрасте реципиентов.

Ассоциативное поле исследуемого слова в сознании жителей Севастополя, носителей русского языка по завершению обработки полученных результатов приобрело следующий вид:

Русский язык: красивый 146; Россия 132; родной 104; великий и могучий 54; богатство 36; Москва 23; интересный 19; хороший 15; Родина 13; любимый 12; международный 11; могучий 8; близкий 7; великий, выразительный, звучный, распространенный, самый любимый, эмоциональный, яркий 5; бескрайний, медведь, мой, понятный, поэтический, язык Пушкина 4; волшебный, грубый, его надо спасать, золотые купола, колоритный, культурный, образный, поэтичный, разговор, Сибирь, сложность, украинский, устное народное творчество, щедрый 3; алфавит, бабушка, береза, березка, березы, благозвучный, близкий, бублики, великолепии, гениальный, глубина, грамотный, грациозный, диалекты, доброта, добрый, Достоевский, древность, душевный, живой, жизнь, задушевный, звонкий, знаки препинания, знания, идеальный, интеллигентный, интернационализм, искренний, истинный, книга, конкретный, культура русской речи, лаконичный, Лев Николаевич Толстой, лес, литературный, лучший, матрешка, много поговорок, мудрость, музыка, мягкий, народ, настоящий, национальность, наш, не украинский, необходимый, необыкновенный, необычный, нужный, общеславянский, обычный, огненный, орфография, основной, остроумный, открытый, отличный, певучий, перевод, переливающийся, песня, плавный, поле, понимание, пословица, поэзия, поэт, правильный, привычный, природа, приставки, произношение, простота, пряник, Путин, пшеница, радость, разговорный, разумный, речка, родной русский язык, ромашка, российский, самобытный, самый богатый и распространенный, самый главный, свой, серьезный, сказки русские, славяне, славянский язык, слово, совершенство, солнце, сочинение, средство ежедневного общения, средство общения, старинный, тайга, теплый, точный, традиции, Тургенев, тяжело дается, учитель, хлеб, частушки, честность, четкий, школа 2; Арина Родионовна, багряный лес, безграничный, березка, блины, божественный язык, букварь, буквы, в нем тайна, важный, валенки, вопросительный знак, восхитительный, врожденная грамотность, выражает мысли, голубое небо, грамматика, грамотность, дееспричастие, декабристы, демократия, деревня, диктант, душа народа, душа нации, еще жив, жаргон, журчащий, золотая осень, имеет большую историю, исключения, книга такая, корова, красиво звучит, красота, культура, лапти, Лариса Валерьевна, ласкающий слух, Ленин, литературные нормы, льющийся, как река, масленица, матрица, мелодия, меткий, мир, много правил, морфемы, неповторимый, нянька, обладающий тайным смыс-

языка, названные ассоциатами. Толкования значений ассоциатов выполняются исследователем в опоре на системные значения этих слов, словарные дефиниции, с учетом их реальной отнесенности к денотату – конкретному предмету номинации (в нашем случае – русскому языку) в конкретном тексте или эксперименте. Например:

красивый 846 – хорошо звучит, богатый 560 – богатый словарный запас и выразительные средства; трудный 501 – трудный для изучения; родной 232 – родной для граждан России; великий 203 – великий по своему значению; интересный 190 – интересный для изучения; сложный 182 – сложный для изучения; хороший 113 – вызывает положительные эмоции; любимый 102 – вызывает любовь носителей языка; могучий 101 – эффективный; древний 95 – имеет длительную историю и т.д.

На данном этапе исследования каждая языковая единица, являющаяся компонентом номинативного поля концепта, должна получить толкование, характеризующее конкретный признак или признаки языка.

Подобное описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта, подготавливает базу для их когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств

Когнитивная интерпретация представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу. Когнитивная интерпретация осуществляется как обобщение семантических признаков, выявленных при анализе семантики языковых единиц, образующих номинативное поле концепта, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами.

Так, например, когнитивная интерпретация результатов проведенного ассоциативного эксперимента будет иметь следующий вид (сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством ассоциатов он объективирован в эксперименте, затем приводятся языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации данным когнитивным признаком):

-- Богатый 1125

(богатый 560; безграничный 295; разнообразный 85; разносторонний 57; разный 56; многообразный 42; содержательный 41; огромный 35; необъятный 31; многосторонний 28; бескрайний 27; обширный 25; объемный 23; масштабный 18; многоликий 17; многогранный 15; ши-

рокий 11; габаритный 10; неограниченный 8; многовыражающий 5; им можно выразить все чувства, всеобъемлющий 1);

– Красивый 846;

– Сложный 808

(сложный 753; непостижимый 55; сложная грамматика 5, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов);

– Выразительный 502

(ласковый 55; нежный 52; мягкий 36; красочный 34; эмоциональный 28; выразительный 27; яркий 20; цветной, поэтический 19; поэтический, колоритный 18; страстный; светлый, образный 16; насыщенный, поэзия 15; теплый 12; переливающийся, красноречивый, плавный 10; стихотворный 9; чистый 8; солнечный 5; пластичный, грациозный 4; лучистый, играющий цветами, художественно-теплый, медовый, золотой, морской, зеленый, жгучий, мяукающий, находка для поэтов; изящный 3; льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения 1);

– Родной 497

(родной 232; наш родной 50; наш родимый 43; Родина 41; близкий 30; знакомый 28; мой 20; свой 15; наш 13; славянский 11);

– Грубый 279

(мат 193; грубый 77; деградирующий 9);

– Интересный 277

(интересный 250; познавательный 27);

– Хороший 236

(хороший 115; лучший 98; славный 14; идеальный 9);

– Доступный 225

(простой 181; знакомый 28; прост для изучения 10; обычный 7);

и т.д.

Подчеркнем, что отнесение ассоциатов к определенному когнитивному признаку представляло в ряде случаев значительную трудность, поскольку многие ассоциаты весьма объемны по своему смысловому содержанию, широкозначны и многозначны, и подчас весьма трудно однозначно определить, в каком конкретно смысле испытуемый использовал данное слово в качестве ассоциативной реакции на предъявленный стимул и т.д.

В случае затруднений такого рода мы опирались на следующие принципы:

1) логический критерий;

2) вероятностный критерий (выбирается наиболее вероятная интерпретация);

3) принцип аналогии (если ряд слов или выражений сходной семантики без сомнения может быть отнесен к тому или иному когнитивному признаку, то близкое к ним по смыслу слово или выражение также будет отнесено к данному признаку);

4) дополнительную верификацию ассоциативной связи стимула и реакции у информантов (в затруднительных случаях мы обращались к севастьяпольцам с просьбой объяснить, например, какую связь имеет данный ассоциат со стимулом «русский язык»).

В любом случае в ходе процедуры когнитивной интерпретации неизбежно наблюдается некоторое «насилие» над материалом в сторону более обобщенной характеристики формулируемого признака, что представляется неизбежным в подобного рода процедурах обобщения.

Субъективная оспоримость отнесения тех или иных ассоциатов и других элементов номинативного поля концепта к определенному когнитивному классификатору является неизбежной погрешностью психолингвистической методики, связанной с субъективным характером ассоциирования, а также неизбежной погрешностью процедуры любого смыслового обобщения. Вместе с тем, как показывает опыт анализа, в подавляющем большинстве случаев процедура когнитивной интерпретации семантики единиц номинативного поля может быть осуществлена достаточно непротиворечиво.

4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка

В ряде случаев по мере необходимости проводилась дополнительная верификация результата когнитивной интерпретации связи стимула и реакции у информантов.

Мы обращались к информантам с просьбой объяснить, какую связь имеет тот или иной ассоциат со стимулом «русский язык». Испытуемым предъявлялись стимул и спорная реакция и ставилась задача предложить свою интерпретацию этой связи, подобрав синоним или симиляр или просто пояснив, что имеется в виду.

Например: русский язык – *медленно текущий*; это какой? Ответы: *неторопливый, неспешный, приятный*; на этом основании ассоциат интерпретировался как языковая репрезентация положительно оценочного когнитивного признака «приятный».

В интерпретационном эксперименте принимало участие небольшое количество испытуемых – 10–15, и если большинство давало сходные ответы, дальнейший опрос не проводился.

Также мы обратились к небольшой группе севастьяпольцев (15 че-

ловек) с просьбой пояснить, в каком смысле используется в паремиях (предлагались 10 паремий) и фразеологизмах (предлагались 10 фразеологизмов) слово *язык* – имеется ли в виду *русский язык* или *язык вообще*.

Опрос испытуемых показал, что под языком в пословицах, поговорках и фразеологизмах подавляющее большинство сева­стопольцев понимает *язык вообще*, но при этом *язык вообще* в их сознании, по их собственному признанию, представлен *русским* языком. На этом основании соответствующий языковой материал интерпретировался как характеристика русского языка.

Верификация может также использоваться для подтверждения испытуемыми всех выделенных когнитивных признаков (генеральная или итоговая верификация). Для этого группе сева­стопольцев предлагается полный список выделенных исследователем когнитивных признаков с полным списком обобщенных ими лексем, фразеологизмов, афоризмов и под. и предлагается подтвердить или отвергнуть эти признаки (в случае несогласия испытуемые должны вычеркнуть те или иные языковые примеры, иллюстрирующие когнитивный признак, или целиком когнитивный признак). Подобная процедура необходима, если когнитивные признаки выделялись не экспериментальными, а лексико-семантическими приемами – в опоре только на данные словарей и тексты. В таком случае когнитивные признаки, подтвержденные всеми испытуемыми в процессе верификации, составят ядро концепта, остальные отойдут к периферии.

В случае с описанием концепта русский язык процедура генеральной верификации не проводилась, поскольку данные о яркости отдельных признаков были получены в ходе экспериментальной процедуры – направленного ассоциативного эксперимента.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков

На этом этапе осуществляется описание содержания концепта в форме перечисления выявленных когнитивных признаков.

Признаки перечисляются в порядке убывания их яркости; яркость определяется количеством испытуемых, выделивших тот или иной признак.

Подтвержденные экспериментально когнитивные признаки концепта русский язык позволяют следующим образом представить содержание исследуемого концепта (признаки представлены списком по убыванию количества объективирующих их ассоциатов):

богатый 1125;

красивый 846;
сложный 808;
выразительный 502;
родной 497;
интересный 277;
хороший 236;
доступный 225;
благородный 224;
международный 219;
великий 203;
народный 174;
нужный 165;
школьный предмет 154;
старый 131;
умный 123;
звучный 117;
могучий 101;
необычный 76;
культурный 54;
удовлетворительный 51;
свободный 50;
используемый известными писателями и поэтами 44;
средство общения 43;
непонятный 43;
точный 40;
понятный 37;
связан с русской природой 37;
универсальный 24;
используемый известными русскими людьми 22;
живой 21;
веселый 21;
используемый рядовыми жителями России 20;
засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;
на нем написаны известные произведения художественной литературы 10;
часть быта 10;
радость 10;
используется бедными людьми 8;
неприятный в звучании 8;

выражает нравственные ценности (идеалы) 6.
Когнитивные признаки, представленные единичными реакциями, в данной статье не приводятся.

6. Моделирование концепта

Первым этапом моделирования концепта является описание макроструктуры концепта. Выявленные когнитивные признаки концепта подлежат распределению по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Образное содержание концепта

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о русском языке (кодирующий образ УПК, по Н.И. Жинкину и И.Н. Горелову), а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами.

Перцептивный образ концепта русский язык по данным эксперимента может быть представлен следующим образом (указывается яркость соответствующих чувственных признаков в структуре концепта; яркость этих признаков не может быть велика, поскольку чувственный образ в сознании носителя языка индивидуален, можно лишь сопоставить образную «нагруженность» разных органов чувств в формировании перцептивного образа данного концепта).

Зрительный образ 229 – 2,8%: красочный 34; яркий 20; цветной 19; колоритный 18; светлый 16; насыщенный, выразительный 15; переливающийся 10; чистый 8; Липецкая область, береза 6; солнечный, Москва, березы 5; Воронеж, природа, ромашка 3; березка 2; лучистый, играющий цветами, медовый, золотой, морской, зеленый, Санкт-Петербург, огромная территория, деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, лес, тайга, яблоневый сад, хлеб, снопы, пшеница, поле, дуб, речка, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, валенки, картошка, русская водка, рубль, блины, пиво 1.

Тактильный образ 158 – 2,2%: ласковый 55; нежный 52; мягкий 36; теплый 12; художественно-теплый, жгучий, пластичный 1.

Вкусовой образ 3 – 0,4%: *медовый, сочный, сладкий* 1.

Звуковой образ 125 – 1,7%: звучный 23; музыкальный 11; песни, звонкий 10; благозвучный 9; созвучный 8; песенный, громкий 7; певучий, разноголосый 6; мелодичный, многозвучный 5; голосистый, рез-

кий 4; шумный 2; хорошо звучит, красиво звучит, журчащий, частично резкий, мяукающий, приятный для слуха, ласкающий слух, мягкое произношение 1.

Обонятельный образ 1 – 0,01%: *пахучий* 1.

Некоторые признаки – светлый, яркий, ласковый, и др., включенные в рубрику перцептивных образов, могут одновременно рассматриваться и как когнитивные образы в силу того, что соответствующие номинации имеют в русском языке и переносное значение.

Перцептивный образ составляет 7% от общего количества когнитивных признаков.

Когнитивный образ представляет собой уподобление качествам людей, народа, говорящего на нем, создаваемых на нем произведений и др., то есть некоторые признаки людей и предметов, соприкасающихся с языком, переносятся на сам язык. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта:

Моральные качества 227 – 3,2%: благородный 24; щедрый 18; добрый 15; славный 14; доброта, истинный, заботливый 13; правдивость 12; настоящий 10; идеальный 9; человеческий 8; правильный 6; святой, гостеприимный, справедливый, честный 5; смелый, задушевный, божественный, тонкий 4; вольнодумный, решительный, милосердный, гуманный, человеколюбивый, душевный, чуткий, отзывчивый 3; достоверный, стойкий, верный 2; как русский человек с широкою душою, правдолюбивый, совершенно правильный, объективный, взаимопонимание, благословенный 1.

Психические качества 36 – 0,5%: смешной 8; прикольный 6; искренний, веселый 5; открытый 4; прямой 3; юмористический, прямолинейный 2; говорить можно обо всем 1.

Интеллектуальные качества 123 – 1,7%: умный 60; интеллектуальный 23; разумный 14; мудрый 12; глубокий 8; гениальный, одаренный 3.

Физические качества 44 – 0,6%: плавный 10; игривый 7; живой 6; задорный 5; грациозный 4; изящный, льющийся 3; приветливый, болтливый 2; парящий, медленно текущий 1.

Вызываемые чувства 8 – 0,1%: счастье 3; радость 2; вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие 1.

Культурные навыки 41 – 0,5%: культурный 18; интеллигентный 11; цивилизованный 5; тактичный, воспитанный 3; характеризует культуру и др. 1.

Когнитивные образы составляют 6,7% от всех когнитивных признаков.

-- громкий 0,2%
(громкий, резкий, громкий, шумный).

Информационное содержание концепта составляет 29,7% содержания концепта.

Интерпретационное поле концепта

Интерпретационное поле концепта очень объемно и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение народа к своему языку и различные энциклопедические и выводные знания о его признаках и функционировании, полученные из опыта.

В интерпретационное поле концепта «русский язык» входят следующие когнитивные признаки:

Оценочная зона

Красивый 11,8%.

Выразительный 6,7% (выразительный, впечатлительный, экспрессивный, поэтический, стихотворный, образный, поэзия, красноречивый, красочный, яркий, цветной, колоритный, насыщенный, переливающийся, грациозный, медовый, золотой, морской).

Хороший 4% (хороший, лучший, самый лучший, превосходный, замечательный, восхитительный, изумительный, прелестный, роскошный, бесподобный, отличный, великолепный, клевый, любимый, самый любимый, милый, желанный, только бы его и слушала, его надо любить, всеми любимым, только бы его и слушала, лучше нет, самый лучший на земле, самый лучший в мире, горжусь им, прикольный, класс; удовлетворительный, противный, обычный, хреновый, мне все равно, хуже, чем английский, глюканутый).

Мифологическая зона

Мифологическая характеристика 4,9% (*могучий, великий, свободный*).

Энциклопедическая зона

Огрубляется 2,8% (грубоватый, сленг, жаргон, жаргонный).

Народный 1,6% (традиция, общеславянский, самобытный, деревенский, славянский, народный, простонародный).

Универсальный 0,3% (универсальный, системный, многофункциональный).

Носители – рядовые люди 0,3% (славяне, народ, русские люди); рядовые лица б: мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки, человек.

Не похожий на другие 1% (уникальный, единственный, исключительный, неповторимый, не похож на другие языки, необычный, специфический, необыкновенный, странный, своеобразный, нестандартный, удивительный, самобытный, причудливый, неординарный, не предсказуемый, неожиданный, в нем тайна).

Много заимствований 0,3% (70% заимствований, много заимствований из английского, а это плохо – лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными словами).

Известный 0,2% (известный, популярный, изучаемый, знаменитый).

Безграничность тематики 0,1% (говорить можно обо всем, взаимопонимание).

Деградирует 0,1% (деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, теряет красоту и чистоту, забываются литературные нормы).

Утилитарная зона

Сложный 14,5% (тяжелый, мудреный, задачливый, замысловатый, тяжело дается, трудно доступный, малопонятный: непонятный, непостижимый, самый сложный, дается не всем, требуются усилия, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, много правил, сложный грамматически, в грамматике очень сложен, много исключений, очень сложная грамматика).

Интересный 3,9% (увлекательный, занимательный, интересный, хочу хорошо знать, хочу знать).

Доступный 3,1% (простой, легкий, простой, доступный, самый легкий, достигаемый, понятный, ясный, выражает мысли в облегченной форме, прост для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост в изучении, быстро учится, легко изучается).

Необходимый 2% (необходимый, востребованный, обязательный, практичный, удобный, полезный, эффективный, деловой, ведущий, главный, самый главный, важный, основной, основа всех основ, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный, перспективный, модный, стильный).

Точный 0,6% (точный, конкретный, лаконичный, меткий).

Социально-культурная зона

На нем говорят известные деятели 0,9% (Ленин, Горбачев, Зюганов, Путин, Гагарин, президент, Петровский язык, Пушкин, пушкинский, язык Пушкина, Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Некрасов, Есенин, Тургенев, есенинский, русские писатели).

На нем написаны любимые литературные произведения 0,1% (*литература, классика, поэзия*).

Источник фольклора 1% (много поговорок, разговорный, сказочный, волшебный, русские народные песни, частушки, содержат диалекты, пословицы, фольклор, много диалектов, кладезь пословиц и поговорок).

На нем говорят страдающие люди 0,1% (революции, война войны, бедность, безработица, нет будущего).

Вторым этапом моделирования концепта описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификаторов, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификаторов).

Анализ когнитивных признаков концепта показывает, что они организованы и обобщаются следующими классификаторами, концептуализирующими русский язык в концептосфере севастопольцев (приводятся в порядке уменьшения яркости соответствующего классификатора в категориальной структуре концепта; процент вычисляется от общего количества полученных ассоциативных реакций, которых каждый испытуемый давал 5, поэтому общая сумма процентов превышает 100):

1. **Эстетическая оценка** (1348 – 75,3%). Признаки дают эстетическую характеристику языку.
2. **Объем словарного состава** (1125 – 62,8%). Характеризует язык с точки зрения объема его лексических и выразительных средств.
3. **Возможность освоения** (1033 – 57,7%). Характеризует как степень сложности, так и степень легкости освоения языка.
4. **Степень близости носителям** (534 – 29,8%). Когнитивные признаки подчеркивают связь носителей с родным языком.
5. **Мифологемы** (354 – 19,8%). Когнитивные признаки отражают стереотипное представление о родном языке его носителями (*великий, могучий*).
6. **Сфера использования** (343 – 19,1%). Когнитивные признаки отражают социальные условия, статус функционирования языка, мно-

гообразии людей, которые им пользуются.

7. **Особенности словарного состава** (298 – 16,6%). Когнитивные признаки отражают лексические особенности русского языка, огрубление русского языка, сожаление по поводу присутствия в нем большого количества заимствованной лексики; желание видеть родной язык свободным от этих негативных черт.

8. **Общая оценка** (287 – 16%). Дает общую оценочную характеристику языку (хороший, плохой).

9. **Вызываемый интерес** (277 – 15,6%). Когнитивные признаки указывают на степень интереса к родному языку со стороны его носителей.

10. **Нравственная оценка** (224 – 12,5%). Когнитивные признаки содержат позитивную нравственную оценку языка (благородство, искренность, справедливость, святость, смелость, нравственность).

11. **Эмоциональная оценка** (216 – 12,1%). Дает общую эмоционально-оценочную характеристику (милый, любимый, родной и др.).

12. **Связь с национальными традициями** (174 – 9,7%). Когнитивные признаки отражают связь русского языка с фольклором, со славянскими традициями.

13. **Престижность** (162 – 9%). Когнитивные признаки указывают на известность русского языка, на важность, необходимость знания родного языка для его носителей.

14. **Необходимость изучения** (154 – 8,6%). Признаки, указывающие на принятые средства, приемы, формы и условия обучения русскому языку; особенности структуры языка, указания на результаты изучения родного языка.

15. **Темпоральная характеристика** (131 – 7,3%). Когнитивные признаки характеризуют временные параметры языка (древний, старый).

16. **Особенности звучания** (125 – 7%). Признаки раскрывают звуковые характеристики языка (звонкий, звучный и др.).

17. **Интеллектуальная оценка** (123 – 6,9%). Когнитивные признаки указывают на интеллектуальный потенциал языка.

18. **Индивидуальная характеристика** (76 – 4,2%). Когнитивные признаки подчеркивают неповторимость, уникальность, своеобразие родного языка.

19. **Функциональная характеристика** (68 – 3,8%). Когнитивные признаки характеризуют степень универсальности, регламентированности, точности родного языка.

20. **Необходимость соблюдения норм культуры общения** (54 – 3%). Характеризует русский язык с точки зрения соблюдения норм куль-

туры поведения и речевых норм.

21. **Основная функция** (43 – 2,4%). Когнитивные признаки характеризуют язык как средство общения, передачи информации и выражения мыслей.

22. **Физическая характеристика** (21 – 1,2%). Характеризует живость, динамичность, «энергетическую» сторону языка.

Третьим этапом моделирования концепта описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных когнитивных признаков в структуре концепта, которая отражается в вычленении в структуре концепта ядра и различных зон периферии.

Полевая структура концепта русский язык может быть представлена в следующем виде:

Ядро

богатый 1125;
красивый 846;
сложный 808;
выразительный 502;
родной 497;

Ближняя периферия

грубый 279;
интересный 277;
хороший 234;
доступный 225;
благородный 224;
международный 219;
великий 203;
народный 174;
нужный 165;
школьный предмет 154;
старый 131;
умный 123;
звучный 117;
могучий 101;

Дальняя периферия

необычный 76;
культурный 54;
удовлетворительный 51;
свободный 50;
используемый известными писателями и поэтами 44;
средство общения 43;
непонятный 43;
точный 40;
понятный 37;
связан с русской природой 37;
универсальный 24;
используемый известными русскими людьми 22;
живой 21;
веселый 21;
используемый рядовыми жителями России 20;
засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;
на нем написаны известные произведения художественной литературы 10;
часть быта 10;
радость 10;

Крайняя периферия

используется страдающими людьми 8;
неприятный в звучании 8;
выражает нравственные ценности (идеалы) 6;
официальный 4;
директивный 2.

ВЫВОДЫ

Общие выводы концептологического исследования, которые можно сделать после завершения процедуры описания и моделирования концепта, таковы.

Макроструктура концепта *русский язык*

Образный компонент в языковом сознании севастопольцев составляет 13, 7% содержания концепта.

Подавляющее большинство признаков образного компонента кон-

цепта входят в дальнюю периферию концепта. Из этого следует, что образная составляющая заметна в структуре концепта, но не является определяющей в его структуре, преобладают рациональные и оценочные признаки.

Достаточно велика яркость образов (13,7% от всех признаков). Следует отметить, что представленные в содержании концепта образы формируются всеми 5-ю органами чувств. Среди перцептивных образов преобладают зрительные (43% от всех образов концепта). Когнитивные образы (6,7%) в языковом сознании севастопольцев носят преимущественно морально-этический характер и основаны на отождествлении русского языка с Россией, лучшими носителями языка, выдающимися деятелями, использовавшими русский язык для целей, связанных с гуманизмом, свободой, справедливостью, правдой, демонстрацией ума, мудрости и смелости.

Яркость перцептивного образа (7%) и когнитивного образа (6,7%) примерно совпадают, ни одна из составляющих образного компонента в концепте *русский язык* не является доминирующей.

Информационное содержание исследуемого концепта составляет 29,7% его содержания.

Наиболее яркими информационными признаками являются *богатство словарного состава* (15,6%) и *близость носителям языка* (5,7%), что свидетельствует, что в информационном содержании концепта доминируют прагматические признаки.

Интерпретационное поле концепта составляет 56,6% содержания концепта.

Оно очень объемно, доминирует в концепте и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение народа к своему языку и различные выводные знания о его признаках и функционировании.

Наиболее заметными в интерпретационном поле концепта является утилитарная зона (24,1%) и оценочная зона (22,5%), что свидетельствует о преимущественно эмоционально-прагматическом характере интерпретационного поля исследуемого концепта. Признаки *сложный* и *красивый* из этих двух зон входят в ядро концепта – факт, который в когнитивных исследованиях наблюдается достаточно редко. Менее заметны энциклопедическая зона (6,7%), мифологическая зона (4,9%) и социокультурная зона (2,1%).

Исследование в целом показывает, что концепт «русский язык» имеет достаточно объемное информационное содержание и богатые интерпретационные признаки, многие из которых очень ярки в структуре концепта.

Ядро концепта компактное, преимущественно оценочное, что свидетельствует о преимущественно оценочном характере концепта русский язык в русской концептосфере.

Периферия концепта тоже достаточно обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии, периферийная часть концепта содержит многочисленные признаки, обладающие заметной яркостью. Это свидетельствует о когнитивной релевантности концепта для русского сознания, о его важности для концептосферы, наличии многочисленных связей концепта «русский язык» с другими элементами русской концептосферы.

Родовой когнитивный признак концепта «средство общения» не является ярким и принадлежит дальней периферии концепта.

Необходимо также отметить, что интерпретационное поле демонстрирует в своем содержании противоречивые характеристики (что является характерным признаком интерпретационных полей концептов вообще): русский язык концептуализируется как *чистый* 24 и *засоренный* 19, как *нецензурный* 193 и как *культурный* 41, *литературный* 13, как *непонятный* 43 и как *знакомый* 28, *известный* 3, как *сложный* 808 и как *доступный* 225.

Данные признаки в содержании концепта обусловлены возрастными, социальными, гендерными или чисто субъективно-личностными, индивидуальными особенностями носителей языка.

Достаточно велика яркость образов в структуре концепта (13,7% от всех признаков). Следует отметить, что выявленные образы формируются всеми пятью органами чувств, что является достаточно редким явлением для абстрактного концепта.

Достаточно сильна и заметна в структуре концепта мифологическая составляющая – *великий, могучий* (19,8% всех признаков), но эти признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней периферии концепта.

В целом в концепте русский язык в русском когнитивном сознании ведущую роль играет эмоционально-прагматическое содержание интерпретационного поля концепта.

Концепт «русский язык» в языковом сознании севастопольцев выступает как преимущественно оценочный, причем он выступает как оценочный с ярким преобладанием положительной оценки. Положительная оценка в структуре концепта характерна для 73% когнитивных признаков, отрицательная оценка – для 7%, неоценочные признаки составляют всего 20% от общего числа признаков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адонина Л.В. Ассоциативное поле *женщина* в русском языковом сознании: гендерный аспект / Л.В. Адонина // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2005. – Вып. 8. – С. 105–115.
2. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Воркачев. – М.: Гносис. – 2004. – 237 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М.: Флинта, 2006. – 396 с.
5. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
6. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.
7. Ситько Ю.Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века I половины XX века (на примере понятия части речи) / Ю.Л. Ситько. Дисс. ... канд. фил. наук. – Тернополь, 2004. – 215 с.
8. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 125 с.
9. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка / И.А. Стернин. – Воронеж: Научное издание, 2004. – 93 с.
10. Стернин И.А. Язык и мышление / И.А. Стернин. – Воронеж: Рико, 2004. – 25 с.
11. Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Л.А. Тавдгиридзе. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 22 с.
12. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
13. Уфимцева Н.В. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / Н.В. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.
14. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.
15. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека / Т.А. Фесенко // Когнитивная семантика. – Часть

2. – Тамбов, 2000. – С. 149–151.

16. Фисенко О.С. Концепт «гроза» в русском языковом сознании. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.С. Фисенко. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 22 с.

17. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Информационные процессы и системы. – 1992. – Сер. 2. – № 6. – С. 1–8.

18. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 270 с.

19. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: Моск. ун-т, 1997. – 320 с.

20. Шестак Л.А. Русская языковая личность (Коды образной вербализации тезауруса). Дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Шестак. – Волгоград, 2003. – 514 с.

Использованные словари

21. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы Толковый словарь русских глаголов Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.

22. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.

23. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.

25. Русские пословицы и поговорки / Сост. А.И. Соболев. – М.: Сов. Россия, 1983. – 304 с.

26. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1, (Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – С. 191–218.

27. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / Под ред. акад. Н.Ю. Шведовой. Том I. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (все живое, земля, космос). – М.: Азбуковник, 1998. – 802 с.

28. Славянская мифология. Словарь-справочник / Сост. Л. Вагурина. – М.: Лиор и Совершенство, 2004. – 504 с.

29. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. – 192 с.
30. Словарь афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 2005. – 628 с.
31. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1885–1988.
32. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 60 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – М.: Оникс, 2005. – 1328 с.
33. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок / И.М. Снегирев. – Н. Новгород: Три богатыря, 1996. – 624 с.
34. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
35. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: Аст-Пресс, 1999. – 704 с.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – СПб.: Азбука, 1996. – Т. 1–4.
37. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1989. – 512 с.
38. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 2. – 464 с.
39. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.
40. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1979. – Вып. 7. – 224 с.

Ю.Л. СИТЬКО
АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ

В рамках мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе на базе кафедры русского языка и зарубежной литературы СГГУ в минувшем 2007 году был проведен целый цикл исследований, основные результаты которого отражены в этом сборнике. Однако кроме социо-психологических и когнитивистских изысканий проводился также и широкий сбор языкового материала. Активнейшее участие в этом принимали студенты-русисты Севастопольского городского гуманитарного университета. Кроме того, многие студенты филологического факультета посильно помогали в фиксации новых слов, возникающих в речи севастопольцев.

В рамках мониторинга были проведены записи живой речи севастопольцев в самых различных ситуациях (в быту, выступления на телевидении и т.д.). От разговора на рынке, в магазине, в транспорте до публичных выступлений городских политиков и чиновников. Важным элементом стал сбор письменных текстов (материалы газеты «Слава Севастополя»). Все это позволило создать предварительную базу русской речи севастопольцев. Это потребовало использования современных компьютерных технологий, которые значительно ускорят процесс лингвистического анализа текстов.

Что сегодня происходит с русским языком в г. Севастополе? Говоря о состоянии языка, следует разграничить три вида подходов к объекту:

- 1) условия функционирования языка,
- 2) построение текстов,
- 3) систему языка.

В последние десятилетия в общественной жизни произошли коренные перемены, которые принципиально изменили условия функционирования русского языка. В первую голову изменились условия существования устной публичной речи. Расширение сферы употребления публичной речи (телевидение, радио, митинги, собрания) населения заставило приобщиться к ней новые слои населения. Кроме того – и это главное – изменился сам характер порождения речи: сегодня престижной перестала быть заготовленная заранее речь, а на смену ей пришло предпочтение живого, с виду экспромтного выступления. Костяк городских политиков, и это четко прослеживается по программам севастопольских теленовостей, сегодня состоит из людей, которые могут свободно говорить на актуальные для города темы. Такой

оратор, безусловно, оценивается в обществе как психологически более близкий.

Публичная речь как жанр речетворчества все шире входит в быт сева­стопольцев: уже по традиции собирают стихийные митинги на пл. Нахимова, где, что очень важно, выступают спонтанно. С увеличением числа каналов местного телевидения развивается жанр публичного диалога, интервью. Многие сева­стопольцы перестали удивляться тому, что на улице к ним могут подойти с телекамерой и попросить ответить на несколько вопросов для той или иной телепрограммы. Все это делает публичную речь сева­стопольцев все более и более непринужденной и нестандартной, инструментом выражения индивидуального характера, взглядов, живой мысли, свободной от строгих школьных правил грамматики и стилистики. Это создает пред­посылки для непосредственного отображения в речи культурного и образовательного уровня людей, характера их отношения (или отсут­ствия такого отношения) к русскому языку.

Спонтанность публичной речи создает предпосылки для резкого возрастания числа ошибок в речи, которое вызвано не только тем, насколько быстро говорящему приходится реагировать на постоянно меняющуюся коммуникативную ситуацию, но и прямо связано с образовательным уровнем оратора.

Конец XX века был сопряжен с революционными изменениями в социальной и индивидуальной жизни сева­стопольцев, вызвавшие к жизни сдвиги и изменения в языке, последствия которых прогнозировать достаточно сложно. Немалую роль в этих процессах играет общеобразовательная школа, которая всегда являлась основным проводником норм литературного языка в сознании людей. Многочисленные изменения и сокращения программы русского языка в школах г. Севастополя, введение изучения близкородственного, но, все же значительно отличающегося украинского языка ускоряют и модифицируют эти процессы.

Деградирует ли русский язык в Севастополе? Этот вопрос волнует людей. «Ухудшение» русского языка, на которое болезненно реагируют, затрагивает не систему русского языка, а языковую компетенцию отдельных людей. Севастопольцы не стали говорить хуже или лучше, как не стали они молчаливее или говорливее. Севастопольцы стали больше говорить публично, благодаря городским СМИ, благодаря распространению малой полиграфии мы стали чаще слышать и читать друг друга. Это и создает впечатление резкого падения культуры речи, которая никогда не была общесоциальным достоянием, но которая больше всего требуется именно сегодня, когда информацион-

нашему городу манера преимущественно называть, а не нумеровать магазины (*Золотой ключик, Огонек, Источник, Приветливый, Солнечный, Русь, Ахтиар, Молодежный, Юность*) расширилась и стала нормой. В городе появлялись магазины, бары, дискотеки, которые стали своего рода частью языкового образа Севастополя: *Ален, банк Морской, Буратино, Победа, Трактир, Лазурный, Любимый, Умные книги, Хороший, Домашний, Купеческий, Арбат, Прима, Посейдон*. Распространены названия, связанные с женскими именами, часто удачные: *Гала, Никита, Танюша, Светлана, София, Джулия*. Подобные процессы, кажется, связаны с потребностью как-то обозначить свое предприятие, выделить его из пестрого ряда вывесок конкурентов. Часто названия, претендуя на уникальность и неповторимость, отражая какие-то личные мотивы их создателей или страсть к иностранным словам, получают причудливыми и претенциозными для русского языка и ума химерами: *Хакер, Стандарт-плюс, Мета-плюс, Стайл, Нэвикон-банк, Библикс, Мир ...* (миров много и разных, но *Мир окон* или *Мир мебели*, если их представить, несколько унылы), множество *мини-маркетов*. Очень неоднозначно *Сельпо*.

Что приходит в тексты новейшего русского языка? Основной процесс связан с перемещением лексических элементов из периферийных сфер языка в языковую норму. Массово в публичную речь, даже в письменный ее вариант вошли жаргонизмы, арготизмы, просторечие. Часто эти элементы, будучи «сниженными» по сравнению с нейтральными словами русского литературного языка, используются для создания эффекта задушевности, неформальности ситуации. В последние десятилетия употреблять такие слова стали намного чаще.

В русле тенденций, свойственных русскому языку, в Севастополе широко стал распространяться общий жаргон. Это такие слова, как *разборка, зачистка, тусовка, крутой, ящик* (телевизор), *тралик, бабки* (деньги), *капуста* (деньги), *барыша, ужастик*. Эти и подобные слова можно часто встретить в речи севастопольцев.

А вот несколько жаргонизмов, относящихся к разным сферам жизни. Из жаргона компьютерщиков распространяются слова: *скачать* – списать из Интернета: *мама* – материнская плата, *комп, винт, аська*.

Разговорные и просторечные элементы также широко включаются в современную речь. Наиболее ярко эти процессы проявляются в топониимике Севастополя, где людям приходится довольно часто сталкиваться с необходимостью кратко и сжато указать на не всегда удобные для называния реалии или на места, у которых нет официального названия: *Розочка* (ул. Розы Люксембург), *Хрустали, Острижки, Хрюшка, Летчики, Пятаки, Соловьи, Кресты, Высела*. Факты употребле-

ния сниженной лексики в речи литературно-говорящих людей и сред-ствах массовой информации многочисленны и разнообразны.

Значительная часть разговорных наименований Севастополя – это аббревиатуры, что, видимо, связано с тем, что город тесно связан с флотом и вообрал в себя военную манеру аббревиатуры и сложносокращенные слова шире, чем это принято в русском языке: *ДОФ, ПОР, ГДК, СГГА, УКИЦ, церынок, бэморская, ЗБ, жэдэвокзал* (очень редкое название в русских городах), *морпорт*.

Сниженные элементы могут выстраиваться в синонимические ряды. Так, нейтральная номинация *пятиэтажный дом* имеет три сниженных синонима: *пятиэтажка* (разг.) – *хрущевка* (прост.) – *хрущоба* (жаргон). *Пятиэтажка* – суффиксальный универбат, созданный на базе словосочетания; *хрущевка* – производное с суфф. -к(а) от фамилии Хрущев (при котором строили такие дома); *хрущоба* – каламбурное скрещение начальной части фамилии Хрущев и конечной части слова трущоба. То же и с *маршрутным такси* которое имеет сниженные синонимы *маршрутка* и *топик*.

Иноязычные элементы широким потоком вливаются в тексты севастопольцев. Это – прежде всего названия новых явлений, предметов, понятий в политике, экономике, науке, быту, торговле, искусстве. Часто такие слова – просто дань моде и признак стремления покрасоваться, показать налет престижности. Нормой для севастопольцев уже стали *дизайн, тренинг, менеджер, ресепшен, стикер, байк, презентация, шоу*, а звучные *супервайзер, мерчандайзер, старчек* и прочее были столько раз вышучены, что стали *мерчиком, сторчиком*.

Широко пополняется молодежная лексика разнообразными жаргонизмами из области сетевой культуры. Эти процессы настолько стремительны, что требуют постоянного мониторинга, тут постоянно возникают и исчезают новые слова и выражения: *аффтар вытей йаду; аффтар жжот нипадецки; аффтар пешы исчо; ахтунг; аццкий сотона; в мемориз*.

Кроме изменений в лексике севастопольцев, наблюдаются отклонения в грамматическом строе речи горожан. Неправильное употребление аналитических форм сравнительной степени стало широко распространенным в устной речи людей разного возраста: *более лучше; пора одеваться более помоднее*. Это говорит об ослаблении в представлении говорящих морфологических средств выражения сравнительной степени. То же относится и к все усиливающейся тенденции к отсутствию склонения имен числительных, которая настолько распространена, что даже не нуждается в примерах. Наблюдается тенденция к расширению случаев употребления предложно-падежных

конструкций по сравнению с нормами грамматики. Однако эти вопросы требуют довольно продолжительных исследований живой русской речи севастопольцев, ее анализа, соотнесения с языковой практикой других городов России и Украины.

В целом же можно отметить, что русский язык в Севастополе находится в относительно выигрышном положении в сравнении с русским же языком таких городов, как Харьков, Донецк, Киев, где он испытывает более мощное влияние украинского языка. Однако наблюдается тенденция к смешению русского и украинского языков, особенно в письменной речи школьников и студентов, что требует пристального внимания школы. В этой связи, кажется, следует ставить вопрос о расширении программы развития русского языка в школах и вузах Севастополя, проведении на базе вузов Севастополя курсов по русскому языку для горожан.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ СЕВАСТОПОЛЯ

Этот словарь представляет собой предварительные материалы к словарю Севастополя. Сюда вошли преимущественно отличающиеся от официальных названий топонимы в том виде, как они употребляются в живой повседневной речи.

При создании этого словаря мы не ставили цель дать энциклопедическую информацию о тех или иных явлениях, но стремились отобразить то место, которое занимает определяемое слово в лингвистическом образе города.

Нетрудно догадаться, что представляемые материалы неполны и требуют значительной доработки и расширения. Поэтому автор обращается ко всем заинтересованным лицам с просьбой сообщать новые слова, которые могут расширить эти материалы.

Аллея – Аллея, ведущая через сквер от Центрального рынка к ул. Ген. Петрова в *Центре*. Место мелкой торговли. Ранее считалась центром городской нелегальной торговли валютой.

Артбухта – Артиллерийская бухта.

Ближний пляж – Пляж между Балаклавой и м. Айя, располагается ближе к Балаклаве.

Близнецы – 1. Место у основания лестницы, ведущей от наб. Корнилова на пр. Нахимова между театром им. Луна-чарского и гостиницей «Севастополь» в *Центре*. 2. Два бара по бокам от основания лестницы, ведущей от наб. Корнилова на пр. Нахимова между театром им. Луначарского и гостиницей «Севастополь» в *Центре*.

Братское – 1. Район на Северной стороне, расположенный вблизи Братского кладбища защитников Севастополя I обороны (1854–1855 гг.). 2. Автобусная остановка около Братского кладбища.

Бэмэ (бээм) – ул. Большая Морская в *Центре*.

Вокзалы – Железнодорожный вокзал и автовокзал. Располагаются в непосредственном соседстве.

Воронцовка – Местность с располагающимися на ней сооружениями на Воронцовой горе между ул. Ген. Мельника и пр. Победы на *Корабельной стороне*.

Галоша – *Голландия*.

Гоголя (на Гоголях) – часть ул. Гоголя от пл. Ушакова до магазина «Горячий хлеб» в *Центре*.

Голландия – 1. Бухта и балка Голландия и прилегающая к ним местность с располагающимися на ней сооружениями на *Северной сто-*

Кассы – Здание касс предварительной продажи билетов на поезда дальнего следования на *Корабельной стороне*. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси.

Колоба – Местность с располагающимися на ней сооружениями восточнее пр. Окт. Революции, прилегающая к ул. Колобова на *Летчиках*.

Кольцо (городское кольцо) – Местность с располагающимися на ней сооружениями, образуемая ул. Ленина, пл. Нахимова, пр. Нахимова, пл. Лазарева, ул. Большая Морская, пл. Ушакова.

Комплекс – 1. Остановка троллейбусов № 2, 12, 14, 17, 20, 26 «Детский комплекс» на Остряхах. 2. Детский больничный комплекс на *Остряхах*. 3. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к Детскому больничному комплексу на *Остряхах*.

Кондрафос – дикий скалистый пляж возле паромного причала на Северной стороне.

Консоль – Многоквартирный жилой дом по пр. Ген. Острякова, 1 на *Остряхах*. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси.

Корабелка – Корабельная сторона.

Корабельная сторона – Район города, находящийся к востоку от Южной бухты. Место расположения основных судоремонтных заводов Севастополя и крупных жилых массивов.

Кошка – 1. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов № 1, 3, 7, 9, 17, 20. 2. Памятник матросу Петру Кошке на *Корабельной стороне*.

Крым – 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к гостинице «Крым». 2. Ночной клуб «Цепелин».

Кулики – Куликово поле.

Куликово поле – Местность с располагающимися на ней сооружениями между ул. О. Кошевого, ул. Н. Музыка и ТЦ «Океан» на *Остряхах*.

Кучмовский дом – *Титаник*.

Лазаревские казармы – Строения в районе ул. Лазаревской на *Корабельной стороне*. В двух из зданий Лазаревских казарм расположен Черноморский филиал МГУ.

Летчики – Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пр. Окт. Революции.

Лужковские дома – Дома, построенные для офицеров ЧФ РФ на средства Московского правительства. Находятся в районе пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Лебеда на *Остряхах*.

Лягушатник – Плохой, неглубокий пляж с грязной водой.

Максимка – Максимова дача, живописные остатки парка при усадьбе А. Максимова. Место отдыха севастопольцев.

Малашка – 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пл. Малахов курган, на *Корабельной стороне*. Частично застроена частными домами. 2. Парк с мемориальным комплексом на Малаховом кургане.

Масики – Монтажные блоки мола в порту в Камышовой бухте в *Камышах*.

Матюха – Местность с располагающимися на ней сооружениями в районе горы Матюшенко (ул. Матюшенко, Коммунистическая, Руднева). Застроена частными домами.

Маяк (Херсонесский) – местность, прилегающая к маяку на м. Херсонес в *Казачке*.

Мекешки – 1. Район Мекензиевы горы на Северной стороне. 2. Пригородная железнодорожная станция.

Минка – Причал «Минная стенка» в Южной бухте, находящийся за Музеем истории ЧФ РФ в *Центре*. Место стоянки кораблей разных классов ЧФ РФ.

Михайловский (Михайловское) – район ул. Михайловской на Северной стороне, где ранее находилось Михайловское кладбище, вблизи Михайловского равелина.

Мокрая – 1. Турбаза им. Мокроусова на *Северной стороне*. 2. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к турбазе им. Мокроусова на Северной стороне.

Московский рынок (Москва) – 1. Остановка троллейбусов № 2, 12, 1, 20 «Кинотеатр “Москва”» 2. Кинотеатр «Москва» на *Остряхах*. 3. Вещевой и продовольственный рынок возле кинотеатра «Москва» на *Остряхах*.

Нахаловка – Остановка маршрутного такси № 36, 52 «Любимовский мост» в пос. Любимовка на *Северной*.

Нахимка – Бывшее Высшее военно-морское училище им. П.С. Нахимова, ныне – Военно-морской институт им. П.С. Нахимова.

Нептун – 1. Торговый комплекс на пр. Нахимова, 9 в *Центре*. Ранее ресторан «Нептун». 2. Дельфинарий, бары и дискотека, располагающиеся на территории водно-спортивной базы «Нептун» на берегу Артиллерийской бухты на наб. Корнилова, 2 в *Центре*.

Одеколон – *Шарик*.

Омега – 1. пляж «Омега» на западном берегу Круглой бухты. Место расположения большого количества дискотек и ночных клубов на *Летчиках*. 2. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов № 10, 14 «Пляж Омега» на *Летчи-*

ках. 3. Бухта Круглая.

Орджоникидзе – Морской завод им. Серго Орджоникидзе на *Корабельной*.

Остряки – Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пр. Ген. Острякова.

Парасовка – Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к ул. Абрикосовой на *Корабельной* стороне.

Паровоз – Паровоз, поставленный на вечную стоянку в память о бронепоезде «Железников» у автовокзала.

Первая гор – Городская больница им. Н.И. Пирогова № 1 на пл. Восставших, 19.

Переход – 1. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбусов № 12, 14, 17, 20, 2 «Школа № 7» на *Остряках*. Располагается возле подземного перехода. 2. Ларьки в подземном переходе на *Остряках*.

Пироговка – Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пл. Пирогова на *Матюхе*.

Победа – 1. Остановка троллейбусов № 1, 2, 9, 13 «Кинотеатр “Победа”» в Центре. 2. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пр. Победы на *Корабельной* стороне.

Полтинник – Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пл. 50-летия СССР.

ПОР – Широко распространенная аббревиатура пр. Окт. Революции на *Летчиках*.

Почта – Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к остановке троллейбуса и маршрутного такси № 10 «пр. Гер. Сталинграда, 28» в *Камышах*. Получила название из-за располагающегося в непосредственной близости отделения почты.

Президентский дом – *Путинский дом*.

Приборка – 1. Севастопольский национальный технический университет (СевНТУ), бывший Севастопольский приборостроительный институт. 2. Учебные корпуса СевНТУ.

Примак – Приморский бульвар в *Центре*.

Примбуль – *Примак*.

Прэкс – Проспект в применении к пр. Окт. Революции или к пр. Победы.

Путинский дом – Жилые дома офицеров ЧФ РФ, построенные на средства, переданные в дар президентом РФ В.В. Путиным. Отличаются специфическим оформлением фасадов.

Пятаки – Пятый микрорайон.

Пятый километр – 1. Пятый километр Ялтинского шоссе. 2. На-

звание конечной остановки троллейбусов и маршрутного такси № 2, 12, 14, 17, 20, 26. Располагается на 5-м километре Ялтинского шоссе. 3. Вещевые и продовольственные рынки, располагающиеся на 5-м километре Ялтинского шоссе. 4. Городское кладбище, примыкающее к поселку Кальфа.

Пятый – *Пятый километр*.

Равелин – район, расположенный вблизи Константиновского равелина на Северной стороне.

Ракушка – Открытая эстрадная площадка на Приморском бульваре в *Центре*. Имеет форму раковины.

Россия – район, прилегающий к кинотеатру «Россия» на пл. 50-летия СССР.

Русь – Супермаркет «Сельпо» и расположенный в том же здании развлекательный комплекс с примыкающими к ним сооружениями на ул. Фадеева, 5 на *Летчиках*. Ранее – универсам «Русь».

Самолет – памятник летчикам на пр. Ген. Острякова.

Северная сторона – часть Севастополя, располагающаяся к северу от Севастопольской бухты.

Северная – 1. *Северная сторона* города. 2. Бухта напротив Графской пристани. 3. Причал катеров на Северной стороне. 4. Район, находящийся на северном берегу Севастопольской бухты и примыкающий к бухте Северной на *Северной стороне*.

Серебряный пляж – *Ближний пляж*.

Смотровая – Смотровая площадка на шоссе Севастополь – Ялта над урочищем Ласпи, устроенная над крутым обрывистым склоном.

Солнечный – 1. Магазины, находящиеся на 1-м этаже дома № 80 по пр. Ген. Острякова между кинотеатром «Москва» и ТЦ «Океан» на *Остряках*. Ранее – универсам «Солнечный». 2. Пляж в Песочной бухте.

Соловьи – Торговый комплекс, располагающийся между туп. Соловьева и остановкой троллейбуса и маршрутного такси «ул. Токарева», недалеко от Остряков на *Хрусталях*. Ранее – торговые склады.

СПИ – *Приборка*.

Сталинградский рынок – Рынок и прилегающая к нему местность на остановке троллейбусов и маршрутных такси № 10 «ул. Гер. Сталинграда» в *Камышах*.

Степаняна – Местность, прилегающая к остановке троллейбусов и маршрутных такси № 10 и 14 «ул. Степаняна» в начале пр. Окт. Революции с располагающимися на ней сооружениями на *Летчиках*.

Стометровка – Участок наб. Корнилова от Главного универмага до ул. Айвазовского в *Центре*, около *Артбухты*. На С. располагается

большое количество баров. Место отдыха севастопольцев и гостей города.

Стрелецкая – 1. Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к пр. Гагарина и ул. Меньшикова. 2. Стрелецкая бухта. 3. Местность, прилегающая к Стрелецкой балке, с располагающимися на ней сооружениями.

Таблетка – Сквер между театром им. Луначарского и гостиницей «Севастополь» в Центре. Место сбора неформальной молодежи.

Титаник – Многоквартирный жилой дом около остановки троллейбусов и маршрутного такси № 10, 14 «Пляж Омега» в *Омеге*.

Топик – Микроавтобус, выполняющий функции маршрутного такси в Севастополе.

Трусняк – Специфические «семейные» мужские трусы, как правило, на несколько размеров больше необходимого и надеваемые по несколько пар сразу для купания в море. Предназначены для предохранения органов нижней части туловища от удара при прыжках с большой высоты в воду.

Туча – Вещевой и оптовый продовольственный рынки, находящиеся на 5-м километре Ялтинского шоссе в конце *Остряков*.

Украина – 1. Название остановки троллейбуса и маршрутного такси № 3, 5, 12, 17, 20 «Кинотеатр “Украина”» в *Центре*. 2. Гостиница «Украина» на *Ушаках*.

Ушаки – Пл. Ф. Ушакова и прилегающая к ней местность со стоящими на ней сооружениями в *Центре*.

Фиолент – Местность, прилегающая к дороге на м. Фиолент. Район дач. Изобилует обрывами и опасными спусками к небольшим галечным пляжам.

Флакон – *Шарик*.

Херсонес – 1. Пиццерия «Челентано» на пл. 50-летия СССР. Часто используется как ориентир для остановки маршрутного такси. Бывшее кафе «Херсонес». 2. Местность с располагающимися на ней сооружениями, раскопками и пляжами, прилегающая к Херсонесскому историко-архитектурному музею-заповеднику. 3. Мыс Херсонес в *Казачке*.

Хрустали – Местность с располагающимися на ней сооружениями, прилегающая к ул. Хрусталева, недалеко от *Остряков*.

Хрусталка – Пляж Хрустальный в Центре. Место расположения дискотек.

Хрюша – *Хрюшка*.

Хрюшка – 1. Рынок на пересечении пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Хрюкина *Остряках*. 2. Название остановки троллейбуса и маршрут-

ного такси № 2, 12, 14, 17, 20 «ул. Ген. Хрюкина» на *Остряках*. 3. Местность со стоящими на ней сооружениями, прилегающая к пересечению пр. Ген. Острякова и ул. Ген. Хрюкина на *Остряках*.

Хутор – Хутор Пятницкого, место расположения психиатрического, наркологического и туберкулезного диспансеров.

ЦУМ – Центральный универмаг на пл. 50-летия СССР.

Цэ рынок – Центральный рынок в Центре.

Чайка – Продовольственный, сельскохозяйственный и вещевой рынок на пл. Восставших. Ранее – стадион «Чайка».

Шарик – Многоэтажное здание конструкторского бюро завода «Муссон» с большой пластиковой сферой на крыше.

Шайба – ресторан «Мзиури» (ранее «Солнечный») на Ялтинском шоссе, расположенный на повороте в Балаклаву.

Штык – Памятник «Штык и парус» на мысе Хрустальный и местность, прилегающая к нему, в *Центре*.

Юмашка – 1. Местность, прилегающая к остановке троллейбусов и маршрутного такси № 10 и 14 «ул. Юмашева» на пр. Окт. Революции, с располагающимися на ней сооружениями на *Летчиках*. 2. Рынок (Юмашевский рынок), примыкающий к остановке троллейбусов и маршрутного такси № 10 и 14 «ул. Юмашева» на пр. Окт. Революции, с располагающимися на нем сооружениями на *Летчиках*.

Юность – 1. Остановка троллейбуса и маршрутного такси № 13, 14 «ул. Шабалина» на *Хрусталах*. 2. Торговый центр «Купи сам» на ул. Хрусталева, 33. Ранее – столовая «Юность».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беликов В.И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2004.
2. Колесов В.В. Язык города. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Ситько Ю.Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века I-ой половины XX века (на примере понятия части речи): Дис. ... к. филол. н.: 10.02.19. – Тернополь, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДОНИНА Лариса Валериевна — к.филол.н., старший преподаватель Севастопольского городского гуманитарного университета.

КУЗЬМОВИЧ Евгений Иванович — старший преподаватель СФМА-УП.

ЛЕЩАК Олег Владимирович — д.филол.н., профессор Свентокшиской академии (Кельце, Польша).

ПОНОМАРЕНКО Ирина Львовна — к.псих.н., доцент Севастопольского городского гуманитарного университета

СИТЬКО Юрий Леонидович — к.филол.н., старший преподаватель Севастопольского городского гуманитарного университета.

СЛЮСАРЬ Жанна Валериевна — заместитель начальника ГорУОН по дошкольным и общеобразовательным учебным заведениям, учебно-воспитательной работе, деятельности ИПО, инспекции, психологической службе.

СТЕРНИН Иосиф Абрамович — д.филол.н., профессор Воронежского государственного университета (Россия).

ШМЕЛЕВА Татьяна Викторовна — д.филол.н., профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
И . Л . П О Н О М А Р Е Н К О . Социально-психологическая интерпретация статистического анализа результатов мониторинга языковой ситуации в г. Севастополе	6
Е.И.Кузьмович. Функционирование русского языка в свете Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств: Юридический аспект	49
Ж . В . С Л Ю С А Р Ь . Информация о выполнении мероприятий Программы развития регионального русского языка, русской культуры в Севастополе на 2007–2011 гг. по состоянию на 01.11.2007 г.	65
О . В . Л Е Щ А К . Функционально-прагматические основы исследования города Севастополя как семиотического объекта	72
Т . В . Ш М Е Л Е В А . Язык города: опыт изучения и перспективы. История как серия открытий	111
И . А . С Т Е Р Н И Н , Л . В . А Д О Н И Н А . Концепт «русский язык» в языковом сознании севастопольцев	163
Ю . Л . С И Т Ь К О . Активные процессы в русском языке г. Севастополя	188

Научное издание

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
В г. СЕВАСТОПОЛЕ**

Корректор – Л. В. Ильина

Подписано в печать с оригинал-макета 26.11.2007 г.

Формат А5. Бумага офсетная.

Гарнитура – Миньон.

Тираж – 150 экз.

Распространяется бесплатно.